

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

1(11)'2015

Международный научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г.
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-0740 (Print); 2311-0759 (Online) от 23.12.2013 г.
- Включен в каталог ОАО Агентство «Роспечать». Подписной индекс 70771
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Материалы журнала размещаются на сайте Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740

© Саратовский государственный
университет, 2015

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)

Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Польша, Ополе)

В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Украина, Харьков)

М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Израиль, Хайфа)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Россия, Волгоград)

Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (США, Беркли)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)

Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Литва, Каунас)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Витебск)

А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Финляндия, Хельсинки)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Минск)

Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Австралия, Канберра)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Австрия, Вена)

О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Россия, Красноярск)

Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Новосибирск)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Казахстан, Павлодар)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (КНР, Пекин)

Т. В. Шмельёва, доктор филол. наук, проф. (Россия, Великий Новгород)

Ответственный секретарь

Н. Б. Степанова, кандидат филол. наук, доцент (Россия, Саратов)

Editor-in-Chief

V. V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Deputy Editor-in-Chief

L. V. Balashova, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Editorial Board:

V. M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

E. G. Elina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Poland, Opole)

V. E. Goldin, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

O. I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Ukraine, Kharkov)

V. I. Karasik, Ph.D., Prof. (Russia, Volgograd)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (USA, Berkeley)

T. V. Larina, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Lithuania, Kaunas)

V. A. Maslova, Ph.D., Prof. (Belarus, Vitebsk)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (China, Beijing)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Finland, Helsinki)

B. Y. Norman, Ph.D., Prof. (Belarus, Minsk)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Australia, Canberra)

V. V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Austria, Vienna)

T. V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Russia, Velikiy Novgorod)

O. B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

A. P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Russia, Krasnoyarsk)

T. I. Steksova, Ph.D., Prof. (Russia, Novosibirsk)

Z. K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Kazakhstan, Pavlodar)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Israel, Haifa)

Executive Secretary

N. B. Stepanova, Ph.D., Assoc. Prof. (Russia, Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

О Международном журнале «Жанры речи»	8
--	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В. В. Красных Москва, Россия	Жанры речи сквозь призму многомерности бытия <i>Человека говорящего</i>	9
С. В. Мкртычян Тверь, Россия	Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности	15
И. С. Шевченко Харьков, Украина	Концепт коммуникативного поведения и жанр	23
Л. Р. Безуглая Харьков, Украина	Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры	30

ПЕРЕВОДЫ

Мария Войтак Люблин, Польша	Генология обиходных текстов (<i>Перевод В. В. Дементьева</i>)	38
Анна Ганус Жешов, Польша	Является ли «жанр» «типом»? (генологические джунгли в полонистике и германистике) (<i>Перевод В. В. Дементьева</i>)	51

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

В. В. Прозоров Саратов, Россия	Две стратегии речевого поведения: спор и взаимный поиск согласия.....	57
В. К. Харченко Белгород, Россия	Сентенции в речевом жанре бытового разговора: сопряжение акустической и книжной культур.....	68
Е. А. Никишина Москва, Россия	Письма-отречения как характерная черта советского дискурса (на материале писем читателей в газеты «Правда» и «Известия» в 20-е гг. XX века)	76
В. И. Жельвис Ярославль, Россия	Жанр обзываний: тело как бранный инвентарь (немецко-русские языковые параллели)	85
Н. А. Карпова Томск, Россия	Административное объявление как речевой жанр	93

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В. И. Карасик Волгоград, Россия	Поэтическая рефлексия в комической миниатюре	101
И. А. Тарасова Саратов, Россия	Жанр фрагмента в поэзии «Парижской ноты»	111
Е. А. Пономаренко Симферополь, Россия	Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей)	117

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

- Е. И. Горошко,
Л. В. Павлова**
Харьков, Украина Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) 122
- В. В. Дементьев**
Саратов, Россия «Луркоморье» vs. «Википедия» = «неформально» vs. «формально»? 137

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

- В. В. Дементьев**
Саратов, Россия Еще раз о дедукции в коммуникативистике: реплика по поводу статьи В. М. Алпатова о «детских болезнях» современной лингвистики 152
- В. В. Дементьев,
Н. Б. Степанова**
Саратов, Россия Международная конференция *Одиннадцатые Шмелёвские чтения* (Москва, 23–25.02.2015) по речевым жанрам 159
- Правила представления авторами рукописей в журнал «Жанры речи» 163

CONTENTS

About the International Journal «Speech Genres»	8
--	---

GENERAL PROBLEMS OF THE SPEECH GENRES THEORY

V. V. Krasnykh Moscow, Russia	Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of <i>Homo Loquens</i>	9
S. V. Mkrttychian Tver, Russia	Speech genre: the unit of product structuring of speech activity	15
I. S. Shevchenko Kharkov, Ukraine	Concept of communicative behavior and genre.....	23
L. R. Bezugla Kharkov, Ukraine	Insincere speech acts and insincere speech genres	30

TRANSLATIONS

Maria Wojtak Lublin, Poland	Genology of usual texts (<i>Russian translation by V. V. Dementyev</i>).....	38
Anna Hanus Rzeszów, Poland	Is “Species” a “Type”? In the thicket of Polish and German genologies (<i>Russian translation by V. V. Dementyev</i>).....	51

STUDIES OF INDIVIDUAL GENRES

V. V. Prozorov Saratov, Russia	Two strategies of verbal behavior: debate and joint search for consent.	57
V. K. Kharchenko Belgorod, Russia	Reasonings in speech genre of life-talk: combination of acusmatics and literary culture	68
E. A. Nikishina Moscow, Russia	Letters of recantation as a specific feature of soviet discourse (based on readers’ letters to «Pravda» and «Izvestija» newspapers in 1920s).....	76
V. I. Zhelvis Yaroslavl, Russia	The name calling communication genre: German vs. Russian names of human body parts as a source of derogatory idioms	85
N. A. Karpova Tomsk, Russia	Administrative announcement as a speech genre	93

GENRES IN ART

V. I. Karasik Volgograd, Russia	Poetic reflection in a comic miniature.....	101
I. A. Tarasova Saratov, Russia	The genre of fragment in the poetry of the Paris note	111
E. A. Ponomarenko Simferopol, Russia	The classification of speech genres used in the sphere of institutional (medical) discourse (based on works by Russian writers – doctors)	117

INTERNET GENRES

O. I. Goroshko,
L. V. Pavlova
 Kharkov, Ukraine
 Text transformation under the influence of the genre system
 of communicative Internet space social media services
 (based on English-language political sites) 122

V. V. Dementyev
 Saratov, Russia
 «Lurkmore.ru» vs. «Wikipedia» = «informally» vs. «formally»? 137

REVIEWS. CHRONICLE

V. V. Dementyev
 Saratov, Russia
 Once again, on deduction in Communicativistics:
 a remark about the article by V. M. Alpatov
 about «childhood diseases» in modern linguistics 152

V. V. Dementyev,
N. B. Stepanova
 Saratov, Russia
 International conference *Eleventh Shmelev reading*
 (Moscow, 23-25.02.2015) on speech genres 159

Manuscripts requirements 163

О Международном журнале «Жанры речи»

В Национальном исследовательском Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского с 2013 г. издается **Международный журнал «Жанры речи»**, посвященный проблеме речевых и коммуникативных жанров, актуальным направлениям изучения речевых жанров.

Главная задача журнала – по возможности представительно отражать общее состояние теории речевых жанров в России и мире, представлять наиболее актуальные направления изучения речевых жанров.

По замыслу редакционной коллегии журнала, много внимания будет уделяться как общетеоретическим проблемам жанроведения, так и конкретным речевым жанрам. В журнале будут печататься статьи по проблемам теории речевых жанров: типология жанров и жанровых форм, жанры в связи с языком, культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством, СМИ, сопоставительное изучение речевых жанров и др.

Журнал создан на базе получившего широкую известность в России и за рубежом серийного тематического **сборника научных статей «Жанры речи»** (Саратов ; Москва, 1997–2012. Вып. 1–8).

Редколлегия сборника «Жанры речи» пыталась привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи.

В выпусках сборника был представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. В сборнике представлены также работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Балашов, Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Вильнюс, Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе, Хельсинки). В статьях, опубликованных в различных выпусках сборника, рассматриваются как общетеоретические проблемы жанроведения, так и конкретные речевые жанры.

В состав редколлегии в различные годы входили: В. Е. Гольдин (отв. ред. вып. 1–3), В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. В. Демен-

тьев (отв. секретарь вып. 1–3, отв. ред. вып. 4–8), В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, Н. Б. Рогачёва / Степанова (отв. секретарь вып. 5–7), М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва.

С 1997 г. вышло 8 выпусков «Жанров речи», посвященных таким проблемам, как «жанр и концепт», «жанр и культура», «жанр и язык», «жанр и языковая личность», «жанр и творчество» (последний посвящен памяти проф. К. Ф. Седова (1954–2011)).

Преимуществом журнала «Жанры речи» по отношению к сборнику редколлегия подчеркивает сохранением нумерации: первый номер журнала является одновременно девятым выпуском сборника.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи **до 1 июня и 1 декабря** каждого года.

Издатель и редакционная коллегия журнала «Жанры речи» в равной степени несут ответственность за издание журнала. Издатель имеет право нанимать и увольнять редакторов и принимать важные коммерческие решения, которые требуют активного участия со стороны редактора. Редакционная коллегия обращает внимание на то, соответствуют ли определенные исследования этическим нормам и может ли их публикация нанести вред читателям или интересам самого журнала, и несет полную ответственность за определение редакционного содержания журнала. Редакционная коллегия также побуждает рецензентов к проведению тщательных проверок рукописей на оригинальность и любой тип потенциальных нарушений научной этики.

Контакты. Почтовый адрес журнала «Жанры речи»: 410012, Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики (ком. 207), главному редактору Дементьеву Вадиму Викторовичу или ответственному секретарю Степановой Наталье Борисовне.

Телефон: (8452)-21-06-24 (кафедра)

Факс: (8452) 21-06-44

E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27'38
ББК 81.2Рус-5

В. В. Красных
Москва, Россия

V. V. Krasnykh
Moscow, Russia

ЖАНРЫ РЕЧИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МНОГОМЕРНОСТИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО

SPEECH GENRES THROUGH THE PRISM OF THE MULTIDIMENSIONALITY OF HOMO LOQUENS

Аннотация. В статье кратко рассматривается соотношение языка, культуры, лингвокультуры, сознания, коммуникации и сообщества, являющихся неотъемлемыми составляющими неразрывного единства феноменов, находящихся сегодня в фокусе внимания многих интегративных исследований. Предлагается рассмотрение жанров речи сквозь призму данного единства.

Ключевые слова: Человек говорящий, язык, культура, лингвокультура, сознание, сообщество, жанры речи.

Abstract. The article is devoted to a concise analysis of correlation between language, culture, linguo-culture, mind, communication and community, that are regarded as part and parcel of some indivisible unity which is in focus of nowadays researches of integrative character. The speech genres are analysed in the paper through the prism of the unity in question.

Key words: Homo Loquens, language, culture, linguo-culture, mind, community, communication, speech genres.

Сведения об авторе: Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: victoryvk@gmail.com

About the author: Krasnykh Victoria Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Moscow State University.

Современная научная парадигма, характеризующаяся антропологическим характером и интегративностью исследований, рассматривает язык, культуру и лингвокультуру как неотъемлемые составляющие неслиянного единства «ЧЕЛОВЕК – ЯЗЫК – СОЗНАНИЕ – КУЛЬТУРА – ЛИНГВОКУЛЬТУРА – СООБЩЕСТВО – КОММУНИКАЦИЯ». Остановимся на звеньях указанного единства чуть подробнее и соотнесем их с жанрами речи. Поскольку каждое из звеньев равно важно и последовательность их представления в данном случае не носит принципиального характера, начнем с рассмотрения феномена культуры.

Совершенно очевидно, что культура находится в фокусе внимания целого ряда наук: истории, культурологии, антропологии и культурной антропологии, этнологии и этнографии, этнолингвистики и под. В конце XX века в круг данных дисциплин вошло и за последние десятилетия прочно заняло свое место молодое направление научных изысканий – лингвокультурология, формирование и становление которой неразрывно связано с именем В. Н. Телия, чьи идеи нашли развитие в некоторых теоретических положениях, представленных в данной статье.

Итак, в рамках разрабатываемого подхода КУЛЬТУРА понимается как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [1 : 222], т. е. как *мировидение, миропонимание и мироощу-*

щение некоторого сообщества. Иначе говоря, культура предстает как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в самом широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокупность обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой – *воспроизводиться и сохраняться*. В любом случае она поддается транслированию как синхронно (между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы; «горизонтальная» трансляция), так и диахронно (не только непосредственно межпоколенно – от одного поколения другому, но и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; «вертикальная» трансляция).

Следовательно, культура может рассматриваться и как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» (выделено мною. – В. К.) и может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут

сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [2]. Эти идеи Ю. М. Лотмана определенным образом, на мой взгляд, соотносятся с понятием *ОБРАЗА МИРА*, предложенным и разработанным А. Н. Леонтьевым (см., напр., [3]). Напомню, что для А. Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и в то же время объективность. Многомерность образа мира обуславливается тем, что «в образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает только рефлексия, и это важно!)» [3]. Ср. с пониманием картины мира у М. Хайдеггера: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [4]. Образ мира субъективен, поскольку он складывается в процессе накопления прижизненного опыта, а объективен, поскольку соотносимость индивидуальных деятельностей в единой культурной среде обуславливает появление *общих компонентов сознания*. Кроме того, объективность образа мира достигается тем, что *познание* человеком действительности опосредовано *единой для всех* представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации *системой значений*. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [5].

В нашей повседневной практике культура скорее «иррациональна», нежели «рациональна». Вместе с тем в случае необходимости мы можем отрефлексировать это «пространство общей памяти», эту совокупность представлений, иначе говоря – культуру. Правда, это всегда требует определенных усилий.

Формируясь в нас в процессе социализации, культура формирует нас как личность. Она пронизывает все наше бытие, но при этом зачастую не замечается нами, как не замечается нами воздух, которым мы дышим. Но как только меняется состав воздуха, мы тут же фокусируем на этом внимание и пытаемся понять причины изменений. Так же и культурой, которая ощутимо проявляется и становится заметной для нас в том случае, когда мы сталкиваемся с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. Думается, что частично это связано с тем, что культура, по Ю. М. Лотману [2], имеет, помимо коммуникационной, еще и символическую природу. Последняя же обуславливается тем, что за знаками, которыми обмениваются личности в процессе общения, всегда стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для других (культурноносные смыслы языковых единиц, ритуалов, артефактов и под.).

Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексировано, то, что, выполняя определенные функции, лежит в основе культурной идентификации и самоидентификации личности или феномена.

Что касается *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, то она понимается как *культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык*. Лингвокультура является *лингво-когнитивным* феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, представляющей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но *образами сознания*, облеченными в *языковые знаки*. Следовательно, изучение лингвокультуры необходимо требует выработки иных, новых методов исследований, методов интегративного характера, соответствующих комплексной (как минимум – лингво-когнитивной) природе анализируемых феноменов. «Семантика» лингвокультуры – это *культурноносные смыслы, овнешненные в знаках язы-*

ка. Можно ли сказать, что лингвокультура «равна» образу мира или языковому сознанию? (Если так, то нет смысла вводить данный термин и обосновывать данное понятие.) Думается, что нет. И дело здесь в первую очередь в том, что языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, а лингвокультура – *только общие компоненты образа мира*, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность.

Как известно, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция культуры, при этом социализация происходит всегда в коммуникации, а коммуникация осуществляется всегда на некотором языке в условиях некоторой культуры. Основным, хотя и не единственным, каналом социализации по праву считается язык. Не требует доказательств и тезис о том, что язык и культура связаны отношениями двунаправленной зависимости. В свете сказанного думается, что есть некое «пространство общей памяти», закреплённой именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где *культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают*, как писала В. Н. Телия [1; 6], *только как тела для знаков языка культуры*. Это «пространство» и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой).

Исходя из только что сказанного о лингвокультуре, представляется возможным утверждать, что в сфере культуры и лингвокультуры *язык* выполняет *функцию означающего*, а в роли *означаемого выступают культурно-маркированные образы сознания, культура* как таковая в представленном ранее понимании.

И еще одно утверждение. Если базовой категорией культуры, по мнению В. Н. Телия, является человек (что предопределяет и базовую оппозицию культуры – «достойно /

недостойно»), то базовой категорией лингвокультуры следует, вероятно, признать *ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО – HOMO LOQUENS*.

HOMO LOQUENS может быть определен как носитель сознания, полноправный член общества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в широком смысле данного термина: говорение – слушание – чтение – письмо, а также осмысление, необходимо требующее участия языка). Как известно, чтобы стать личностью, необходимо пройти процесс социализации, т. е. освоить, усвоить и присвоить (интериоризовать) достижения культуры, созданные предшествующими поколениями. Таким образом, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция *КУЛЬТУРЫ* (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и под.). Основным (но не единственным) каналом, посредством которого это происходит, и основным (опять же не единственным) инструментом формирования личности как члена общества является *ЯЗЫК*, выступающий (в том числе) в роли означающего для культурноносных смыслов. Соответственно, в процессе социализации происходит интериоризация *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*. Происходить социализация может только в *КОММУНИКАЦИИ*, ибо коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ «жития» и трансляции самой культуры и лингвокультуры. Без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность. Помимо этого, коммуникация – это канал и способ, посредством которого *СООБЩЕСТВО* себя являет, транслирует и трансформирует. Результатом социализации является личность, человек говорящий, носитель сознания. *СОЗНАНИЕ* (при этом, по А. Н. Леонтьеву, «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [7 : 283]) всегда культурно маркировано и культурозависимо, ибо формируется в процессе социализации, в условиях определенной культуры, в пределах определенных сообществ (от семейного до национально-лингвокультурного). Иначе говоря, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого СООБЩЕСТВА* (некоторых сообществ) *именно в КОММУНИКАЦИИ, впитывая в себя КУЛЬТУРУ данного сообщества с помощью (в том числе) ЯЗЫКА и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ именно с помощью ЯЗЫКА данного сообщества*. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект*

(творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. Однако социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социокультурного контекста.

Далее, человек не только «сплетает язык внутри себя» [8] в процессе (в первую очередь) социализации, но и «вплетает себя в язык» [8] на протяжении всей своей жизни. Как уже неоднократно говорилось разными исследователями, язык связан с культурой отношениями двунаправленной зависимости, которая предполагает взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность языка и культуры: как культура не может существовать без языка, так и язык немислим вне культуры. Так, например, Э. Сепир, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой (которая понимается им как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта», что соотносимо с пониманием культуры и культурной памяти по Ю. М. Лотману и Я. Ассману [2 ; 9]). И если язык, как писал Э. Сепир, «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает» [10 : 42, 185, 193–194, 226]. Это утверждение вполне распространимо и на человека – члена сообщества. И поскольку человек говорящий в процессе своей жизни постоянно осуществляет какую-либо деятельность, т. е. все время что-то «думает», «делает» и «говорит» (даже если внешне кажется, что он ничего не делает), то мы можем смело утверждать, что *язык, культура и, соответственно, лингвокультура тесно сплетены в самом человеке и всегда стоят за любым проявлением его жизнедеятельности*. Кроме того, деятельность человека (и, соответственно, сама личность) всегда включена в общение, даже тогда, когда внешне человек остается один [11 : 14]. Это значит, что жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык, культура и лингвокультура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется. Таким образом,

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ, будучи носителем СОЗНАНИЯ и находящийся в непрерывном процессе КОММУНИКАЦИИ в рамках некоторого СООБЩЕСТВА, «сплетающий внутри себя» ЯЗЫК, КУЛЬТУРУ и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ и «вплетающий себя» в ЯЗЫК, КУЛЬТУРУ и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ, оказывается не только объектом, но и субъектом (творцом) языка, культуры, коммуникации.

Итак, даже краткое рассмотрение многомерности бытия Человека говорящего в свете современных исследований интегративного характера позволяет выявить сложную фигуру-многогранник, в центр которой может быть поставлен *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ* (осуществляющий речевую деятельность носитель сознания, представитель разных сообществ), а ее вершины / грани (в данном случае зависит от ракурса) представлены взаимосвязанными и взаимодействующими феноменами: *ЯЗЫК* (того сообщества / тех сообществ, членом которого / которых является человек) – *СОЗНАНИЕ* (формируемое в процессе коммуникации, протекающей в рамках некоторого сообщества, в условиях некоторой культуры и осуществляемой на некотором языке) – *КУЛЬТУРА* (ни одно сообщество без культуры немислимо) – *ЛИНГВОКУЛЬТУРА* (третья семиотическая система, формируемая взаимодействием языка и культуры) – *КОММУНИКАЦИЯ* (в которой принадлежность человека тому или иному сообществу, с одной стороны, формируется, с другой – проявляется) – *СООБЩЕСТВО* (от семейного до национально-лингвокультурного).

Как встраиваются в данную парадигму *ЖАНРЫ РЕЧИ*? М. М. Бахтин писал: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. <...> Речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык <...> Научиться говорить – значит научиться строить высказывания» [12 : 181]. При этом крайне важно, что «для говорящего индивидуума» речевые жанры «не создаются им, а даны ему» [12 : 183]. И, как пишет В. М. Алпатов, по мнению М. М. Бахтина, «можно великолепно владеть языком и чувствовать себя беспомощным из-за невладения теми или иными жанрами» [13 : 100].

Таким образом, «речевая компетенция» формируется в процессе социализации в условиях определенной культуры, средой и инструментом этого формирования является коммуникация, основным каналом – язык (об отношениях речевых жанров и

языка см., напр., [14]). Думается, что «речежанровая компетенция» складывается одновременно с речевой, культурной и лингвокультурной компетенциями и входит в компетенцию коммуникативную как в «конгломерирующий» вид компетенции [15].

Исходя из сказанного, можно предположить, что РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ, не будучи сами по себе одним из звеньев указанного единства, связаны практически с каждым из них отношениями зависимости, в ряде случаев – зависимости двунаправленной.

В заключение замечу, что, на мой взгляд, рассмотрение жанров речи сквозь призму представленной многомерности бытия *Человека говорящего* является весьма перспективным, ибо призвано помочь более объемно видеть и изучать самого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
2. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. URL: www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm (дата обращения: 27. 06. 14).
3. Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983. С. 251–261. URL: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html. www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm (дата обращения: 27. 06. 14).
4. Хайдеггер М. Время картины мира. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Vr_KartMi.php (дата обращения: 27. 06. 14).
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : МГУ, 1975. URL: www.biblion-mobi/archive/genres/psychology/a.n.leontyev01.html (дата обращения: 27. 06. 14).
6. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
7. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики: 3-е изд. М. : МГУ, 1972. 575 с.
8. Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 2000. URL: www.lib.rus.ec/b/325096/read (дата обращения: 27. 06. 14).
9. Ассман Я. Культурная память : Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 656 с.

11. Леонтьев А. Н. Человек и культура. М. : Наука, 1961. 115 с.

12. Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М. : Языки славянской культуры, 1996. С. 159–206.

13. Алтатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 92–104.

14. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С. 18–40.

15. Михалкина И. В. Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения : дис. ... д-ра. пед. наук. М., 1998. 459 с.

REFERENCES

1. Telija V. N. *Russkaja frazeologija. Semantiches-kij, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvo-kulturologicheskij aspects]. Moscow, 1996. 288 p.
2. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii [Memory in a cultural lighting]. *Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: v 3 t.* (Featured articles: in 3 vol.). Vol. 1. Tallinn, 1992, pp. 200–202. Available at: www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm (accessed 27 June 2014).
3. Leont'ev A. N. *Obraz mira* [Image of the world]. *Leont'ev A. N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija* (Selected psychological works). Moscow, 1983, pp. 251–261. Available at: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html (accessed 27 June 2014).
4. Heidegger M. *Vremja kartiny mira* (Worldview time). Available at: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Vr_KartMi.php (accessed 27 June 2014).
5. Leont'ev A. N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* (Activities. Consciousness. Personality). Moscow, 1975. Available at: www.biblion-mobi/archive/genres/psychology/a.n.leontyev01.html (accessed 27 June 2014).
6. Telija V. N. *Zamysel, celi i zadachi frazeologicheskogo slovarja novogo tipa* [Afterword. Vision, goals and objectives of a new type phrasebook]. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Large phrasebook of Russian language. Ed. V. N. Telija]. Moscow, 2006, pp. 776–782.
7. Leont'ev A. N. *Problemy razvitiya psihiki* [Problems of development of the mind]. 3d ed. Moscow, 1972. 575 p.
8. Humboldt Wilhelm von. *Priroda i svojstva jazyka voobshhe* (The nature and properties of language in general). *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* (Selected works on linguistics. Ed. by G. V. Ramishvili). Moscow, 2000. Available at: www.lib.rus.ec/b/325096/read (accessed 27 June 2014).
9. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo i pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing and

memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, 2004. 368 p.

10. Sapir E. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, 1993. 656 p.

11. Leont'ev A. N. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. Moscow, 1961.

12. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij v 5 t. T 5. Raboty 1940–nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, 1997. Vol. 5, pp. 159–206.

13. Alpatov V. M. Problema rechevyh zhanrov v rabotah M. M. Bahtina [The problem of speech genres in the works by M. M. Bakhtin]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific

works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 92–104.

14. Demytyev V. V. Kommunikativnaja genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizacii social'nogo vzaimodejstvija [Communicative genristics: speech genres as a means of formalizing social interaction]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 18–40.

15. Mihalkina I. V. *Lingvometodicheskie osnovy obuchenija inostrannyh grazhdan russkomu jazyku kak sredstvu delovogo obshhenija* [Linguomethodic bases of training foreign nationals Russian language as a means of business communication. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 1998. 459 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'38
ББК 81.2Рус-5

С. В. Мкртычян
Тверь, Россия

S. V. Mkrtytchian
Tver, Russia

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР:
О ЕДИНИЦАХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ
ПРОДУКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**SPEECH GENRE:
THE UNIT OF PRODUCT STRUCTURING
OF SPEECH ACTIVITY**

Аннотация. В статье обсуждается проблема развития теории речевого жанра.

Обозначены три узко специфические направления, которые требуют либо расширения трактовки понятия речевого жанра, либо введения нового уточняющего термина по отношению к ограниченному материалу.

Во-первых, за рамками речевого жанра остаются межжанровые образования делового дискурса. Во-вторых, понятие жанра не релевантно для анализа продукта дискурсивной деятельности, поскольку связано с устным и письменным текстом. Наконец, в теории речевого жанра кажется перспективной разработка когнитивного и психолингвистического аспектов.

В качестве единицы структурирования продукта речевой деятельности предлагается двуединая когнитивно-коммуникативная единица речевая тактика / тактический ход. Обсуждается целесообразность её применения: она позволяет структурировать и моделировать межжанровые образования устного делового межличностного дискурса, даёт возможность анализировать продукт дискурсивной деятельности, учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности.

Ключевые слова: речевой жанр, коммуникация, речевая тактика / тактический ход, когниция.

Abstract. The article discusses the problem of speech genre theory development.

There are three specific areas that require either extending interpretations of the speech genre concept, or imposing a new specializing term.

First, intergenre phenomena of administrative discourse remain outside speech genre. Then, the concept of genre is not relevant for discursive activity product analysis, because it is associated with oral and written text. Finally, in speech genre theory seems to be perspective study of the cognitive and psycholinguistic aspect.

A dual cognitive-communicative unit "speech tactics / tactical move" is suggested as a unit of speech activity product structuring. Its advantages are discussed: it allows to structure and model intergenre phenomena, gives the opportunity to analyze a discourse activity product of oral interpersonal administrative communication, and takes into consideration the cognitive and psycholinguistic basis of speech activity.

Key words: speech genre, communication, speech tactic / «tactical move», cognition.

Сведения об авторе: Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода.

Место работы: Тверской государственный университет.

E-mail: mkrtytchian@mail.ru

About the author: Mkrtytchian Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Assoc. Professor of the Department of Language Theory and Translation.

Place of employment: Tver State University.

Моделирование механизмов речевого общения в различных ситуациях социального взаимодействия в современной лингвистике традиционно связывается с понятием речевого жанра, теория которого основывается на концепции М. М. Бахтина.

Корпус исследований, посвященных изучению и описанию речевых жанров обширен. Речевые жанры исследуются в различных аспектах (семантическом, синтаксическом, прагматическом и др.). Общая привлекательность речевого жанра связывается в первую очередь с тем, что, не будучи собственно языковой единицей, речевой жанр выступает как форма «упаковывания» высказывания в речи. Двойственность подобного рода позволяет примирить некие сложности, вызванные разграничением языка и речи.

Моделирование речевого жанра зачастую смыкается с лингвистикой текста, а сам рече-

вой жанр рассматривается как тип устного или письменного текста.

Все перечисленные теоретические посылы, безусловно, перспективны и значимы. Однако, строго подходя к процессу структурирования продукта речевой деятельности, уже на первый взгляд обнаруживаются так называемые «точки роста», требующие определенных уточнений, которые могут рассматриваться как дальнейшее развитие теории речевого жанра по крайней мере по отношению к ограниченному материалу.

Первое. Трудно оспорить наличие межжанровых образований, которые могут претендовать на особый статус.

В качестве примера обратимся к структуре деловой речи. Так, Н. К. Гарбовский, характеризуя профессиональную речь как жанрово организованную, предлагает отграничить её от других разновидностей речевой

коммуникации в деловой сфере, которые не имеют отчетливой жанрово выраженной принадлежности. О существовании промежуточной формы речи, лишенной жанровой организации, пишет М. В. Колтунова в докторской диссертации «Конвенциональность как основа делового общения». «Важно отметить, что собственных канонизированных жанров, имеющих чёткую партитурную сценарную основу, полуофициальное общение не имеет» [1 : 198]. Та часть деловой речи, которая имеет сомнительный жанровый статус, занимает периферийное место в общей структуре деловой речи и понимается как такая её разновидность, в которой наряду с признаками стиля научного и/или официально-делового изложения отчётливо обнаруживаются и признаки разговорности. При таком разграничении понятий устная деловая речь приобретает максимально широкое значение и охватывает как профессиональную, так и другую не имеющую отчётливо жанрово выраженной принадлежности речь, являющуюся средством межличностного общения, связанного с непосредственной и косвенной реализацией субъектом речи его статусно-ролевой функции, которая при этом не всегда тематически связана с профессиональной деятельностью.

Сказанное как нельзя наглядно свидетельствует о «втиснутости» (как выразился В. Е. Гольдин), речевого жанра между понятиями речевого акта, текстового типа и другими.

Подобного рода «втиснутость» наводит на мысль о расплывчатости самого понятия речевого жанра, точнее, о возможности понимать его, с одной стороны, принципиально широко (от реплики диалогического взаимодействия), и в этом случае межжанровость – это лишь призрачное следствие терминологической омонимии. С другой стороны, жанровое членение речи может иметь весьма чёткие контуры, что хорошо согласуется с идеей «анкеты» речевого жанра (по Т. В. Шмелёвой) и, следовательно, в таком понимании они не совпадают с семантическими примитивами, о которых А. Вежбицкая пишет как о структурных составляющих речевого жанра [2]. В этом же русле речевые жанры рассматривает Н. Д. Арутюнова, предлагая в соответствии с иллюкутивным критерием, выделить следующие жанры диалогического взаимодействия: 1) информативный диалог (make-know discourse); 2) прескриптивный диалог (make – do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); 4) диалог, имеющий

целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); 5) праздноречевой диалог (fatic discourse) [3 : 65]. Перечисленные разновидности речевого жанра свидетельствуют об укрупнённости понимания обсуждаемого понятия.

Понятие «жанроид», используемое В. В. Дементьевым и К. Ф. Седовым, а также рубрика под названием «Жанры и околожанровое пространство» в журнале «Жанры речи» (который последовательно продолжает и развивает традиции самой крупной и уважаемой отечественной школы жанроведения), как мы полагаем, свидетельствуют о том, что при моделировании социального взаимодействия термином «жанр» ограничиться не всегда удаётся.

Второе. Традиционно понятие жанра обращено к тексту. Здесь явно недостаточно вспомнить «вторичные» жанры, относящиеся к крупным художественным формам. Уместнее упомянуть о неразрывной связи речевого жанра и лингвистики текста. Не углубляясь в дискуссию по поводу трактовки текста, обозначим проблему в общем виде: текст (который может быть как устным, так и письменным) и продукт дискурсивной деятельности, к которому тяготеют межжанровые образования, являются разнопорядковыми понятиями.

Различия между текстом и продуктом дискурсивной деятельности обусловлены отличиями коммуникативной деятельности от тестовой.

Цель дискурсивной (коммуникативной) деятельности – организация коммуникации, а текстовой – создание продукта коммуникации (он может быть и устным!). Собственно коммуникативная деятельность характеризуется экстерииоризацией речевого поведения. Напротив, в текстовой деятельности сам процесс и стратегия речевого поведения скрыты от адресата: речевое поведение автора интериоризовано, оно протекает в режиме внутренней рефлексии, направленной на отбор речевых поступков и форм их выражения. Иными словами, в текстовой деятельности речеповеденческая сторона деактуализирована для адресата (например, в ситуации подготовленного общения).

Коммуникативная и текстовая деятельность имеют различные установки: одна ориентирована на взаимодействие, другая – на отчуждаемость продукта (доклада, сообщения, презентации, тоста и т. п.). Следовательно, коммуникативная деятельность реактивна, спонтанна, имеет реального адресата (процессы производства и понимания

совмещены во времени). Текстовая деятельность рефлексивна, подготовлена (процессы производства и понимания речи разобщены во времени).

Отличия продукта этих видов деятельности состоят в следующем:

1. Результат тестовой деятельности – сознательно организованный речевой продукт. Продукт дискурсивной (коммуникативной) деятельности – эмпирически воспринимаемое речевое поведение коммуниканта, а её результат лежит в сфере практической деятельности участников общения. Результат коммуникативной (дискурсивной) деятельности имеет перлокутивный потенциал: речевые действия направлены на достижения конкретного результата. Речевой продукт предназначен для кратковременного (по сравнению с текстом) пользования, он не предназначен для сохранения в фиксированном виде, но обладает свойством быть зафиксированным в специальных исследовательских целях. Акт его отчуждения (письменная фиксация) есть акт насильственный, искусственный, вырывающий продукт дискурсивной деятельности из естественной среды его функционирования, из контекста жизни, где он предназначен только для непосредственных участников. Это слово, по выражению М. М. Бахтина, «боится третьего и ищет только временного признания у ближайших адресатов» [4 : 306].

2. Продукт коммуникативной деятельности в силу своей зависимости от обстоятельств коммуникативного события не может быть воспроизведён (даже намеренно) в том виде, в котором он первично произведён.

3. В условиях коммуникативной деятельности требования к качествам продукта речи ослаблены, который в свою очередь не является каноническим и соответствует иным критериям нормального. Канонический текст характеризуется осознанной организованностью, продуманностью, простроенностью, способен автономно функционировать вне условий породившего его ситуативного контекста. Открыт для последующей рефлексии и интерпретаций.

4. Текст и продукт дискурсивной деятельности имеет различные формы смысловой и структурной организации, обусловленные присутствием адресата и его непосредственным участием (даже молчаливым) в акте коммуникации. С этим связан, например, эксплицитный диалогизм продукта дискурсивной деятельности.

Примечательно, что в лингвистике продукт дискурсивной деятельности, с одной стороны, называют текстом, например, устный текст (М. В. Китайгородская, Н. Н. Ро-

занова), *текст в событийном аспекте* (Н. Д. Арутюнова), *разговорный текст* (М. А. Кормилицына); с другой стороны, стремятся избежать использования термина «текст», заменяя его, например, следующими: *устный коммуникат* (Д. О. Брчакова), *диалогическое единство* (Н. А. Купина), *текстоид* (О. Б. Сиротинина).

Третье. Моделирование речевых жанров зачастую слабо учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности. Между тем, справедливыми кажутся рассуждения Т. В. Шмелевой о наличии «интуитивной жанровой рефлексии» носителей языка и о представленности речевого жанра в речевом сознании говорящего.

А. Г. Баранов, предлагая иерархию из пяти моделей: текстотип, суб-тип, жанр, когнитотип, текст, тем самым обращает наше внимание на то, что, во-первых, когнитивная основа речи при моделировании единиц структурирования речевого продукта должна учитываться, во-вторых, модели *речевой жанр* и *когнитотип* суть модели разные [5].

Как попытка интегративного подхода с учётом сказанного выше любопытна концепция речевого жанра, разрабатываемая К. А. Долиным. «Речевой жанр представляет собой стереотип речевого поведения, возникающий как функция устойчивого, повторяющегося сочетания типовых значений ряда аргументов – параметров коммуникативной ситуации» [6 : 69]. К этим параметрам относится «субъект речи, рассматриваемый как носитель некоего статуса, роли, как субъект некоего действия, преследующего определённую роль, и как личность; адресат в тех же четырех ипостасях; наблюдателя; референтную ситуацию, какой она является "на самом деле"; канал связи; общий контекст деятельности; время, место и окружающую обстановку» [6 : 72]. Исследователь выделяет три аспекта значимости феномена речевого жанра: когнитивно-конструктивный, социально-психологический и социокультурный. В соответствии с когнитивно-конструктивным подходом речевой жанр образуется по определённым правилам, канонам, представляющим собой «типичные способы совершения и обычный порядок протекания речевых событий» [6 : 72]. Согласно когнитивно-конструктивному подходу речевые жанры являются неотъемлемой частью сценариев (ситуационных моделей), описывающих социальное взаимодействие. Когнитивно-конструктивная функция речевого жанра заключается в том, что он служит для говорящего моделью, образцом построения текста, а для адресата – ориентиром соот-

ветствующих способов восприятия текста и ответной реакции на него.

Здесь следует внести некоторые уточнения, дабы избежать превратного толкования изложенного выше. Безусловно, жанр (и не только жанр, но и слово, стиль, тип текста, грамматические и синтаксические конструкции и т.д.) имеет когнитивную основу. Почти всё в языке и речи может рассматриваться как средство доступа к мыслительным процессам. Однако отличительная черта когнитивной лингвистики состоит в том, что она предлагает не столько концепции самого языка-речи (термин проф. В. И. Ивановой, представителя Тверской школы прагматики), сколько концепции ментальных (т.е. мыслительных) процессов, лежащих в его основе. А ответ на вопрос, какого рода информация передаётся посредством языка, среди когнитивистов разногласий не вызывает. Эта информация состоит из ментальных репрезентаций и отсылает к миру, организованному разумом, а не к реальному миру (см., например, программные работы Р. Джакендофа). Поскольку доступа к психическим процессам и объектам нет и проверить непосредственно правильность построения теоретической модели невозможно, то когнитивисты называют различные форматы ментальной репрезентации. Для моделирования ментальных процессов и ментальных репрезентаций применяется особый терминологический аппарат. Среди этих терминообразований (*образная и вербальная репрезентации, пропозиция, концепт, фрейм, сценарий, слот* и др.) по понятным причинам понятие «жанр» отсутствует. Это отнюдь не означает, что жанр лишён когнитивной основы, но это свидетельствует о том, что ментальная репрезентация как мысленное представление о жанре, может претендовать на введение отдельного термина и может моделироваться в соответствии с принципами когнитивной лингвистики и моделями порождения речемыслительного процесса в терминах когнитивной лингвистики и психолингвистики. Именно это мы имеем в виду, когда утверждаем, что термин «жанр» слабо учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности. Иного не может быть в силу «привязанности» терминологии к определённым лингвистическим школам и направлениям. Полагаем, что такой подход никоим образом не перечёркивает достижения жанроведения, а, наоборот, стимулирует уточнение существующих моделей речепорождения с учётом «жанровой рефлексии». В сборниках «Жанр и концепт» (2005 г.) и «Жанр и культура» (2007 г.) обсуждение проблем «когнитивной генристики»

не привело к их однозначному разрешению и не может привести на современном этапе развития когнитивной лингвистики, которая находится в стадии формирования. Полагаем, что это направление может рассматриваться как «точка роста» в развитии теории жанра.

Три основания, изложенные выше, свидетельствуют в пользу расширения теории речевого жанра. Эти идеи могут быть развиты в двух направлениях. В одном случае само понятие речевого жанра будет требовать существенных уточнений по причине разноаспектности его теоретического изучения и в силу разнообразия и широты «репертуара» описываемых речевых жанров. В другом случае может быть предложен новый специфический менее «занятый» термин, не отягощённый излишней исследовательской коннотативностью.

Например, в качестве единой операционной аналитической единицы структурирования продукта дискурсивной деятельности можно использовать *речевую тактику / тактический ход*. *Речевая тактика* трактуется нами как интерактивный фрейм, сетевая структура, имеющая ядерный узел интенционального характера. В качестве типовых узлов выступают пропозиции типовых тактических ходов. Под фреймом понимается интерактивная когнитивная динамическая структура знаний, характеризующаяся интенциональным принципом организации и наличием конвенционального начала.

Поясним свою позицию. При всём многообразии тематических планов развертывания коммуникативной деятельности существуют определённые доминанты, которые имеют когнитивно-коммуникативную природу и в акциональных подходах к исследованию дискурса описываются в терминах *речевая / коммуникативная тактика* и *речевая / коммуникативная стратегия*. В лингвистической литературе упомянутые термины либо трактуются один через другой, либо не различаются. При всей неопределённости границ между ними и размытости описываемого ими явления их дефиниции отчётливо указывают на «потенциальную когнитивность» (*тип поведения, глобальный уровень осознания ситуации, генеральная интенция, коммуникативный план* и т.д.) и на родовидовой характер их отношений. Ср., например, неоднозначные трактовки терминов *ре-*

чезая / коммуникативная тактика и речевая / коммуникативная стратегия в лингвистической литературе: под коммуникативной стратегией можно понимать тип поведения автора дискурса, который находится в соответствии с глобальной и локальными целями последнего (Л. Г. Васильев [7 : 34]), глобальный уровень осознания ситуации общения в целом, когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением (О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина [8 : 200]), система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий под контролем соответствующей стратегической цели (А. В. Голоднов [9 : 11]), своего рода коммуникативный план, который предполагает определённые коммуникативные цели (на фоне определённых установок) и для которого необходима определённая коммуникативная компетентность (М. В. Горбаневский [10]), совокупность, единство коммуникативных и практических целей (Б. Ю. Городецкий [11]), творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения (В. П. Зернецкий [12 : 40]), когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера; комплекс речевых действий, направленных на достижение какой-либо цели (О. С. Иссерс [13 : 100]), тип поведения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа (А. А. Романов [14 : 103]), основная задача, генеральная интенция в рамках данного коммуникативного процесса (Я. Т. Рытникова [15 : 94]), обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов (И. А. Стернин [16 : 14]), общий замысел конкретной цели общения (Н. И. Формановская [17 : 14]).

Приведённые трактовки свидетельствуют о некоем противоречии: например, О. С. Иссерс рассматривает стратегию одновременно то как когнитивный план общения, то как комплекс речевых действий, направленных на достижение какой-либо цели [13]. Последнее понимание стратегии как набора коммуникативных действий ограничено, поскольку вы-

зывает необходимость говорить об общей коммуникативной цели, плане и т.п.

В. Е. Чернявская, пытаясь снять образовавшееся противоречие между пониманием стратегии как общей установки и комплекса речевых действий, пишет, что «стратегии могут быть общими – доминирующими – и частными, вариативно реализующими и общую стратегию» [18 : 46. Разрядка моя. – С. М.].

С «объединяющей» точки зрения согласно логике интегративного подхода неизбежно требуется соотнести *речевую / коммуникативную стратегию и тактику* с единицами когнитивного и коммуникативного уровней.

В основе коммуникативной стратегии лежит намерение, однозначная и окончательная интерпретация которого «достаточно проблематична, если не иллюзорна» [13 : 138]. Под коммуникативной установкой мы предлагаем понимать общую установку языковой личности, мотивирующую следование конфликтной или кооперативной коммуникативной стратегии. Установку, вслед за С. А. Сухих с опорой на теорию установки Д. Н. Узнадзе, мы трактуем как «принципиально не осознаваемую целостно-личностную модификацию личности, в соответствии с которой происходит вероятностная организация и вероятностное регулирование индивидом его конкретной деятельности» [19 : 71].

Речевая тактика рассматривается нами как тип интерактивного фрейма, который как сетевая структура имеет ядерный узел интенционального характера. Вопрос о пропозициональном механизме, будучи ограниченными рамками статьи, здесь мы опускаем.

О возможности «вписать» термин «речевая тактика» в терминопараметры когнитивной лингвистики свидетельствуют некоторые лингвистические определения: «локальные риторические приёмы и линии речевого поведения» [8 : 200. Разрядка моя. – С. М.], «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия» [12 : 39. Разрядка моя. – С. М.], конкретная реализация стратегии, совокупность действий, выполняемых нами в той или иной последовательности, которые реализуют / не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются / не подчиняются тем или иным правилам [10].

Косвенным доказательством существования глубинной когнитивной структуры речевых тактик могут служить результаты проведённого нами эксперимента. В задании испытуемым было предложено привести обычные высказывания в обозначенной коммуникативной ситуации (установление неформальных отношений). В большинстве случаев были получены не текстовые примеры, а ответы, отражающие представления о сущности речевой тактики. Это убеждает в наличии у каждого индивидуума собственного репертуара речевых тактик, не осознаваемых в обычных ситуациях без специального стимула. Например, описание коммуникативного поведения при ответе на вопрос «*Что Вы скажете?*» зачастую принимает такой вид: *подойду поздороваюсь, справлюсь о здоровье, выражу свое неудовольствие* и т. д.

Тактический ход выступает минимальной значимой единицей дискурса (аналог коммуникативного хода, это минимальная спонтанная реплика диалогического взаимодействия); он реализует речевую тактику, направляет общение к достижению намеченной коммуникативной цели и служит практическим средством говорящего для реализации коммуникативной стратегической установки.

Исследование репертуара типовых речевых тактик / тактических ходов применительно к управленческой коммуникации представлено в докторской диссертации «Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка)» [20]. Первый этап исследования содержит моделирование типовых речевой тактики / тактических ходов, втором этапе посвящён анализу дискурсивных фрагментов сквозь призму типовых речевых тактик / тактических ходов.

В качестве примера приведём моделирование речевой тактики / тактических ходов реагирования на нападение. С этой целью исследовались реакции испытуемых (85 человек) из трёх социальных сфер. В качестве одной из стимульных предлагалась реплика «*Ну почему вы такой агрессивный?*». Полученные ответы распределялись в зависимости от общей стратегии поведения. Были выявлены следующие речевые тактики / тактические ходы: для конфликтной стратегии: 1) встречное нападение с согласием *Да, агрессивный, не то, что вы*, 2) встречное нападение с отрицанием *Это я-то агрессивный? Да вы лучше на себя посмотрите*, 3) индифферентное встречное нападение *Это ещё вы откуда взяли?*; для кооперативной страте-

ги и : 1) самооправдание без согласия *Я не агрессивный, а активный*; 2) самооправдание с согласием *Если я не буду агрессивным, дело не сделается.*; 3) внешнее согласие (уклонение от оценки) *А агрессивность иногда бывает даже полезна.*

Целесообразность применения предлагаемой единицы по отношению к ограниченному материалу (в частности, по отношению к устному деловому межличностному дискурсу) заключается в следующем: двуединная когнитивно-коммуникативная единица речевая тактика / тактический ход позволяет структурировать и моделировать межжанровые образования устного делового дискурса, содержащие спонтанные реплики диалогического взаимодействия; даёт возможность анализировать продукт спонтанной дискурсивной деятельности (тактический ход ориентирован на вербальную наличность), учитывает когнитивную основу речевой деятельности прежде всего своей попыткой адаптировать термин «речевая тактика» к метаязыку когнитивной лингвистики.

Речевой жанр соотносим с речевой тактикой / тактическим ходом и как центральная единица исследования речевой коммуникации уверенно продолжает оставаться исключительно перспективным понятием. Антропоцентричность современной лингвистики и расширяющиеся горизонты привлекаемого материала способны обогатить как теорию, так и практику исследования речевого жанра. Генерирование новых идей, как мы полагаем, напрямую связано с поиском «точек» теоретического роста. Их пунктирное обозначение, предпринятое в рамках предлагаемой публикации, есть не более чем выражение субъективного взгляда автора на проблематику, обозначенную в заглавии статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колтунова М. В. Конвенциональность как основа делового общения : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 286 с.
2. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 34–48.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 421 с.
5. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 4–12.

6. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 65–78.

7. Васильев Л. Г., Анкудинова А. И. Речевоздействующие монологические стратегии // Сб. науч. тр. междунар. науч.-практич. конф. 1–2 апреля 2011 года. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2011. С. 34–35.

8. Гойхман О. Я. Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2006. 272 с.

9. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на материале современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 16 с.

10. Горбаневский М. В. Язык конфликта. URL: <http://expertizu.narod.ru>. (дата обращения: 12.04.2007).

11. Городецкий Б. Ю. От лингвистики текста – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М. : Изд-во АН СССР, 1990. С. 39–56.

12. Зернецкий В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковые процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1988. С. 36–41.

13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М : КомКнига, 2006. 288 с.

14. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 38 с.

15. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 94–115.

16. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. 252 с.

17. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007, 480 с.

18. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : учеб. пособие М. : Флинта ; Наука, 2006. 136 с.

19. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии // Речевое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : КГУ, 1986. С. 71–76.

20. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 411 с.

REFERENCES

1. Koltunova M. V. *Konventsionalnost kak osnova delovogo obscheniya* [Conventionality as the basis of business communication: Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 286 p.

2. Wierzbicka A. *Rechevyie zhanryi* [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 34–48.

3. Arutyunova N. D. *Yazyik i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1998. 895 p.

4. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah. Opyit filosofskogo analiza* [The problem of the text in linguistics, Philology and other Humanities. Experience of the philosophical analysis]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of literary creativity]. Moscow, 1979. 421 p.

5. Baranov A. G. *Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatelnosti* [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 4–12.

6. Dolinin K. A. *Rechevyie zhanryi kak sredstvo organizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya* [Speech genres as means of organization of social interaction]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 2. Saratov, pp. 65–78.

7. Vasilev L. G., Ankudinova A. I. *Rechevozdeystvuyushchie monologicheskie strategii* [Speechinfluencing strategy monologic]. Tver, 2011, pp. 34–35.

8. Goyhman O. Y. Nadeina T. M. *Rechevaya kommunikatsiya* [Speech communication]. Moscow, 2006. 272 p.

9. Golodnov A. V. *Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii (na materiale sovremennoy nemetskoyazyichnoy reklamoy)* [Linguopragmatic features of persuasive communication on the base of modern German-language advertising. Cand. philol. sci. thesis diss.]. St.-Petersburg, 2003. 16 p.

10. Gorbanevskiy M. V. *Yazyik konflikt* (Language of conflict). Available at: <http://expertizu.narod.ru>. (accessed 12 April 2007).

11. Gorodetskiy B. Yu. *Ot lingvistiki teksta – k lingvistike obscheniya* [From text linguistics to linguistics communication]. *Yazyik i sotsialnoe poznanie* [Language and social cognition]. Moscow, 1990, pp. 39–56.

12. Zernetskiy V. P. *Lingvisticheskie aspektyi teorii rechevoy deyatelnosti* [Linguistic aspects of the theory of speech activity]. Kalinin, 1988, pp. 36–41.

13. Issers O. S. *Kommunikativnyie strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2006. 288 p.

14. Romanov A. A. *Sistemnyiy analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obscheniya* [System analysis of regulative means of communication. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1990. 38 p.

15. Rytnikova Ya. T. *Garmoniya i disgarmoniya v otkryitoy semeynoy besede* [Harmony and disharmony in an open family conversation]. *Russkaya razgovornaya rech kak yavlenie gorodskoy kultury* [Russian conversation as a phenomena of urban culture]. Ekaterinburg, 1996, pp. 94–115.

16. Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh, 2001. 252 p.

17. Formanovskaya N. I. *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007. 480 p.

18. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemyi rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, 2006. 136 p.

19. Suhii S. A. *Rechevye interaktsii i strategii* [Speech interaction and strategy]. *Rechevoe obschenie i ego edinitsyi* [Verbal communication and its units]. Kalinin, 1986, pp. 71–76.

20. Mkrtyichyan S. V. *Upravlencheskie kommunikativnye stili v sotsialno stratifitsirovannom diskurse (na materiale russkogo yazyika)* [Administrative communicative styles in stratified social discourse (on the base of Russian language). Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 2012. 411 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'27'38
ББК 81.2Англ-5

И. С. Шевченко
Харьков, Украина

I. S. Shevchenko
Kharkiv, Ukraine

КОНЦЕПТ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ И ЖАНР

CONCEPT OF COMMUNICATIVE
BEHAVIOR AND GENRE

Аннотация. В статье рассмотрены лингвокультурные концепты коммуникативного поведения в русском и английском дискурсах и выделены их разновидности: событийные и признаковые концепты-регулятивы. Первые моделируются в виде динамического фрейма-сценария определенной ситуации и соответствуют определенному речевому жанру / речевому акту. Последние, признаковые концепты коммуникативного поведения, характеризуют ситуацию в целом; они соответствуют слоту качества в модели событийного концепта и воплощаются в стратегиях / тактиках дискурса.

Ключевые слова: дискурс, жанр, признаковый концепт, событийный концепт, концепт коммуникативного поведения, регулятив, стратегия, тактика.

Abstract. This article focuses on linguistic-cultural concepts of communicative behavior in Russian and English discourses and highlights their varieties: concepts-events and attributive regulative concepts. The former are modeled as a dynamic frame – scenario of a specific situation and correspond to a speech genre / speech act. The latter, attributive concepts of communicative behavior, characterize situation as a whole; they correspond to the quality slot in a concept-event frame and are verbalized by discourse strategies or tactics.

Key words: discourse, genre, attributive concept, concept-event, the concept of communicative behavior, regulative, strategy, tactics.

Сведения об авторе: Шевченко Ирина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода.
Место работы: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина
E-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

About the author: Shevchenko Irina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Chair of ESP and Translation Department.
Place of employment: V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Интегративные процессы, присущие современной науке в целом, соответствуют экспансионистскому характеру антропоцентрической лингвистики и приводят к становлению когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний (термин Е. С. Кубряковой [1]), в которой дискурсивная деятельность рассматривается на базе внутренних ментальных процессов, что восходит к предложенному в теории релевантности объединению исследований прагматики и когниции в ходе поиска принципов и механизмов декодирования значений говорящего как вывода его интенций [2]. Толкование прагматики как системы ментальной обработки информации соответствует такому новому направлению, как «когнитивная прагматика» [3] («когнитивная генеристика» по В. Дементьеву [4 ; 5]).

Предлагаемый анализ концептов коммуникативного поведения базируется на постулатах когнитивной прагматики как «одной из субпарадигм прагмалингвистики, объединяющей в единое целое когнитивное и коммуникативное (прагматическое) начала функциональной мегапарадигмы. Когнитивная прагматика сфокусирована на ментальных операциях, связанных с передаваемыми в дискурсивных ситуациях смыслами: в ее предмете акцентировано порождение и толкование смыслов как ментальных / мыслительных феноменов в речевой деятельности

субъектов. При этом о двух прагматиках – традиционной и когнитивной – можно говорить лишь в терминах предпочтения тех или иных параметров анализа. Иными словами, в зависимости от акцента исследователя формируются два перспективных исследовательских вектора – акциональный (коммуникативный) и интенциональный (когнитивный), соответствующие двум ипостасям единой науки – лингвистической прагматики» [3 : 7]. Сказанное определяет актуальность проблематики, затрагиваемой в равной степени когнитивистику (концептологию) и коммуникативистику (дискурс), и выбор объектом изучения в данной статье концепты коммуникативного поведения, а предметом анализа – природу таких концептов и способы и средства их актуализации в дискурсе на материале русского и английского языков.

Введенное И. А. Стерниним понятие **коммуникативного поведения** понимается как «совокупность норм и традиций общения определенных групп людей», а «национальное коммуникативное поведение» распространяется на определенную лингвокультурную общность [6 : 8]. Национальная культура в ставшей классической трактовке Э. С. Маркаряна – это «исторически выработанный способ деятельности» [7 : 8–9]. В рамках деятельностного подхода к коммуникативному поведению и культуре последняя

предстает как способ деятельности, система механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе [8 : 155]. Ментальные представления о коммуникативном поведении, включая «речевые знания и умения – нормы вербальной и невербальной коммуникации, коммуникативные категории, жанры, речевые и функциональные стили – составляют систему коммуникативных концептов и ценностей данной культуры, или коммуникативную концептосферу» [4 : 6].

Концепт в нашей работе понимается в духе Р. Ленекера, Е. С. Кубряковой и др. как результат гносеологических операций, «квант знания»: коммуникативная личность конструирует смыслы в определенных ситуациях дискурса. В частности, с учетом влияния языковой формы лексемы – имени концепта на ментальное представление в когнитивистике отмечается тенденция в соответствии с ономастическими категориями называть ментальные представления о предмете / сущности – *предметными* концептами, о вербальном и/или невербальном процессе / действии – *событийными* концептами и о характеристиках предметов и действий – *признаковыми*.

Современная лингвокультурология трактует концепты – многомерные образования – как единство трех обязательных когнитивных признаков: понятийного, образно-перцептивного, ценностного [9 : 5; 10]. Хотя среди них обнаружены «предметные» концепты (БОГ, ВЛАСТЬ) [11 ; 9 : 78–81], «признаковые» концепты типа ГРЕХ, ДОБРО [12 ; 13] (выделяемые по критерию способа вербализации), на сегодняшний день вопрос о коассификации концептов еще не получил однозначного решения. Так, известные классификации концептов культуры в последнее десятилетие пополняются новым типом – **концептом коммуникативного поведения**. В научный обиход «поведенческий концепт» вводится И. И. Чесноковым, который определяет его как «отраженную в сознании индивида модель поведения (деятельности)», описываемую «в терминах социального взаимодействия – с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик ее достижения». В лингвокультурном ракурсе поведенческий концепт рассматривается в совокупности презентаций концепта в языковом сознании и форм его представления в коммуникативном поведении или дискурсе, в котором акцентируется «осознанная целенаправленная знаковая деятельность, связанная с выражением исследуемого концепта в практике социального взаимодей-

ствия» [14].

Изучая «эмоциональный поведенческий концепт» МЕСТЬ на материале русского языка, И. И. Чесноков делает вывод, что МЕСТЬ – «ментальное образование, состоящее из эмоционального фона (гнев, ненависть, презрение, раздражение) и активирующихся на этом фоне скриптов, один из которых направляет агрессивную поведенческую реакцию индивида на источник фрустрации, а другой – на замещающий его объект» [14 : 6]. По мнению И. И. Чеснокова, целью деятельности, предписываемой концептом МЕСТЬ, является преобразование коммуникативного пространства и установление границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Достижение цели обеспечивается стратегиями устрашения и перверсии (лат. *pervertere* – *губить, портить*), т.е. нанесения угрожающему объекту физического и / или морального вреда [14 : 6]. В частности, МЕСТЬ актуализируется в виде ритуализованных и косвенных vindиктивных высказываний (псевдоутешений, сарказма и т.п.), а также полиинтенциональных высказываний типа «*Мы еще встретимся*», иллюстрацию которых невозможно установить вне коммуникативного события. В качестве примера МЕСТИ автор приводит письмо запорожцев турецкому султану, фактически, являющееся особым жанром: основная цель письма сводится к унижению султана и демонстрации превосходства над ним, что достигается за счет использования казаками дискурсивных стратегий устрашения своего адресата и проклятья, последняя воплощается в тактиках поругания, в частности, использовании инвектив, и злопожелания. Выводы профессора И. И. Чеснокова о воплощении концепта в дискурсе открывают возможности дальнейшей детализации поведенческих концептов.

Поведение в психологии — целеориентированная активность животного организма, служащая для осуществления контакта с окружающим миром [15]. В современной философии поведение понимается как способность человека к деятельности в материальной, интеллектуальной и социальной сферах жизни [16]. Социологи уточняют: поведение – это все то, что человек делает или не делает намеренно; это совокупность актов действия и бездействия, совершаемых человеком [17]. В этой связи ментальное представление об определенном событии, действии, которое соответствует речевому жанру / речевому акту, справедливо считать **событийным концептом коммуникативного поведения** (ср.: по И. И. Чеснокову, по-

веденческий концепт МЕСТЬ воплощается в дискурсе, названным им «виндиктивным», чья структура предопределяется мотивом, целью, стратегиями и складывается из тактик угрозы, злопожелания, изгнания, поругания [14]). Фактически, такой концепт коммуникативного поведения охватывает целый жанр речи, для которого характерны специфические ритуалы, а отдельные тактики воплощаются соответствующими речевыми актами: менасивами (*Вот я тебе..., Чтоб ты...*), директивами (*Вон!*), экспрессивами (высказываниями с бранной лексикой) и т.п.

В нашей работе толкование разновидностей концепта коммуникативного поведения осуществляется на основании его характеристик:

- признаковости :: событийности;
- регулятивности :: нерегулятивности;
- моделируемости в виде различных ментальных схем;
- способа вербальной актуализации – лексической (слова) :: дискурсивной (речевого акта / стратегий и тактик дискурса / мены ролей).

Что касается моделирования концепта, в нашем исследовании оно опирается на понятие схемы, трактуемой в духе Р. Ленекера, С. Кеммер, Т. Клаузнера и У. Крофта как генерализация, абстрагированная от языковых форм и значений. Схемы – укорененные в мышлении образцы опыта – представляют собой когнитивную репрезентацию, включающую сходные черты, наблюдаемые в многочисленных случаях использования знака. Концепты моделируют в духе М. Минского в виде фреймов, состоящих из вершинных узлов (слотов) в соответствии с онтологическими схемами построения лексически представленных концептов. Концептам динамического типа соответствует фрейм-сценарий – последовательность эпизодов, разворачивающихся во времени и пространстве.

Для определения разновидностей концептов коммуникативного поведения важно подчеркнуть, что ментальные представления о действии не ограничиваются событийными концептами, такими как МЕСТЬ, которые соответствуют фрейму-сценарию, но включают также и представления о характере действия / состояния, то есть признаковые концепты типа ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS, СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, ОПТИМИЗМ / OPTIMISM. В частности, признаки коммуникативного поведения могут быть представлены словом (как правило, прилагательным: *уклончивое извинение, сдержанный выговор*), предложением (в том числе афоризмом, поговоркой: *Ничто*

не дается так дешево и не ценится так дорого, как вежливость) и моделироваться согласно пропозициональным отношениям в виде слота качества в предметном фрейме [НЕЧТО / НЕКТО есть КАКОЕ]. Эти и подобные концепты фиксируют доминантные черты английского коммуникативного поведения [6 : 36-44]: *polite behavior, reserved speech, tolerant manner* etc. Этноспецифические черты характера англичан уточняет Т. В. Ларина: «сдержанность, уравновешенность, тактичность, изысканная вежливость, изящество манер, внутреннее самоуважение, чувство собственного достоинства, приветливость, предупредительность, замкнутость, отчужденность, терпимость, невмешательство в чужие дела, снобизм» [18 : 124].

Отличительная черта признаковых концептов коммуникативного поведения том, что они вербализуются не только словом или предложением, но и речевыми стратегиями / тактиками (*Он нерешительно смотрел и долго извинялся в самых цветистых выражениях (Б. Акунин)*). При схемном представлении действия в виде фрейм-сценария, где слоты – это стадии осуществления действия, признаковые концепты относятся к слоту способа [НЕКТО ДЕЛАЕТ НЕЧТО ТАК] и характеризуют весь фрейм в целом (ср. профилирование процессов и атемпоральных отношений у Р. Ленекера).

Событийные концепты коммуникативного поведения, как правило, лежат в основе некоего жанра речи, они ритуализованы и имеют выраженные вариативные свойства, трансформируясь от культуры к культуре. Так, в основе жанра *благодарность* лежит один из наиболее заметных концептов в системе этики – БЛАГОДАРНОСТЬ, который имеет сходный понятийный и общий этимологический слои в христианских лингвокультурах Европы, но разные образные и ценностные характеристики, способы актуализации в дискурсе. По данным Библейской энциклопедии Брокгауза [19], благодарность, благодарить – одно из ключевых понятий христианства (*греч.* глагол *эвхаристео* связан с важным библ. понятием *харис*, «милость», «благодать» (ср. хара, «радость»), а чувство благодарности – это настроение сердца, возникающее из благодарности за конкретные дела. Оно приводит человека еще ближе к Господу и открывает ему дверь к тайнам небесного мира (Пс 49:23).

Именами концепта БЛАГОДАРНОСТЬ в разных языках служат лексемы, соединяющие семы коммуникативного действия (*дарить / произносить*) и объекта этого действия (*благодать*) с разной степенью выраженности каждой из них: *благодарить (-*

ность), *merci, danke, gracias, thank, hvala, podziękowania, podякувати* (подяка) и их синонимы. Этимология этих лексем в славянских языках, как отмечает В. Даль [20], во многом близка: зап., южн. укр. (по)дьяка – то же, дякувати «благодарить», через польск. *dzięk* м., *dzięka* ж. «благодарность», *dziękować* «благодарить» (с XIV в.) из ср.-в.-н. *dank* «благодарность» *danken* «благодарить».

В европейских языках этимология благодарности демонстрирует ощутимое влияние латыни, но при этом германские *thank* – Old English *þancian* «to give thanks,» от Proto-Germanic *thankjan акцентируют сему милость (деривативные лексемы к 1000 году получают значение «good thoughts, gratitude»), а романских языках, где лексема *gracia* восходит к концу 12в.: «God's favor or help,» от Old French *grace* «pardon, divine grace, mercy; favor, thanks; elegance, virtue» (12 в.), акцентирована божественная природа благодарности.

Несовпадение трактовки концепта в разных картинах мира объясняет существование межкультурного когнитивного (в терминологии Г. Г. Слышкина – концептуального) диссонанса, особенно заметного в жанрах бытового общения. Так, в нехристианских обществах составляющие лингвокультурного концепта БЛАГОДАРНОСТЬ иные: в японской культуре его ценностная составляющая настолько важна и приоритетна, что становится основанием для всей системы морали и нравственности японца [21], объясняя избыточные с точки зрения европейца внешние проявления вежливости.

Актуализация БЛАГОДАРНОСТИ в дискурсе осуществляется как соответствующими речевыми актами – экспрессивами, перформативами (*Позвольте выразить мою признательность...; Specjalne podziękowania dla...*), так и отдельными тактиками – комплиментом и под., а также невербально (*Сделать что-н. в знак благодарности*), напр.: «[Хозяин] проводил его до саней и на крыльце еще благодарил за оказанную честь». (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого). Важно, что в этикетной ситуации (*благодарность* как конвенциональный жанр) данный концепт определяет ведущую иллокутивную силу соответствующего речевого акта, например, в экспрессиве *Can I possibly thank you enough?* это благодарность, в то время как иллокуция спрашивания, задаваемая языковой формой высказывания, вторична.

В отличие от событийного концепта **признаковый концепт коммуникативного по-**

ведения, по нашим наблюдениям, обуславливает сопутствующие иллокуции речевого акта и доступен наблюдению в виде речевой стратегии / тактики, как правило, стратегии вежливости. Если событийный концепт коммуникативного поведения лежит в основе образования жанра, то признаковый концепт характеризует этот жанр. Примером первого служит официальное письмо, где СДЕРЖАННОСТЬ сопутствует выражению благодарности фирмы своему постоянному клиенту (жанр *деловое письмо-благодарность*):

Dear Mr. Garner:

We appreciate that you sent your neighbor, Mr. Parker, to YARDMAN for our landscaping services. Thanks for being our loyal customer!

Последнее (воплощение концепта в виде стратегий / тактик дискурса) обусловлено тем, что когнитивные признаки поведенческого концепта связаны с одной из наиболее общих характеристик коммуникативного поведения – этической, которая дает представление о степени соответствия / несоответствия коммуникативного поведения нормам морали, в частности – речевого и неречевого этикета. Система этикета включает «обязательные для выполнения стереотипные правила поведения, в частности, речевого», это «система разрешений и запретов, организующих моральные нормы в целом» [22 : 44–48]. Она выполняет функцию вежливости, что позволяет О. К. Мушаевой трактовать концепт коммуникативного поведения как «презентационный концепт – особый класс регулятивных лингвокультурных концептов, конститутивными признаками которого являются этические нормы демонстрации себя окружающим, состоящие в балансе между сохранением собственного лица и лица окружающих» [23].

Этическая доминанта в концепте коммуникативного поведения предполагает его осознанность, обязательность для всех членов лингвокультурной общности, стереотипность (по В. В. Красных, стереотипы поведения – фрагменты концептуальной картины мира, «штампы сознания», хранящие и «определенным образом предопределяющие стереотип поведения» [24 : 233]). Так, стратегии вежливости базируются на поведенческом концепте ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS; будучи средствами актуализации норм этикета, они стереотипны и обязательны. По нашим данным, в XVII – XX веках концепты коммуникативного поведения, касающиеся норм английского этикета – СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТ-

НОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, КОММУНИКАТИВНЫЙ ОПТИМИЗМ / OPTIMISM и др., актуализируются, в основном, стратегиями дистанцирования, чаще всего в форме тактики «Избегай вмешательства (question, hedge)» (в классификации П. Браун и С. Левинсона [25]). Соответственно, вежливое предложение выпить оформляется как косвенный комиссив (имеет форму вопроса):

“I’m Prendergast,” said the newcomer. “Have some port?”

“Thank you, I’d love to.” (E. Waugh)

Преобразование ценностной доминанты вежливости в культурно обусловленный исторически изменчивый стереотип сознания, модель осознанного поведения обусловлено частотностью ситуаций, требующих соблюдения норм вежливого, этикетно нормативного поведения.

Как показывает наше исследование, наиболее существенные различия в событийных и признаковых концептах коммуникативного поведения сводятся к их схемному моделированию и к средствам и способам актуализации в дискурсе.

По характеру схемного представления событийные концепты коммуникативного поведения суть модели соответствующей ситуации. Событийные концепты разворачиваются во времени и могут быть схематизированы в виде динамического фрейм-сценария. Так, МЕСТЬ, ИЗВИНЕНИЕ и подобные концепты разворачиваются по схеме [мотив → интенция → оценивание параметров ситуации → выбор языковых / неязыковых средств → совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта] (ср.: когнитивный сценарий выражения эмоций типа ANGST / ГНЕВ у А. Вежицкой [26]).

Напротив, признаковые концепты коммуникативного поведения характеризуют всю ситуацию и поэтому не имеют отдельного сценария разворачивания (ВЕЖЛИВОСТЬ, СДЕРЖАННОСТЬ, УКЛОНЧИВОСТЬ – признаки различных действий / состояний); они представлены слотом качества / способа в модели соответствующего событийного концепта. Так, в ситуации извинения адресант может быть вежливым и невежливым, в ситуации порицания – сдержанным, уклончивым и т.п.

Средством актуализации событийного концепта коммуникативного поведения в дискурсе служит речевой жанр / речевой акт, его ведущая иллокутивная сила соответствует понятийной составляющей концепта: например, концепты ПОРИЦАНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ реализуются речевым актом экспрессивом (сатисфактивом по классифика-

ции Д. Вундерлиха) и имеют одну ведущую иллокуцию, а ментальные признаки концептов типа ИЗВИНЕНИЕ объясняют их прагматическую комплексность: в гибридном речевом акте извинения сочетаются ведущие иллокуции экспрессива (говорящий выражает свое эмоциональное состояние) и реквестива (говорящий одновременно намерен побудить слушающего выполнить действие) [27]).

В отличие от событийных, признаковые концепты коммуникативного поведения определяют сопутствующую иллокутивную силу речевых актов, дают характеристики соответствующего коммуникативного жанра. Например, в жанре *порицание* выражению упрека как доминирующему в экспрессивах может сопутствовать ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИРОНИЯ и т.п. Однако наиболее ярко признаковые концепты коммуникативного поведения актуализируются в дискурсе соответствующими стратегиями и тактиками, как правило, обусловленными принципом вежливости: концепт УКЛОНЧИВОСТЬ – стратегией дистанцирования и тактиками уклончивости (hedging); концепт ОПТИМИЗМ – стратегией сближения и тактикой выражения оптимизма (be optimistic) и под.

Таким образом, использование идей когнитивной прагматики и шире – дискурсологии в качестве методологии анализа позволяет выделить особый тип концептов культуры – концепты коммуникативного поведения и на примере концептов этики установить их разновидности: событийные и признаковые концепты коммуникативного поведения. Признаковые концепты-регулятивы, осознанные нормы коммуникативного поведения в обществе – это этнокультурные стереотипы, которые воплощаются в соответствующих ситуациях общения вербально (различными стратегиями вежливости), паравербально и невербальными способами. В отличие от событийных концептов – ментальных представлений о речевых действиях как таковых, актуализированных соответствующими речевыми актами, признаковые концепты коммуникативного поведения содержат характеристики вербальных, и шире – коммуникативных действий и обладают динамичностью, градуальностью, актуализируется словом, предложением, а также в стратегиях и тактиках дискурса на уровне коммуникативного хода, задаются социокультурными и иными дискурсивными параметрами ситуации общения (контекстом, целями и интенциями говорящих и пр.).

Событийные концепты коммуникативного поведения – это жанрообразующие (жанро-генерирующие) концепты, в то время как

признаковые концепты задают характеристики речевого жанра. Событийные концепты коммуникативного поведения – ментальные схемы определенных ситуаций – разворачиваются во времени, могут быть схематизированы в виде динамического фрейм-сценария и актуализированы речевым жанром / речевым актом, определяя его ведущую иллокутивную силу. Напротив, признаковые концепты коммуникативного поведения специфицируют ситуацию; схематически они представляют собой слот качества / способа в модели соответствующего концепта и включают в себя параметр этикетности; они воплощаются не только словом, но и в речевых стратегиях / тактиках и обуславливают сопутствующие иллокуции речевых актов.

Избранный когнитивно-дискурсивный вектор исследования предопределяет его перспективы – установление межкультурного и диахронического варьирования концептов коммуникативного поведения в англоязычном и иных дискурсах разных эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Wilson D. Sperber D. Relevance Theory // The Handbook of Pragmatics. Padstow, 2005. P. 608–632.
3. Шевченко И. С., Сусов И. П., Безуглая Л. Р. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. № 811. Харків, 2008. С. 3–7.
4. Дементьев В. В. Варьирование коммуникативных концептов // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Парадигма, 2006. С. 5–23.
5. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
6. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж : Истоки, 2003. 184 с.
7. Маркарян Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур // Методологические проблемы этнических культур: материалы симпозиума. Ереван : АН Арм. ССР, 1978. С. 8–9.
8. Лурье С. В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-Пресс, 1998. 448 с.
9. Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология Волгоград : Парадигма, 2009. 116 с.
10. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.
11. Полина А. В. Языковая объективация кон-

цепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2004. 20 с.

12. Ваховська О. В. Вербалізація концепту ГРІХ в англomовному дискурсі XIV–XXI століть : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2011. 20 с.

13. Шевченко И. С., Змиева И. В. Понятийная категория ДОБРО в английской языковой картине мира // Антология концептов. Том 5. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 4–16.

14. Чесноков И. И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та, 2009. 44 с.

15. Психологический словарь. URL: <http://psi.webzone.ru/st/081100.htm> (дата обращения: 27. 06. 14).

16. Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 27. 06. 14).

17. Крылов К. Поведение. URL: <http://www.traditio.ru/krylov/pv1.html> (дата обращения: 27. 06. 14).

18. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.

19. Библийская энциклопедия Брокгауза. URL: http://enc-dic.com/enc_bible/ (дата обращения: 27. 06. 14).

20. Толковый словарь Даля онлайн. URL: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 27. 06. 14).

21. Сосновская Е. А. Долг благодарности как основание японской нравственности // Философия образования. № 3. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. С. 161–164.

22. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения М. : Высш. шк., 1989. 159 с.

23. Мушаева О. К. Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

24. Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

25. Brown P., Levinson S. Politeness : Some Universals in Language Use. L. ; N. Y., 1987. 345 p.

26. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.

27. Шевченко И. С. Гибридная природа извинения : когнитивно-прагматический анализ // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ Наука, 2009. С. 329–337.

REFERENCES

1. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the way of get-

ting language knowledge: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in world perception]. Moscow, 2004, 560 p.

2. Wilson D., Sperber D. Relevance Theory. *The Handbook of Pragmatics*. Padstow, 2005, pp. 608–632.

3. Shevchenko I. S., Susov I. P., Bezuglaya L. R. Abris kognitivnogo vektora pragmalingvistiki [The shape of cognitive vector in linguistic pragmatics.]. *Visnyk Kharkiv's'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina* [V. N. Karazin Kharkiv National University Messenger]. Kharkiv, 2008, no. 811, pp. 3–7.

4. Dement'ev V. V. Var'irovanie kommunikativnykh kontseptov [Variation of communicative concepts]. *Chelovek v kommunikatsii: kontsept, zhanr, diskurs: sb. nauch. tr.* [Person in communication: concept, genre, discourse: collection of scientific works], Volgograd, 2006, pp. 5–23.

5. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and metaconcepts]. Volgograd, 2004. 128 p.

6. Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [A study of English communicative behavior]. Voronezh, 2003. 184 p.

7. Markaryan E. S. Ob iskhodnykh metodologicheskikh predposylkakh issledovaniya etnicheskikh kul'tur [About methodological prerequisites of the study of ethnic cultures]. *Metodologicheskie problemy yetnicheskikh kul'tur: materialy simpoziuma* [Methodological problems of ethnic cultures: proceedings of the symposium]. Erevan, 1978, pp. 8–9.

8. Lur'e S. V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historic ethnology]. Moscow, 1998. 448 p.

9. Karasik V. I., Krasavskiy N. A., Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnaya kontseptologiya* [Linguistic-cultural conceptology]. Volgograd, 2009. 116 p.

10. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: lingvo-cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.

11. Polina A. V. *Yazykovaya objektivatsiya kontsepta BOG v angliyskom diskurse XVI–XX vekov* [Verbalization of the concept GOD in the English discourse of the XVI–XX centuries. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Khar'kov, 2004. 20 p.

12. Vakhov's'ka O. V. *Verbalizatsiya kontsepta GRIKH v anglovomnomu diskursi XIV–XXI stolit* [Verbalization of the concept SIN in the English discourse of the XIV–XXI centuries. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kharkiv, 2001. 20 p.

13. Shevchenko I. S., Zmiyova I. V. Ponyatiynaya kategoriya DOBRO v angliyskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual category GOOD in the English linguistic worldview]. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 5. Volgograd, 2007, pp. 4–16.

14. Chesnokov I. I. *Mest' kak emotsional'nyy povedencheskiy kontsept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoy lingvokul'tury)* [Revenge as emotional behavioral concept (attempt of cognitive-communicative description in the context of Russian linguistic culture). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2009. 44 p.

15. *Psikhologicheskiy slovar'* (Psychological dictionary). Available at: <http://psi.webzone.ru/st-081100.htm> (accessed 27 June 2014).

16. *Filosofskaya entsiklopediya* (Philosophic encyclopaedia). Available at: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (accessed 27 June 2014).

17. Krylov K. *Povedenie* (Behavior). Available at: <http://www.traditio.ru/krylov/pv1.html> (accessed 27 June 2014).

18. Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii* [The category of Politeness and communication style], Moscow, 2009. 512 p.

19. *Bibleiskaya entsyklopedia Brokgauza* (Brockhaus Biblical encyclopaedia). Available at: http://enc-dic.com/enc_bible/ (accessed 27 June 2014).

20. *Tolkovyi slovar' Dalia online* (Dahl Dictionary online). Available at: <http://slovardalja.net/> (accessed 27 June 2014).

21. Sosnovskaya E. A. Dolg blagodarnosti kak osnovanie yaponskoy нравственности [The duty of thankfulness as a basis of Japanese morale]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. 2006, no 3, pp. 161–164.

22. Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and the culture of communication]. Moscow, 1989. 159 c.

23. Mushaeva O. K. *Prezentatsionnye regulativnye kontsepty v kalmytskoy, russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh* [Presentation regulative concepts in Kalmyk, Russian and English linguistic cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008. 20 p.

24. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [Native Among Strangers: Myth or Reality?]. Moscow, 2003. 375 p.

25. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Use*. London; New York, 1987. 345 p.

26. Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and description languages]. Moscow, 1999. 780 p.

27. Shevchenko I. S. Gibriddnaya priroda izvineniya: kognitivno-pragmaticheskiy analiz [The Hybrid Nature of Apology]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 6. Genres and language. Saratov, 2000, pp. 329–337.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

НЕИСКРЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И НЕИСКРЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Аннотация. Исследование посвящено вопросу о правомерности неискренних речевых жанров.

Речевой жанр понимается как форма высказывания, с помощью которого реализуется речевой акт.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волитивной и эмотивной), выделяются три типа неискренних речевых актов – лживые (неискренние ассертивы), манипулятивные (неискренние директивы) и лицемерные – притворство, лесть и клевета (неискренние экспрессивы).

При этом говорящий имеет скрытую перлокутивную цель обмануть адресата, что проявляется в его стремлении оформить высказывание таким образом, чтобы оно ничем не отличалось от искреннего.

Делается вывод, что неискренними могут быть только речевые акты, но не жанры.

Ключевые слова: интенция, неискренность, речевой акт, речевой жанр, фальсификация.

INSINCERE SPEECH ACTS AND INSINCERE SPEECH GENRES?

Abstract. This article is devoted to justification of insincere speech genres.

Speech genre is understood to be a form of utterance through which a speech act is being realized. Based on the type of falsified intention (assertive, volitive and emotive), three types of insincere speech acts are distinguished – lie (insincere assertives), manipulation (insincere directives) and hypocrisy – pretending, flattery and slander (insincere expressives). Therewith, the speaker has a hidden perlocutionary goal of deceiving the recipient displaying itself in his intention to set the utterance in a form that isn't different from a sincere one.

The conclusion is drawn that only speech acts can be insincere, not genres.

Key words: intention, insincerity, speech act, speech genre, falsification.

Сведения об авторе: Безуглая Лилия Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода.

Место работы: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

E-mail: bezugla@daad-alumni.de

About the author: Bezugla Liliia Rostyslavivna, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology and Translating.

Place of employment: V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine.

1. Вступительные замечания

В современной когнитивно-коммуникативной лингвистике, ставящей во главу угла человеческий фактор в языке, являются актуальными так называемые «экзотические ситуации речи» [1 : 189]. Среди них особый интерес вызывают явления, описываемые в терминах «ложь», «обман», «манипуляция», «неискренность», «притворство» и т.п. и имеющие непосредственное отношение к человеку – мыслящему и говорящему субъекту, участвующему в реализации дискурса.

Примечательно, что исследователи, рассматривающие эти явления, часто сводят их ко лжи как «разновидности несоответствия истине, действительной реальности» [2 : 221], «дискурсивному образованию», которое «играет» оппозицией истины и неистины, вовлекая в эту игру целый ряд смежных понятий» [3 : 251]. Такое понимание, восходящее к противопоставлению понятий «ложь – истина» и «ложность – истинность» в логической семантике, представляется не всегда оправданным.

Мы считаем целесообразным разграничивать ложность высказывания как его несо-

ответствие действительности и ложь как преднамеренное искажение положения дел, выраженного пропозицией, – процесс, акт деятельности говорящего субъекта. Исследование этого процесса сопряжено со смещением акцента с высказывания на его производителя – субъекта. Анализируя развитие антропоцентрического взгляда на язык и речь, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «передвижение интереса <...> от мира к человеку <...> привело к тому, что вместо объективного принципа истинности предложение в центре внимания <...> оказался субъективный принцип искренности высказывания» [1 : 55].

Ложь оказывается в одном ряду с притворством, манипуляцией, обманом и т.п. и предстает лишь как одна из возможных форм проявления неискренности говорящего в дискурсе, т.е. неискренность является зонтичным понятием по отношению ко лжи, притворству, манипуляции, обману и т.п. [4–8]. Неискренность определяется как «отношение <...> несоответствия (различия) того, что говорящий говорит, и того, что он думает (и, шире того, что он имеет в своем сознании, «уме»)» [8 : 31], что свидетельствует о

необходимости когнитивного подхода к ее изучению.

Адекватный методологический инструментарий для изучения неискренности дает когнитивно ориентированная теория речевых актов, в частности, анализ условий успешности речевых актов. Нарушение условия искренности ведет к реализации неискренних речевых актов, результирующихся в неискренних высказываниях.

Можно ли говорить о неискренних речевых жанрах как особых типах высказываний, используемых говорящим в дискурсе? С. Дённингхаус к неискренним речевым жанрам относит притворство, ложь, лесть и лицемерие, хотя подчеркивает, что «на формальном, грамматическом уровне нельзя определить, является ли высказывание лицемерным актом (ложью)» [5], причем она в этой работе не дает четкого разграничения речевых актов и речевых жанров. Ложь и притворство к речевым жанрам причисляет и В. И. Шаховский, замечая, что они характеризуются «неявными формально-синтагматическими параметрами» [2 : 239].

В настоящей статье осуществляется анализ типов высказываний, сопряженных с реализацией неискренних речевых актов, на материале драматических произведений авторов ФРГ и Австрии, персонажная речь которых отражает современный немецкоязычный разговорный дискурс. Одна из целей анализа – выявить на данном материале неискренние речевые акты и/или неискренние речевые жанры и их типы на основе формальных признаков.

2. Речевые акты vs. речевые жанры

Разграничение понятий речевого акта и речевого жанра должно исходить из того, что они относятся к разным теориям, к разным терминологическим системам. Речевой акт является ведущим понятием лингвопрагматики, основанной на деятельностном подходе к языку и речи, и предполагает процессуальное понимание¹. Понятие речевого жанра лежит в основе жанроведения или теории речевых жанров, развивающей идею М. М. Бахтина о жанрах речи как типах речевых высказываний. На наш взгляд, в данной теории речь идет о результативном понимании высказываний: «Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения

порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [10 : 164].

Наша точка зрения, таким образом, состоит в том, что теория речевых жанров является объектоцентрической. Сходную позицию высказывает С. Дённингхаус, по мнению которой, М. М. Бахтин, «в отличие от сторонников теории речевых актов, концентрирует свое внимание на типах текстов, а не на типах действий» [11 : 112].

Напротив, теория речевых актов имеет субъектоцентрический характер – речевой акт производится говорящим субъектом и имеет своим результатом высказывание, жанр которого определяется типом речевого акта². Следует подчеркнуть, что такой взгляд на концепцию М. М. Бахтина ни в коей мере не умаляет роль, которая отводится в ней говорящему и (в особенности!) слушающему: «В самом деле, слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» [10 : 169].

Имеется в виду исследовательский вектор: объектоцентрический – от высказывания (текста) к говорящему, и субъектоцентрический – от говорящего к высказыванию (тексту). Если теория речевых жанров концентрируется на высказываниях / текстах определенных жанров, используемых говорящим и интерпретируемых адресатом в дискурсе, то современная, когнитивно ориентированная теория речевых актов помещает в центр исследовательского интереса речевые действия / акты говорящего, берущие начало в его ментальной сфере и результирующиеся в различных высказываниях.

Примечательно, что М. М. Бахтин неоднократно подчеркивает, что жанр – это не сами высказывания, а их формы: «Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [10 : 181]. При этом языковая форма высказывания, в общем, приравнивается к его типу: «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относи-

¹ Ср. у Дж. Лайонза: «действие – это процесс, контролируемый агентом; акт – это единица действия или активности» [9 : 252].

² Имеется в виду понимание высказывания как продукта речевого акта [11 ; 12 : 6], хотя распространена также трактовка высказывания как процесса, согласно которой высказывание приравнивается к речевому акту. Различие высказывания-процесса и высказывания-продукта эксплицируется наличием разных лексем в некоторых языках: напр., укр. *висловлювання* – *висловлення*, фр. *énonciation* – *énoncé*.

тельно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [10 : 159].

С другой стороны, М. М. Бахтин допускает метонимическое употребление этого термина, уводящее читателя от его магистральной трактовки: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» [10 : 181]. «Говорить речевыми жанрами», т.е. говорить формами высказываний, а не самими высказываниями, – не что иное, как метонимия терминов.

Формальный характер речевого жанра акцентируется в его современных трактовках наряду с социальным характером: речевой жанр – «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [12 : 6], «средство формализации социального взаимодействия» [13 : 175], «письменные и устные формы диалогов, т.е. формы социального взаимодействия посредством высказываний на естественном языке» [11 : 104]. Перефразируя мысль В. В. Дементьева [13 : 176], можно утверждать, что язык является инструментом, при помощи которого человек осуществляет свою ориентацию в общении с другими людьми, а речевой жанр есть форма этого инструмента.

Понимание речевого жанра как формы, свойства, характеристики высказывания приближает его к модусной категории – объединении языковых средств на основе общности их интерпретирующей функции [14 : 45]. Как и модусная категория, речевой жанр имеет интерпретирующий и релятивистский характер: он существует не сам по себе, а только относительно высказывания или текста, поэтому релевантным является вопрос *Речевой жанр чего?*, как и ответ на него – *Высказывания, текста, отсюда – высказывания в жанре просьбы, извинения, проповеди, анекдота* и т.п. (т.е. таких типов высказываний и текстов, которые имеют формальные признаки, языковые модели построения). Напротив, этот же вопрос по отношению к речевому акту (**Речевой акт чего?*) представляется невозможным – речевой акт существует сам по себе, безотносительно к какой-либо другой сущности.

Итак, речевой акт имеет процессуальный характер, а речевой жанр – результативный, что и позволяет оперировать данными понятиями в одном исследовании.

3. Понятие неискреннего речевого акта

Любое исследование речевых актов предполагает анализ условий их успешности

– таких условий, которые необходимы и достаточны для того, чтобы произнесение высказывания было совершением акта определенного иллокутивного типа¹.

Условие искренности определяет, какая интенция (пропозициональная установка) выражается говорящим при реализации того или иного типа речевого акта [17 : 159]: при реализации ассертивов условие искренности состоит в том, что говорящий *S* верит, что *P* истинно, директивов – что *S* хочет, чтобы адресат *H* совершил действие *A*, квеситивов – что *S* хочет знать ответ, комиссивов – что *S* намеревается совершить действие *A*, экспрессивов – что *S* имеет и хочет выразить оценку адресата, отношение к нему или эмоции.

Речевые акты с нарушением условия искренности Дж. Р. Серль рассматривает как «злоупотребление иллокутивным актом»: говорящий пользуется тем, что не может сказать прямо: «Я утверждаю, что *p*, но не думаю, что *p*», «Я обещаю, что *p*, но не намереваюсь *p*»; при этом можно сказать: «Он утверждал, что *p*, но на самом деле не считал, что *p*»; «Он обещал, что *p*, но на самом деле не намеревался совершить это» [18 : 174].

При нарушении условия искренности говорящий «фальсифицирует интенцию, которая не является его действительной» [16 : 22]. При этом он преследует перлокутивную цель обмана / введения в заблуждение², имеющую три составляющие: 1) скрыть от адресата определенную интенцию, 2) заставить его поверить в свою искренность при помощи выражения совершенно иной интенции, 3) скрыть от адресата первые две составляющие перлокутивной цели.

Речевой акт с нарушением условия искренности и скрытой перлокутивной целью обмануть адресата определяется как неискренний. Если говорящий оказал предполагаемое речевое воздействие на адресата, т.е. совершил перлокутивный акт обмана, неискренний речевой акт рассматривается как удачный; если же адресат распознал перлокутивную цель говорящего обмануть его, неискренний речевой акт является неудачным³.

¹ Дж. Серль называет пять обязательных условий, анализ которых позволяет определить, речевой акт какого иллокутивного типа реализуется в конкретном речевом взаимодействии: условие входа / выхода, предварительное, пропозициональное содержания, искренности и существенное [15 : 51].

² Понятия обмана и введения в заблуждение употребляются здесь синонимически.

³ Ср. разграничение успешности и удачности речевого акта Д. Вундерлихом [16 : 22].

Выбор термина «обман» для обозначения перлокутивного акта в составе неискренного речевого акта объясняется воздействующей, результативной семантикой глагола *обмануть* (*deceive*) [19]. Обман может состояться, только если партнер по коммуникации обманут, введен в заблуждение неискренным говорящим. Если обман разоблачен, обманом его назвать уже нельзя.

Перлокуция обмана не связана с определенным иллокутивным типом речевого акта, а может присутствовать в каждом из них. Обмануть можно посредством утверждений, просьб, вопросов, обещаний, похвалы и т.п. Реализуемые при этом неискренние речевые акты отличаются по иллокуции, но объединяются фальсификацией интенции и перлокуцией обмана. Реализация различных иллокутивных типов неискренных речевых актов ведет к тому, что говорящий употребляет неискренние высказывания, которые ничем не отличаются по форме от искренних.

Перлокуция обмана, как и всякая перлокуция, имеет стратегический характер. Вслед за Ю. Хабермасом, «перлокуции рассматриваются как специальный класс стратегической интеракции» [20 : 395]. Перлокуция обмана реализуется в одном высказывании, а стратегия обмана – на уровне речевого события.

Таким образом, неискренность можно определить как мыслекоммуникативное состояние фальсификации говорящим своей интенции, связанное с намерением обмануть адресата.

4. Интенциональные типы неискренных речевых актов

Проанализировав результаты речеактовых исследований неискренности [4 ; 6 ; 7], считаем целесообразным классифицировать неискренние речевые акты в соответствии с типами фальсифицируемой интенции. В современной философии и когнитивной психологии под интенцией или интенциональным состоянием психики говорящего субъекта понимается направленность его сознания на объекты и положения дел внешнего мира [17].

На основе ведущей психической составляющей интенции подразделяются на ассертивные (рациональная оценка, (не)знание, сомнение, предположение, вера, уверенность), волитивные (желание, намерение) и эмотивные (эмоциональная оценка, отношение к адресату, эмоции) [7 : 137 ; 21 : 213–221].

Определение интенциональных типов неискренных речевых актов опирается на

типологию иллокутивных актов Дж. Р. Серля [18] с выделением квеситивов и контактивов (фатических речевых актов) в отдельные типы.

Способность к неискренной реализации имеют речевые акты всех иллокутивных типов, кроме декларативного и контактивного. Это объясняется отсутствием у них условия искренности. Это значит, что, если говорящий в соответствующей ситуации (при выполнении подготовительного условия) без желания произнес *Guten Tag!* или *Ich erkläre die Sitzung offen*, то он все равно поздоровался или открыл собрание. Обман возможен при совершении декларативных речевых актов в случае, если говорящий выдает себя за должностное лицо (судью, директора, председателя и т.п.), однако тогда речь идет о нарушении не условия искренности, а подготовительного условия: говорящий не имеет необходимых полномочий, поэтому его действия не являются легитимными.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волитивной или эмотивной), выделяются: 1) неискренние ассертивы (ложь), 2) неискренние директивы, квеситивы и комиссивы (манипуляция), 3) неискренние экспрессивы (лицемерие).

При реализации ассертива нарушение условия искренности состоит в противоречии между утверждением и верой, речевой акт характеризуется как лживый (ложь, вранье). Например, говорящий (Бруно) скрывает от адресатов тот факт, что у него квартире живет его пожилой отец, поэтому, когда друзья услышали за стеной грохот, он говорит (лжет), что это соседи:

(1) Felix: *Ganz schön dünne Wände, Mensch.*

Bruno: *Die Nachbarn. Ein älteres Ehepaar.*

Felix: *Das kommt doch ganz eindeutig von deinem Büro!*

Bruno: *Siehst du! Das hab ich die ersten paar Monate eben auch geglaubt. Aber es sind die Nachbarn.* (H. Schertenleib. Radio Kaschmir).

При реализации неискренных директивов, квеситивов и комиссивов, объединенных волитивной интенцией, имеет место противоречие между выражаемой и действительной волей говорящего. Говорящий при этом лжет, его речевой акт характеризуется как манипулятивный, «пустой» (ср. «пустые обещания»), а высказывание расценивается как манипуляция.

В манипулятивных комиссивах нарушение условия искренности состоит в том, что говорящий не собирается выполнять предсказуемое действие, в манипулятивных ди-

рективах – в том, что он не заинтересован в выполнении действия адресатом (неискренние просьбы, приглашения, приказы и т.п.) либо не желает войти в его положение (неискренние советы, разрешения, запреты и т.п.). Так, зная, что отец одержим идеей ограбить банк, сын (Вольфганг) решает разыграть ограбление пустого здания банка, предназначенного на снос, подложив в сейф свои деньги, – сначала он советует отцу ограбить этот банк (директив), затем предлагает свою помощь (комиссив):

(2) Wolfgang: *Papi, ich hab eine Bank für dich! <...> Die wird dir gefallen, Papi, so eine hübsche, kleine Depositenkasse in einem alten Berliner Mietshaus – das ist die Gelegenheit! <...> Du musst schnell zugreifen, am besten schon morgen oder übermorgen. Das Haus wird bald abgerissen. <...> Sag, wann du die Sache in Angriff nehmen willst, dann halte ich mir die Nacht für dich frei.*

Gustav: *Wofür?*

Wolfgang: *Ich lass dich doch selbstverständlich nicht allein gehen. Ich gehe natürlich mit. Und Freddie auch. Wir sind doch schließlich deine Söhne. <...>*

Gustav: *Abgemacht!* (C. Flatow. Das Geld liegt auf der Bank).

В манипулятивных квеситивах нарушение условия искренности состоит в том, что говорящий не желает восполнить когнитивный дефицит, поскольку тот отсутствует либо не важен для него. В следующем дискурсивном фрагменте говорящий (Арно) знает, что его собеседница солгала, рассказав о своем воображаемом друге; но он подыгрывает ей, задавая вопросы об этом «друге»:

(3) Arno: *Denkt Ihr Freund auch so?*

Janne: *Ja.*

Arno: *Dann passen Sie ja gut zusammen. Wie heißt er eigentlich? – Mäcki? Charly? Jimmy?*

Janne: *Nein.* (M. Bieler. Drei Rosen aus Papier).

При реализации неискренного экспрессива наблюдаем противоречие между выражаемыми и действительными чувствами; говорящий лицемерит, притворяется, его речевой акт «ненастоящий» [7 : 136]. Особенностью нарушения условия успешности в экспрессивных речевых актах является то, что говорящий фальсифицирует эмотивную интенцию, симулирует эмоции, имитирует эмоциональное состояние.

Среди экспрессивов выделяем эвалюативы, эмотивы и бехабитивы. Неискренние эмотивы и бехабитивы квалифицируются как притворство, неискренние эвалюативы – как лесть и клевета.

В случае эвалюативов объектом эмоций и оценки является адресат (его действия,

поступки, психическое состояние, внешний вид и т.п.). В зависимости от полюса оценки, неискренние эвалюативы подразделяются на речевые акты лести (неискренние похвала, комплимент, одобрение и т.п.) и клеветы (неискренние порицание, обвинение, упрек и т.п.).

В ситуации обмана нивелируются различия между одобрением, похвалой и комплиментом, которые демонстрируют позитивно-эмоциональную оценку адресата, поэтому для подобных речевых актов используем термин «лесть». Например, говорящий (актер Нико) заискивает перед продюсером, пытаясь получить роль в новом фильме:

(4) Nico: *Meine Lieblingsproduzentin. Die Beste, die ich kenne, und die Charmanteste.*

Victoria: *Du willst dich ja nur einschmeicheln.* (I. Bauersima, R. Desvignes. FILM).

Инсинуация предполагает негативно-эмоциональную оценку адресата. Так, говорящий (Бруно), недолюбливая адресата, уличает его в опоздании на семь минут, хотя понимает, что в данной ситуации это не играет роли:

(5) Bruno: *Wie spät ist es eigentlich?*

Adrian: *Zweiundzwanzig nach.*

Bruno: *Hat Matthias nicht gesagt, dass er um Viertel nach hier ist?*

Adrian: *Sind doch erst sieben Minuten.*

Bruno: *Viertel nach! Nicht zweiundzwanzig nach! Hänger! Genau wie früher. <...> Jetzt wird ungestüm geklingelt. <...>*

Bruno: *Zu spät, wie immer. Hast du dir wenigstens die Hände gewaschen?* (H. Schertenleib. Radio Kaschmir).

Неискренние эмотивы и бехабитивы – речевые акты притворства – характеризуются тем, что говорящий подделывает свои реальные чувства, т.е. неискренен в своих эмоциях – положительных, отрицательных или амбивалентных. Трактовку притворства как фальсификации эмотивной интенции подтверждают рассуждения Дж. Л. Остина о притворном гневе: «когда мы говорим о том, что человек, ведущий себя так, будто он разгневан, притворяется, одно нечто, которому это притворное поведение <...> противопоставляется, есть его реальная эмоция, чувство, установка» [22 : 290] (выделено в оригинале – Л. Б.). Таким образом, притворство, во-первых, имеет интенциональную основу, а во-вторых, может иметь как невербальный, так и вербальный характер.

По мнению психолингвистов, «физиологические, поведенческие и экспрессивные аспекты эмоции обуславливаются предше-

ствующим им когнитивным этапом» [23 : 315]. Оценка человеком ситуации, вызывающей эмоции, базируется на трех компонентах: желательности, одобрении и привлекательности. Например, «если такая эмоция, как горе, является реакцией на какое-то нежелательное событие, то и само событие должно восприниматься как нежелательное, а поскольку восприятие мира есть процесс когнитивный, то условия, вызывающие эмоции, включают когнитивные репрезентации, которые возникают в результате восприятия» [23 : 317]. Когнитивный этап в возникновении эмоций может включать и фальсификацию эмотивной интенции, что приводит к имитации говорящим соответствующей эмоции в речи.

Притворяющийся говорящий имитирует эмоции, что неизменно влечет за собой имитацию невербальных компонентов, сопутствующих речевому акту:

(6) *Strasser tut, als erblickte er sie erst jetzt: Christine! – Du? Kolossal! Ich hab dich jetzt gar nicht gesehen, auf Ehrenwort!*

Christine: *Lüg nicht!* (Ö.v. Horvath. Zur schönen Aussicht).

Притворство соотносим и с неискренними бехабитивами, поскольку в них говорящий может проявлять разную степень интенсивности чувства, которая является обратно пропорциональной степени этикетности речевого акта. Этот подтип экспрессива характеризуется наличием этикетной ситуации в качестве подготовительного условия: неискренние поздравления, соболезнования, благодарности, извинения и т.п. В следующем дискурсивном фрагменте имеет место этикетная ситуация похорон, которая вынуждает коммуникантов выражать соболезнования родственникам умершего. Говорящий (хозяйка) выражает притворную скорбь по умершему, которую разоблачает своим дальнейшим поведением:

(7) Wirtin heult: *Der arme Otto. Und gleich sterben. Und ich hab das so spät erfahren. Nein, warum hat er sterben müssen. Warum!*

Martha weint auch: *Wirtin, da ist er nicht drin.*

Wirtin hört sofort zu heulen auf: *Ja, wo ist er denn, der Otto?* (Martha zeigt auf den aufgebahrten Laiper, die Wirtin geht hin und weint heftig weiter) *Der arme Otto. Nein.* (M. Sperr. Landshuter Erzählungen).

Спецификой нарушения условия искренности всех иллюкутивных типов является то, что говорящий имеет скрытую перлокутивную цель обмануть адресата. Без наличия перлокуции обмана речевой акт с наруше-

нием условия искренности квалифицируется как ирония, сарказм, шутка, шутовство либо фантазия.

Как видно из примеров, в виду того, что неискренний говорящий имеет перлокутивную цель скрыть свою реальную интенцию, он пытается оформить свои высказывания таким образом, чтобы они в языковом отношении не отличались от искренних. Поэтому нужно признать, что ведущую роль в реализации неискренних речевых актов играют невербальные компоненты коммуникации, выступающие как сигналы неискренности – паузы, хезитации, изменения тона, определенные жесты и т.п. (см. примеры (6) и (7)).

Однако, как бы ни старался говорящий скрыть свою неискренность, бессознательный механизм языковой актуализации может дать возможность его истинным интенциям проявиться в виде вербальных сигналов неискренности. Среди них в немецкоязычном дискурсе выделяются нетипичные для говорящего лексика и синтаксис, повторы, парцелляция, однословные предложения, сопутствующие метакоммуникативные высказывания типа *Es ist wirklich so, Glauben Sie mir, Ehrenwort, Dass du es weißt, Ich sehe keinen Sinn das zu besprechen* и т.п. – показательны в этом отношении примеры (1) и (6).

Тем не менее, сознательно неискренний говорящий пытается скрыть фальсификацию своей интенции и оформить высказывание таким образом, чтобы оно никак не отличалось от искреннего. В любом случае, стопроцентная уверенность адресата в том, что говорящий неискренен, только на основании формальных признаков высказывания (без анализа невербальных сигналов и дискурсивного контекста) вряд ли возможна. Поэтому, если и можно выделить неискренние речевые жанры, то такое выделение будет иметь условный характер.

5. Итоговые замечания

Когнитивно-прагматический анализ неискренности показал, что неискренние речевые акты различных иллюкутивных типов реализуются в результате нарушения условия искренности, которое характеризуется противоречием между реальной и выражаемой интенциями говорящего. Неискренний говорящий имеет две взаимно накладывающиеся интенции: реальную интенцию, которую говорящий скрывает, и фальсифицируемую, противоположную интенцию, которую он пытается донести до адресата, что характеризует скрытую перлокуцию обмана.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волитивной и

эмотивной), выделяются три типа неискренних речевых актов – лживые (неискренние ассертивы), манипулятивные (неискренние директивы) и лицемерные – притворство, лесть и клевета (неискренние экспрессивы).

Хотя действительная интенция говорящего бессознательно проявляется в его речевом поведении в виде вербальных и невербальных сигналов неискренности, его сознательное стремление скрыть фальсификацию интенции и оформить высказывание таким образом, чтобы оно ничем не отличалось от искреннего, дает основание считать неправомерным выделение неискренних речевых жанров. Неискренними могут быть только речевые акты, но не жанры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Языки славянской культуры, 2005. 384 с.
2. Шаховский В. И. Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : ИЦ Наука, 2005. Вып. 4. С. 218–241.
3. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект. Харьков: Изд-во ХНУ, 2005. 299 с.
4. Бабич Е. Н. Речевые акты с нарушением условия искренности в современном немецкоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2010. 20 с.
5. Дённингхаус С. Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 1999. Вып. 2. С. 213–227.
6. Falkenberg G. Unaufrichtigkeit und Unredlichkeit Trier, 1984. 7 p.
7. Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen, 1992. 189 p.
8. Шатуновский И. Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения, мысли и действительности // Логический анализ языка : Культурные концепты. М. : Индрик, 1991. С. 31–38.
9. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 2003. 400 с.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
11. Дённингхаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагматической лингвистики // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 104–117.
12. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
13. Дементьев В. В. Исследования по речевым жанрам в России: XXI век // Лингвистика текста и дискурсивный анализ : Традиции и перспективы. СПб. : СПб ГУЭФ, 2007. С. 162–196.

14. Болдырев Н. Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство. М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 38–50.

15. Searle J. R. Speech Acts (27th printing). Cambridge, 2005. 203 p.

16. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Fr. ; M., 1972, P. 11–59.

17. Searle J. R. Intentionalität und der Gebrauch der Sprache // Sprechakttheorie und Semantik. Fr. ; M., 1979. P. 149–174.

18. Серль Дж. Классификация иллюкутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

19. Chisholm R. M., Feehan T. D. The Intent to Deceive // The Journal of Philosophy. 1977. № 74. P. 143–159.

20. Habermas J. Erfolgs- und Verständigungsorientierter Sprachgebrauch. Der Stellenwert perlokutionärer Effekte // Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Fr. ; M., 1987. Bd. 1. P. 385–397.

21. Polenz P.v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Berlin, 1988. 389 p.

22. Остин Дж. Притворство // Остин Дж. Три способа пролить чернила : Философские работы. СПб. : Алетея, Изд. дом СПб ГУ, 2006. С. 282–301.

23. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. С. 314–384.

ИСТОЧНИКИ

1. Bauersima I., Desvignes R. FILM // Theater, Theater : Aktuelle Stücke 13. Fr.; M., 2003. P. 7–95.
2. Bieler M. Drei Rosen aus Papier // Hörspiele. Berlin, 1964. P. 7–39.
3. Flatow C. Das Geld liegt auf einer Bank und noch mehr Theater. München, 1995. 408 p.
4. Horváth Ö. von. Zur schönen Aussicht // Spectaculum 18. Fr.; M., 1973. P. 225–269.
5. Horváth Ö. von. Die Unbekannte aus der Seine // Gesammelte Werke. Bd. 3. Fr.; M., 1978. P. 139–200.
6. Schertenleib H. Radio Kaschmir // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. Fr.; M., 2002. P. 311–364.
- Sperr M. Landshuter Erzählungen // Wunschkonzert. M., 1983. P. 265–330.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i yego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, 2005. 384 p.
2. Shakhovskiy V. I. *Lozh (vranyo) kak rechevoj zhanr (k teorii zhanroobrazuyuschikh priznakov)*. [Lying (lying) as a speech genre (To the theory of genre genesis features)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 218–241.
3. Morozova E. I. *Lozh kak diskursivnoye obrazovanie: lingvokognitivnyj aspekt* [Lying as a discourse

phenomenon: linguistic and cognitive aspect]. Khar'kov, 2005. 299 p.

4. Babych E. N. *Rechevyye akty s narusheniyem usloviya iskrennosti v sovremennom nemetskoyazychnom diskurse* [Speech acts with violation of the sincerity condition in modern German discourse. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Khar'kov, 2010. 20 p.

5. Dönninghaus S. Pod flagom iskrennosti: litsemi-riye i lest' kak spetsificheskiye yavleniya rechevogo zhanra "pritvorstvo" [Under the guise of sincerity: hypocrisy and flattery as specific phenomena of the speech genre "pretending"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 213–227.

6. Falkenberg G. *Unaufrichtigkeit und Unredlichkeit*. Trier, 1984. 7 p.

7. Lapp E. *Linguistik der Ironie*. Tübingen, 1992. 189 p.

8. Shatunovskij I. B. «Pravda», «istina», «iskrennost», «pravilnost'» i «lozh» kak pokazateli sootvetstviya / nesootvetstviya sodержaniya predlozheniya, mysli i deistvitelnosti [«Truth», «verity», «sincerity», «rightness» and «lie» as indicators of correspondence / incorrespondence between sentence, thought and reality]. *Logicheskij analiz yazyka: Kulturnyye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. Moscow, 1991, pp. 31–38.

9. Lyons J. *Linguistic semantics: introduction*. [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, 2003. 400 p.

10. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.

11. Dönninghaus S. M. Teoria rechevykh zhanrov M. M. Bakhtina v teni pragmatolingvistiki [M. Bakhtin's theory of speech genres in the shadow of linguistic pragmatics]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 104–117.

12. Demytyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Social and pragmatic aspect of speech genre theory]. Saratov, 1998. 107 p.

13. Demytyev V. V. Issledovaniya po rechevym zhanram v Rossii: XXI vek [Researches in speech genres in Russia: XXI str.]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: Traditsii i perspektivy* [Text linguistics and discourse analysis: traditions and prospects]. St.-Petersburg, 2007, pp. 162–196.

14. Boldyrev N. N. Protsessy kontseptualizatsii i kategorizatsii v yazyke i rol' v nikh imen abstraktnoj semantiki [Conceptualization and categorization processes in language and the role of abstract semantics names in them]. *Gorizonty sovremennoj lingvisti-*

ki: traditsii i novatorstvo [Horizons of modern linguistics: traditions and innovations]. Moscow, 2009, pp. 38–50.

15. Searle J. R. *Speech Acts*, 27th printing. Cambridge, 2005. 203 p.

16. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen. *Linguistische Pragmatik*. Fr.; M., 1972, pp. 11–59.

17. Searle J. R. Intentionalität und der Gebrauch der Sprache. *Sprechakttheorie und Semantik*. Fr.; M., 1979, pp. 149–174.

18. Searle J. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, no. XVII, pp. 170–194.

19. Chisholm R. M., Feehan T. D. The Intent to Deceive. *The Journal of Philosophy*. 1977, no. 74, pp. 143–159.

20. Habermas J. Erfolgs- und Verständigungsorientierter Sprachgebrauch. Der Stellenwert perlokutionärer Effekte. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Fr.; M., 1987, Bd. 1., pp. 385–397.

21. Polenz P. v. *Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens*. Berlin, 1988. 389 p.

22. Austin J. Pritvorstvo [Pretending] *Austin J. Tri sposoba proilit' chernila: filosofskiy raboty* [Three ways of spilling ink: Philosophical papers]. St.-Petersburg, 2006, pp. 282–301.

23. Ortony A., Clore G., Collins A. Kognitivnaya struktura emotsij [Cognitive structure of emotions]. *Yazyk i intellekt* [Language and intellect]. Moscow, 1996, pp. 314–384.

SOURCES

1. Bauersima I., Desvignes R. FILM. *Theater, Theater: Aktuelle Stücke 13*. Fr.; M., 2003, pp. 7–95.

2. Bieler M. Drei Rosen aus Papier. *Hörspiele*. Berlin, 1964, pp. 7–39.

3. Flatow C. *Das Geld liegt auf einer Bank und noch mehr Theater*. München, 1995. 408 p.

4. Horváth Ö. von. Zur schönen Aussicht. *Spectaculum 18*. Fr.; M., 1973, pp. 225–269.

5. Horváth Ö. von. Die Unbekannte aus der Seine. *Gesammelte Werke. Bd. 3*. Fr.; M., 1978, pp. 139–200.

6. Schertenleib H. Radio Kaschmir. *Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12*. Fr.; M., 2002, pp. 311–364.

Sperr M. Landshuter Erzählungen. *Wunschkonzert*. M., 1983, pp. 265–330.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 811.112.2'38+811.162.1'38
ББК 81.2Пол

Мария Войтак
Люблин, Польша

Maria Wojtak
Lublin, Poland

ГЕНОЛОГИЯ ОБИХОДНЫХ ТЕКСТОВ

GENOLOGY OF USUAL TEXTS

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать основные положения и достижения одного из актуальных направлений лингвистических исследований – генологии обиходных текстов. Речь идет о высказываниях, служащих определенным практическим целям. Их генологическое представление охватывает наиболее важные понятия в субдисциплине, которую также можно определить как лингвистическую генологию. Статья представляет собой обсуждение польских исследований по типам высказываний, прежде всего, бахтинских основ названного направления исследований. Автор представляет основные компоненты генологической теории, позволяющей характеризовать жанр как культурную, познавательную, коммуникативную, формотворческую, стилистическую и историческую категорию. Во второй части статьи дано представление наиболее актуальных проблем лингвистической генологии, а в ее составе – генологии обиходных текстов (понятие шаблона и его аспектов и вариантов; жанровые показатели отдельных обиходных текстов и понятие стиля обиходных текстов).

Ключевые слова: лингвистическая генология, жанр, текст, обиходный текст, стиль.

Abstract. The aim of the article is to characterize the basic assumptions and developments of current research within linguistic genology of usual texts. It's about phrases for specific practical purposes. Their genological presentation covers the most important concepts in the subdiscipline, which can also be referred to as linguistic genology. The article is a discussion about the Polish research on genres of phrases, including the foundations for this theory made by Bakhtin. The author presents the main components of the genology theory, enabling the characterization of a genre as a cultural, cognitive, communication, form-shaping, stylistic, and historical category. In the second part of the article, the presentation of the most important current problems of linguistic genology, and the related genology of usual texts have been included (the notion of pattern and its aspects and variants; genre determinants of selected usual texts and the concept of usual texts style).

Key words: linguistic genology, genre, text, usual text, style.

Сведения об авторе: Войтак Мария, профессор филологии, профессор Института польской филологии Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине.

Место работы: Институт польской филологии Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, кафедра истории польского языка и диалектологии.

E-mail: maria.wojtak@neostrada.pl

About the author: Wojtak Maria, Professor, Institute of Polish Philology of University n.a. Maria Curie-Skłodowska in Lublin.

Place of employment: Institute of Polish Philology of University n.a. Maria Curie-Skłodowska in Lublin, Department of History of the Polish language and dialectology.

1. Начальные определения

Генология обиходных текстов не существует в когнитивном вакууме. Напротив, можно сказать, что она живет пока еще нестабильной жизнью на фоне и до некоторой степени в тени литературоведческой генологии, которая все же имеет гораздо более давние традиции и, в глазах некоторых исследователей, более высокую степень методологической кристаллизации. Генология обиходных текстов понимается как лингвистическая дисциплина, которая в последние годы обретает все большую самостоятель-

ность и набирает сил, используя в самой большой степени достижения текстологии, хотя немалое значение имеют также связи с прагмалингвистикой, теорией дискурса и лингвокультурологией, а главным образом – с функциональной стилистикой (см. [1–3] и др.).

Будущие формы этой дисциплины будут зависеть, как можно предполагать, не только от методологических моделей лингвистического происхождения. Лингвистика, безусловно, останется важнейшим центром кристаллизации. Я думаю, однако, что исследо-

© Войтак М., 2004

© Дементьев В. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2015

вания жанровых различий на материале богатых подборок обиходных текстов будут осуществляться в сфере влияния (более или менее четкого и сильного) литературоведческой генологии и генологии СМИ (а скорее, как полагает Эдвард Бальцежан, мультимедийной генологии, которую он определяет как «раздел семиотики, анализирующий и систематизирующий генологические формы существования различных знаков в культурном пространстве» [4 : 88]).

В трех разделах генологии (речь идет об ориентации на литературоведение, лингвистику и теорию СМИ) до сих пор преобладали имманентные описания, хотя каждый из разделов (не только литературоведческий) заявляет о полезности своих выводов для остальных – а иногда также видит возможность (и необходимость) адаптации понятий, исходящих из чужого исследовательского пространства¹. В настоящее время, таким образом, можно наблюдать в отношении всех этих дисциплин, а следовательно, и лингвистической генологии состояние неустойчивого равновесия между тенденциями интеграции и самостоятельности².

В настоящее время генология обиходных текстов функционирует, однако, как лингвистическая дисциплина. Ее задача заключается, прежде всего, в характеристике очень богатого и разнообразного репертуара обиходных высказываний, то есть таких, кото-

рые бытуют примарно за пределами литературы и используются для конкретных практических целей (см. [9 : 71–86; 10 : 253–263; 11 : 13–18]). В качестве доминирующей тенденции в польской генологии можно рассматривать исследования отдельных жанров (ср. [12–14]). Однако следует также отметить попытки монографических исследований отдельных групп жанров [15 ; 16 ; 3].

2. Бахтинские положения

Взгляды Бахтина в среде филологов так хорошо известны, освоены и – более того – усвоены, что нет никаких оснований представлять их в деталях. Однако нужно вернуться к некоторым вопросам, особенно тем, которые в дальнейшем будут определять направление лингвистических генологических исследований.

В настоящее время Бахтину ставится в вину, что, борясь с понятием «*потока речи*», «он отвергает признание явлений, связанных с человеком, его культурой и языком, в категориях индивидуальных, несистемных и уникальных особенностей» [17 : 13 ; 3 : 209].

Я думаю, обращаясь к метафоре потока, следует, принимая во внимание выводы многих исследователей, подчеркнуть, что речь не течет быстро в регулируемых конвенциями границах и берегах, а напоминает реку, которая нерегулируема, а следовательно, имеет кроме главного течения, определенного и размеченного, старицы (склад исторических форм), менее оформленные боковые протоки, а также совершенно неисчислимы (или менее предсказуемые) возможности выхода из старых берегов и создания новых форм, слабо прорисованных, индивидуальных³.

Бахтин не построил последовательную теорию жанра, не дал типологии жанров, приписал статус жанра формам высказывания, которые не могут рассматриваться как генологические сущности, и, можно добавить тенденциозно, не выполнил еще много исследовательских требований современной лингвистической генологии. Однако он сформулировал много интерпретативных гипотез, которые выполнили роль линз, сфокусировавших внимание исследователей на вопросах, ранее незамеченных. Он создал почву для столь оживленных сейчас генологических исследований. Признание жанра как набора изменяющихся конвенций, посту-

¹ Ср., например: [5 : 20], где автор утверждает: «Впечатляющее развитие лингвистической генологической рефлексии может обеспечить много содержательных переживаний исследователю литературы»; а также [6 : 10].

² Иллюстрацией могут служить положения исследователей жанрового оформления публицистической (СМИ) сферы коммуникации. В. Фурман, А. Калишевский и К. Вольный-Зморжинский – авторы книги «Журналистские жанры» [7 : 17–20] – устанавливают дефинитивные признаки журналистских жанров на фоне показателей литературности. Исследователь телевизионных жанров Веслав Годзиц в свою очередь выражает уверенность в неприменимости литературоведческих категорий при характеристике аудиовизуальной жанровой реальности. По мнению автора, «глобальное значение аудиовизуального произведения в большей степени зависит от контекстов и условий восприятия произведения, чем от того, что в нем физически содержится» [8 : 20]. Отсюда утверждение: «Существует одна смежная область, с которой с большим сожалением приходится попрощаться. Я имею в виду литературную генологическую традицию, исторически самую раннюю – особенно доминирующую в польских гуманитарных науках» [Там же].

³ Ср., например, рассуждения Бальцежана о «москаликах» [4 : 89–90], а также [18 : 54–58 ; 19] (в особенности фрагменты, касающиеся комментария или фельетона).

лат о включении в анализ нескольких аспектов жанровой структуры, а именно: композиции, темы и стилистического оформления, учет отношений между жанрами в качестве одного из параметров генологического описания – всё это бахтинские истины, которые стали постоянным компонентом теоретического знания о речевых жанрах [19 : 13] (заслуги Бахтина отмечают многие исследователи – см. [5 : 21]).

3. Элементы теории – способы интерпретации жанра

3.1. Жанр как культурная категория

Этот способ понимания жанра появляется как в энциклопедических характеристиках, принимая форму констатации типа: «Жанр принадлежит к сфере культурных конвенций» [2 : 255], так и в специальных исследованиях, в первую очередь Анны Вежбицкой и ее школы. В публикациях этой исследовательницы есть тезис, провозглашающий, что «различные культуры могут быть рассмотрены через призму характерных для них жанров речи» [20 : 228]. Характеризуются жанры, которые данный язык выделяет лексически, и процедура экспликации приводит к выявлению, как заявляет автор, «идеи» определенного жанра, характерной для данного языка (данной культуры) [Там же : 237].

3.2. Жанр как когнитивная категория

Понимание жанра как явления, формирующего доступную данной культуре и языку, а следовательно, и его носителям картину мира, характерно для новейших направлений в лингвистике, что не означает, что существует большое количество исследований, развивающих этот тезис. Он присутствует в теоретических исследованиях, является еще одним отголоском концепции Бахтина, а в наиболее явном виде сформулирован в следующем утверждении Станислава Гайды: «Жанры функционируют как своего рода манифестации картин мира, сформированных в долгосрочном историческом процессе трансформаций социальной реальности и культуры, как их отражение и одновременно инструмент их активного формирования. Каждый жанр способен охватить определенные стороны действительности, каждый обладает присущими ему правилами отбора, формами взгляда на мир и понимания его и имеет определенные возможности с точки зрения широты понимания и глубины проникновения» [2 : 262]¹.

¹ Подобная идея появляется на с. 255–256, где, характеризуя жанровый шаблон, автор утверждает: «Шаблон включает <...> когнитивные категории,

3.3. Жанр как коммуникативная (прагматическая) категория

Такое понимание жанра имеет давнюю традицию и вписывается в различные разработанные методологические модели. Речь идет о жанре как категории, которая организует коммуникативную деятельность людей, при этом определенным коммуникативным сферам приписываются наборы конвенциональных способов высказывания. Многие исследователи признают главным критерием жанровой индивидуальности функциональные характеристики жанра и корреляции его признаков с определенными типизированными социальными ситуациями, отводя на второй план морфологические признаки.

3.4. Жанр как формотворческая категория

Выделение этого аспекта переносит внимание исследователей на вопросы морфологии жанра. Базовым понятием оказывается *модель, текстовый шаблон, структурная схема, суперструктура* (терминологический разброс весьма велик)². Характеристика включает в себя принципы делимитации и сегментации высказывания и композиционную доминанту. Определяется степень конвенционализации структуры текста, то есть, например, форма текстовой рамки или типичная последовательность сегментов. Этот аспект генологических исследований наиболее укоренен в лингвистике текста и зависит от методологических подходов, функционирующих в данной дисциплине.

3.5. Жанр как стилистическая категория

Жанр может пониматься как стилистическая категория по нескольким причинам. Он давно является предметом прямого или косвенного интереса в стилистике. Именно в рамках этой дисциплины, пока не распространились текстологические исследования, решалась проблема жанровой дифференциации отдельных функциональных стилей³.

более или менее упорядоченную картину мира и определенную иерархию ценностей». См., кроме того, положение Й. Бартминьского: «Жанровое и стилевое самоопределение текста включает: обязательное маркирование высказывания с точки зрения коммуникативной интенции; ценности, такие как тип рациональности, отношение к предмету речи и принятая точка зрения (производной от которой является образ мира); принятые онтологические допущения и система ценностей» [21 : 17].

² Попытку упорядочить этот набор терминов и понятий предпринимает Б. Витош в работе: [22 : 40–47].

³ Краткое изложение основных направлений этих

При обсуждении определения стиля он в некоторых отношениях почти приравнивается к жанру, когда в формулах, объясняющих оба термина, появляется понятие «*класса текстов*» (см.: [23 : 43]). Другой проблемой, которая решалась в контексте дискуссии по поводу жанра, был вопрос о стилистическом использовании жанровых структур. Со временем начало доминировать мнение, что каждая из составляющих жанра может иметь стилистическую значимость [23 : 45 ; 10 : 113–115]. Утверждение в польской стилистике прагматического подхода стимулировало принятие постулата, что главным объектом интереса лингвистической стилистики должно быть жанровое самоопределение высказывания [24 : 369–377].

3.6. Жанр как историческая категория

Жанр может быть связан с определенной эпохой в истории культурного сообщества. Историчность также означает эволюцию жанра или набора жанровых форм, функционально связанных в рамках жанровой структуры или как форма трансформации и формирования новых жанров. Бывает, что дискурсивное наполнение данной жанровой формы и видоизменения дискурса приводят к тому, что определенный тип высказывания может исчезнуть из коммуникации, будучи заменен на жанр, принятый произвольно в соответствии с новыми коммуникативными или культурными конвенциями.

4. Актуальные проблемы лингвистической генологии (генологии обиходных текстов)

Полиморфизм жанра приводит к тому, что остается актуальным вопрос: какое словесное произведение называть жанром? Выделенное через посредство имени, функционирующего в данном языке (культуре), – скажет Вежбицкая [20 : 228; см. также 25]. Шаблон, обусловленный исторически и хранящийся в общественном языковом сознании, добавит Гайда и обратит внимание на различия между разговорным жанровым сознанием и сознанием, горизонты которого определяет генология [2 : 256]. Проблемы связаны с двумя вопросами. Имена, содержащиеся в определенном языке, во-первых, могут относиться к языковым действиям (простые речевые акты, а не жанры, которые

регулируются определенными формальными правилами), и, во-вторых, одно имя может охватывать целый спектр текстовых и коммуникативных явлений, которые обнаруживают различную степень фамильного сходства, более того, будучи рассматриваемы с разных точек зрения, они получают в глазах генолога различную степень автономности¹. Примеров тому множество. Назову, не развивая подробно эту тему, некоторые из них: письмо (пастырское, в редакцию, мотивационное), реклама (в прессе, на радио, телевидении), рецензия (научная, публицистическая, учебная), молитва (каноническая, волативная, поэтическая), жалоба, репортаж, эссе, интервью.

К актуальным проблемам лингвистической генологии (в том числе, прежде всего, генологии обиходных текстов) относятся вопросы определений. Что является жанром, как его распознавать и определять – проблема, которая волнует многих исследователей – как тех, кто описывает специфику отдельных жанров, так и тех, кто расширяет объем исследования до целых групп высказываний. Онтологический статус жанра не был однозначно определен. Жанр понимается как теоретический конструкт – набор инвариантных характеристик (некоторые исследователи стремятся выделить только такой набор атрибутов) и характеристик переменных (факультативных). Это ставит жанр на уровень нормы, придавая ему статус текстового шаблона (архитекта), функционирующего в сознании членов данного коммуникативного сообщества. (См. об этом: [23 : 201–204 ; 3 : 201–204 ; 2 : 256 и далее].) Можно также относить этот термин к набору высказываний, реализующих упомянутые нормы.

Если жанр понимается как набор intersubjectively функционирующих правил, оформленных исторически и культурно и определяющих построение текста [26 : 121], или же как класс текстов, организованных аналогичными правилами, бытующих к тому же в определенном дискурсе (связанных с типичной коммуникативной ситуацией, как было сказано ранее), то для некоторых более сложных жанров должно быть зарезервировано понятие синкретического произведения (*tworu synkretycznego*), подвижной

исследований и обширной литературы по данному вопросу содержит книга [1]. В рамках поиска таксономических категорий по-прежнему постулируется выделение жанров в польских функциональных стилях. См., например, [3 : 217–273].

¹ Убежденность в том, что генологические названия являются источником характеристики жанра, выражают многие исследователи. См., например: [25], где в каждой главе, посвященной характеристике определенных жанров, находим сегмент под названием «Что означает название?».

формы (*formy poruszony*) или жанрового гибрида (*hybrydy gatunkowe*). Вопрос гибридности, впрочем, снимается в мультимедийной генологии, где жанр, в соответствии с предложением Эдварда Бальцежана, понимается как «повторяемая комбинация приемов» [4 : 88]. Принятие лингвистической генологией этой точки зрения, несомненно, способствовало бы решению вопросов о генологическом статусе многих текстовых произведений.

В дополнение к этим положениям следует добавить, что знание жанровых конвенций следует рассматривать как компонент коммуникативной компетенции, помня о необходимости принятия во внимание двух типов и объемов этой компетенции. Во многих областях общественной деятельности, а следовательно, и в способе построения риторических, сознательно выстраиваемых высказываний отражается специализированная (профессиональная) компетенция – например в области права, при создании культовых и катехизических текстов (подробнее см.: [27 : 119]). Кроме нее следует выделять общую (непрофессиональную) компетенцию (и умения), присущую, таким образом, всем носителям языка (ср.: [28 : 45–57 ; 29 : 20–40]). Выбор жанра, однако, не автоматизирован (или, как говорят вслед за Бахтиным, не грамматикализован) в связи с тем, что жанры – и как шаблоны (модели, своды правил), и как компоненты дискурса – подлежат процессам поляризации. Объем свободы выбора, как и последствия выбора, зависят от сферы коммуникации. Уделим этим вопросам немного больше внимания.

Жанр высказывания (особенно обиходного) можно рассматривать как набор конвенций, которые подсказывают носителям языка, как решать определенные коммуникативные задачи. Люди, которые общаются друг с другом, соотносят свое поведение, более или менее осознанно, с определенными жанровыми шаблонами. Этим шаблонам присуща разная степень нормативности. Поэтому жанр может рассматриваться как совокупность текстов, которые реализуют определенный шаблон, постоянно ослабляя, расшатывая или даже ломая конвенции. Абстрактной сущности, какой является жанровый шаблон с переменными для конкретных жанров наборами вариантов (к чему я еще вернусь), соответствует в общественной коммуникации (в пределах ее определенной сферы) набор высказываний, которые имеют различный коммуникативный статус. Они могут быть реализациями шаблона, если, по определенным причинам, достаточно точно воспроизводят схему. Они могут функциони-

ровать как его репрезентации, если избирательным способом соблюдают правила шаблона (реализуют его альтернативный или адаптивный вариант). Они могут, наконец, быть индивидуальными текстовыми феноменами, которые содержат некоторые сигналы жанровой принадлежности, но в то же время являются уникальными (см.: [30 : 33–34]).

Вернемся, однако, к вопросу жанрового шаблона. Я определяю это понятие (в многочисленных исследованиях, посвященных различным жанрам высказываний или их комбинациям) как набор правил, определяющих наиболее важные уровни организации жанровой структуры, отношения между ними и способы функционирования отдельных уровней [Там же: 30 ; 31 : 38–46 ; 19 : 16–17]. Понимаемый таким образом шаблон включает четыре плоскости (аспекты, которые должны быть приняты во внимание при анализе жанров): **структурный аспект**, или форма текстовой рамки (особенно степень ее жесткости, а значит, и открытости жанровой структуры), вопросы сегментации, последовательность сегментов, связи между сегментами; **прагматический аспект**, или коммуникативные отношения, в частности, образ адресанта и адресата и связи между ними, иллокутивный потенциал высказывания и его основное коммуникативное назначение (*жизненный контекст жанра* в терминологии Лофинка [32 : 29–40]); **познавательный аспект**, или тематика и способ ее представления (перспектива взгляда на действительность, оценка и ранжирование частей мира); **стилистический аспект**, или, в моем понимании, совокупность характеристик, обусловленных структурно, детерминированных прагматически и связанных с генезисом используемых средств.

Шаблон должен пониматься как целое, так как функционирует в сознании получателей в форме набора ожиданий. Отдельные аспекты, однако, могут быть автономизированы для нужд конкретных исследований. Поэтому я выступаю сторонником комплексных генологических исследований, охватывающих как морфологию и дискурсивное воплощение, так и стилистику высказываний, а сама предлагаемая мною модель описания жанров является развитием концепции Бахтина, который усматривал в жанровых схемах сосуществование тематического, композиционного и стилистического аспектов [33 : 159–160].

Правила, определяющие форму отдельных плоскостей шаблона и способов реали-

зации целого, имеют различный статус, поскольку функционируют как нормы с разной степенью обязательности или как рекомендации. Поэтому может быть разным потенциал гибкости жанрового шаблона. Шаблон – это не матрица, позволяющая механически отливать очередные порции жанра (или высказывания). В целом, однако, он очерчивается довольно точно как набор вариантов. Исследования по целому ряду обиходных текстов позволяют мне выделить три типа вариантов шаблона – я понимаю жанр как явление внутренне поляризованное. Среди упомянутых вариантов (это не значит, что они должны быть у каждого жанра) функционирует канонический вариант, охватывающий совокупность черт наиболее типичных, стабильных, позволяющих соотносить данное высказывание с жанром, даже если в нем преобладают нетипичные черты, поэтому он может выполнять дифференционно-идентифицирующую функцию. Таким образом, он имеет все признаки инварианта. Он также может быть интерпретирован в терминах прототипа, если под этим термином понимать не наилучший экземпляр, а набор характеристик, позволяющих осуществлять жанровую идентификацию высказывания. Поляризация жанрового шаблона обуславливается альтернативными вариантами, которые я понимаю как количественные или качественные преобразования канонического варианта, что чаще всего начинается со структурных модификаций, и адаптивными вариантами, или жанровыми заимствованиями. Жанровые адаптации являются повторяемыми процедурами. Они могут иметь характер глобальных модификаций, когда охватывают почти всю жанровую схему (в крайних случаях сигналом жанровой идентичности может быть одно название жанра, оставленное в оформлении текста – такую практику используют, например, создатели газетной рекламы). Гораздо более распространенными, однако, являются частичные адаптации, охватывающие отдельные сегменты или аспекты шаблона. Среди адаптивных процедур находятся преобразования, аналогичные тем, которые я отношу к механизмам альтернации. Среди них могут быть выделены следующие процедуры: а) редукция компонента или компонентов, б) структурные или стилистические трансформации, в) композиция: добавление компонента, заимствованного из чужого шаблона, г) контаминация структур. Главное отличие состоит в том, что альтернативные модификации касаются одного жанрового

шаблона (поэтому исключена контаминация), а процессы адаптации относятся к нескольким шаблонам. Направления адаптации могут быть при этом различными и охватывать различные сферы коммуникации (ср., например, использование жанровых схем официально-деловых жанров в религиозной коммуникации [34 : 109–111]) или относиться к одной сфере (ср. адаптации жанров СМИ (подробнее см. в [19])).

Поэтому альтернации способствуют повышению гибкости жанровых моделей, адаптации же приводят к образованию гибридов¹.

Одной из задач генологии обиходных текстов является в этом контексте характеристика поляризации жанровых шаблонов, значимая не только для составления портрета отдельного жанра, но и для восстановления генологической дефиниции целой сферы коммуникации. В этой связи я предвижу значительные различия, важные, добавлю, для коммуникативной практики. Поэтому я постараюсь немного расширить эту задачу.

В случае юридических жанров можно говорить о преобладании канонических моделей, небольшой доле жанровых альтернатив и отсутствии адаптаций. Некоторые адаптивные варианты существуют только в административных жанрах (ср. для примера жалобу в форме отчета или мотивационного письма [36 : 369–377]). Степень гибкости шаблонов зависит также от того, кто является автором сообщения (учреждение, адресант профессиональный или непрофессиональный) и каков коммуникативный статус текста, а в итоге – является ли оно высказыванием личностной или общественной значимости. Стандартизация правовых и административных жанров также имеет своеобразный характер с точки зрения их источника. Иногда жанровые нормы приобретают статус законодательных правил. Жанровый шаблон закона, например, пишется юридически в форме постановления. Шаблоны такого типа должны служить, прежде всего, для упрощения и оптимизации редакционных процессов и построены таким образом, чтобы редакция законодательного текста была адаптирована к правилам его законодательного толкования (интерпретация закона) [37 : 107]. Стандартизация жанровых шаблонов административных высказываний связана с существованием канцелярских

¹ В некоторых типах дискурса они могут быть интерпретированы как так наз. *транслокации*. См. [35].

инструкций, а в последнее время – обусловлена техническими достижениями, в частности использованием компьютеров [38: 86-95; 39 : 131–141]. С филологической точки зрения жанровые шаблоны юридических высказываний имеют характер нормативных шаблонов, безусловно требуемых или просто рекомендуемых. Умение редактировать высказывания, реализующие жанровые нормы этого типа, является составной частью базовой профессиональной компетенции [27 : 115]. В административных высказываниях личностной значимости возможны альтернативы разных типов, высказывания же не обязательно должны быть реализациями жанровых шаблонов, если это не ослабляет их коммуникативной эффективности. Говоря простыми словами, чиновники закрывают глаза на всевозможные ошибки и сбои в конкретном отчете или прошении.

В сфере религиозных жанров, в свою очередь, диапазон вариативности шаблонов также зависит от того, является ли определенный тип высказывания произведением институциональным или персональным. Регулированию подвергаются при этом не только жанры, но и отношения между их вариантами. Это справедливо, прежде всего, для культовых текстов.

В случае канонической молитвы, которая является произведением институциональным (даром Церкви верующим, чтобы они могли принятым способом общаться с Богом), можно говорить о доминировании канонического шаблона, небольшой доле альтернатив и адаптаций. Заздравная же молитва, творимая верующими, располагает широким спектром альтернатив (редукция компонентов, субституция, добавление нового компонента) и адаптаций, а канонический шаблон реализуется реже, чем остальные.

Проповедь, в свою очередь, подлежит как относительно постоянному регулированию (образцы, пропагандируемые гомилетикой), так и значительной дезинтеграции из-за преобразований в той же гомилетике и давления со стороны проповеднических практик [40 : 413–431 ; 19 : 104–113]. Наиболее существенные изменения связаны с отказом от принципа речевого шаблона (риторического шаблона) и приданием проповеди (гомиллии) статуса Слова Божьего в слове человеческом. Слово человеческое, определяя внешнюю форму сообщения, должно играть служебную роль по отношению к Божьему посланию.

Зато, так сказать, своими правами располагает пастырское послание, поскольку это письмо епископа, адресованное священни-

кам и верующим епархии, таким образом, оно относится к жанрам официальных высказываний, имеет много признаков эпистолярного жанра (хотя в настоящее время это родство ослабло), в нем можно увидеть отголоски богословских трактатов, но самым родственным жанром является проповедь и другие формы церковных предсказаний. Педагогическая миссия епископа, который должен вести Народ Божий к спасению в соответствии с образцом, установленным Христом [41 : 596], а также особая роль и статус коллективного адресата – прихожан, которые должны чтить своего пастыря и проявлять, в соответствии с формулировкой Католической Энциклопедии, «покорность воли и разума» [Там же : 596], – все эти факторы придают жанру специфический облик. Изначально жесткая структура шаблона не обязательно должна сопровождаться столь же определенными прагматическими и стилистическими показателями. Сам же шаблон формируется в коммуникативной практике, а отдельные адресанты могут его значительно изменять, особенно со стилистической точки зрения. (Более подробно о качественных характеристиках пастырского послания см. в: [42 : 333–342 ; 43–46].)

Интересные наблюдения на тему вариантов жанрового шаблона могут быть сделаны на примере жанров СМИ. Большинство информационных жанров имеет канонический вариант шаблона, реализуемый реже, чем альтернативные варианты (также в значительной степени конвенционализированные, хотя, доминируя в современной прессе, они позволяют создавать впечатление коммуникативной свободы и свежести). Это привело к формированию жанровых разновидностей заметок, отсылок и сообщений с публицистической доминантой. Особый статус имеет прогноз – ныне жанр необычайно экспансивный, поскольку либо разрабатывает свои собственные конвенции, либо адаптирует шаблоны почти всех остальных жанров СМИ. Самую большую генологическую специфику имеет, однако, *профайл* (*syłwetka*), который функционирует как жанр исключительно адаптивный, можно сказать, паразитический, реализующий конвенции, типичные для других жанров СМИ, обычно сочетающиеся с биографическими конвенциями (биографической схемой) в случае представления образа живого человека или конвенциями некролога или воспоминаний, когда представляется человек умерший. Адаптации, которые я называю родственными, в последнее время предопределяют преобразования шаблонов публицистических жанров. Доминирует шаблон статьи (новости), к

которому апеллируют авторы как эссе, так и репортажей и интервью. Каждый из этих жанров имеет, кроме того, свой собственный набор канонических и альтернативных шаблонов (все эти явления я представляю в книге [19]).

* * *

Комплексное исследование жанровых шаблонов различных обиходных высказываний, а также высказываний, которые способами, требуемыми правилами дискурса, эти шаблоны реализуют, позволяет вывести генологию обиходных текстов за пределы одной лишь текстологии. Это создает основу для самоопределения дисциплины и расширения круга ее интересов. Это же позволяет оценивать ее и как дисциплину описательную, относящуюся к определенной теории и всесторонне характеризующую основные жанры высказываний (как формы коммуникативных действий и как продукты этих действий), и как дисциплину сравнительную и прескриптивную.

Не из-за опасности размывания методологических контуров (в настоящее время не удастся создать доминирующую парадигму), а из-за особенностей объекта исследования (текст в его разнородных коммуникативных проявлениях) генология уже не может замыкаться в какой-либо одной капсуле. Она должна быть помещена в круг филологических дисциплин, которые связываются отношениями комплементарности, а значит, в область лингвистики с возможностью привлечения литературоведения. Среди лингвистических дисциплин ближе всего к генологии текстология (вопросы жанровой атрибуции текста, генологическая систематизация текстов, которая, впрочем, не должна пониматься как единственный способ организации текстового пространства), прагматика и стилистика, в рамках одной которой уже трудно рассматривать вопрос о жанровой дифференциации традиционно выделяемых функциональных стилей.

Я хочу напомнить и поддержать сформулированную в нескольких моих работах гипотезу о необходимости выделения стиля обиходных текстов. Он тесно связан с жанровой дифференциацией высказываний и создает горизонтальный разрез, пересекая границы функциональных стилей. На нем складывается ряд черт, общих для всех обиходных жанров (набор примарных черт) и группа признаков отдельных жанров или их разновидностей (черты секундарные). Эти черты имеют градуальный характер, поскольку в первую очередь отражают динами-

ку (или поляризацию) жанровых шаблонов. Клишированность функционирует как шкальная характеристика как в рамках отдельных жанров, так и их групп, родственных коммуникативно, и в целой группе обиходных жанров. В рамках жанра шкальность упомянутой характеристики связана со спектром вариантов жанрового шаблона. Клишированность реализуется в канонических шаблонах, ослабляется в альтернативных и функционально переосмысливается в адаптивных. Применительно к группе родственных жанров можно говорить об общих проявлениях клишированности. В качестве примера могут послужить принцип аналогии в роли композиционной доминанты религиозных высказываний и набор формул, наполняющих отдельные сегменты этих высказываний, а также жесткость структурных моделей в официально-деловых высказываниях и клишированность их сегментов. Применительно к группе обиходных жанров можно говорить о наборе черт, основанном на парадоксе, и выделять: шаблонность, нешаблонность, шаблонность, нешаблонность. Аналогичным образом можно упорядочить набор черт, которые проистекают из прагматики текста (в группе примарных черт: директивность, персуазивность, ослабленная персуазивность, апеллятивность; применительно к чертам секундарным: монологичность и диалогичность и синкретические характеристики, т. е. диалогичная монологичность и монологичная диалогичность). Особенности, связанные с генезисом используемых средств, также образуют множество, основанное на парадоксах. Иллюстрации к этим проблемам содержатся в моих работах [19 : 311–314 ; 47 : 145–159 ; 48 : 85–96], здесь упомяну лишь ряд, образуемый объединением двух макрогрупп: официальность, официализованная разговорность, оразговоренная официальность, разговорность.

Среди дисциплин, которым должна быть открыта генология обиходных текстов, также должно найтись место для нефилологических дисциплин. Они позволяют уточнить характеристики жанров, связанных с конкретной сферой коммуникации, по таким вопросам, которые филология не может самостоятельно решить. Чтобы не увеличивать объем статьи, упомяну лишь молитву, которая в узко понимаемом филологическом анализе теряет существенные признаки. Ограничение одной этой плоскостью грозит тривиализацией не столько анализа, сколько интерпретации. Молитва сводится к жанру с четкими морфологическими признаками, а

значит, фиксированной композицией и функциональной нагрузкой отдельных сегментов. Анализ этого типа не позволяет, однако, правильно интерпретировать религиозную точку зрения в процессе формирования картины мира, в частности, отношения адресант-адресат. Только обращение к положениям литургики дает возможность говорить, что молитва является формой участия в сакральном действе, формой контакта с сакральной сферой, имеет характер сценария и, таким образом, в конкретном акте молитвы служит верующему как коммуникат, предполагающий присутствие Бога в качестве активного адресата. Сценарийность означает также возможность соответствия конкретной ситуации. В определенном смысле строимый по образцу официально-деловых коммуникатов, текст молитвы сигнализирует о возможности сменить адресанта молитвы (женщина, мужчина, муж, жена) и бенефициара акта (мать или отец жены или мужа).

Принцип целесообразности как критерий отбора языковых средств обретает новую форму. Менее существенным является генезис используемых средств, хотя правила требуют селекции сленговых или разговорных средств, архаические же средства, непосредственно создающие атмосферу религиозности, сохраняются дольше. Иллокутивный потенциал молитвы не исчерпывается рамками набора иллокутивных шагов, присутствующих отдельным сегментам. Будучи диалогизованным монологом, молитва становится одновременно и реализованным диалогом, и формой *soliloquium* (монолога). В форме разговора с самим собой человек получает как религиозное знание, так и моральное руководство.

Служа выражению невыражаемого (*wysłowienie niewysławialnego*), как говорит Лешек Колаковский [49 : 53–63], молитва в акте коммуникации приобретает такие свойства, которые филолог уже не может описать.

Не принимая во внимание положения различных отраслей теории СМИ, генолог не сможет охарактеризовать журналистские жанры, а знакомство с элементами юридической теории необходимо ему для того, чтобы он мог ответственно заниматься официально-деловыми жанрами. Это не означает, что генология должна конкурировать с названными дисциплинами, заменять или отменять их. Но если она хочет выйти за рамки описания построения и типологии высказываний, она должна быть открыта для инсайта, исходящего из других дисциплин, и научиться эксплуатировать в своей интерпретации результаты этих конкретных областей знания, для которых обиходные тек-

сты являются объектом исследования. Поэтому речь не столько о том, чтобы сделать из генологии междисциплинарную отрасль знания, сколько о том, чтобы на ее почве использовать выводы других дисциплин.

Влияние и инсайт должны иметь взаимный характер, и тогда текст, а в особенности дискурс, может раскрыть свои тайны исследователям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Przewodnik po stylistyce polskiej / Red. S. Gajda, Opole: Uniwersytet Opolski Instytut Filologii Polskiej, 1995. 447 s.
2. Gajda S. Gatunkowe wzorce wypowiedzi // Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. S. 255-268
3. Wilkoń A. Spójność i struktura tekstu. Kraków: Universitas, 2002. 304 s.
4. Balcerzan E. W stronę genologii multimedialnej // Genologia dzisiaj. Red. W. Bolecki, I. Opacki. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich, 2000. S. 86–101.
5. Grochowski G. Czy istnieje tekst poza gatunkiem? // Gatunki mowy i ich ewolucja. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. S. 20–28.
6. Szczęsna E. Poetyka reklamy. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 236 s.
7. Furman W., Kaliszewski A., Wolny-Zmorzyński K. Gatunki dziennikarskie. Specyfika ich tworzenia i redagowania. Rzeszów: Wyższa Szkoła Zarządzania w Rzeszowie, 2000. S. 126
8. Godzic W. Telewizja i jej gatunki po „Wielkim Bracie». Kraków: Universitas, 2004. 292 s.
9. Mazur J. Styl a tekst w aspekcie pragmatycznym (z zagadnień teoretyczno-metodologicznych) // Socjolingwistyka IX. Wrocław: Ossolineum, 1990. S. 71–86.
10. Wojtak M. Stylistyka tekstów użytkowych – wybrane zagadnienia // Język. Teoria – dydaktyka. Red. B. Greszczuk. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej. 1999. S. 253–263.
11. Sobstyl K. Ogłoszenia towarzysko-matrymonialne w języku polskim i niemieckim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. 199 s.
12. Żmigrodzka B. Testament jako gatunek tekstu. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997. 108 s.
13. Makuchowska M. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole: Wydawnictwo TiT, 1998. 127 s.
14. Wyrwas K. Skarga jako gatunek mowy. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2002. 136 s.
15. Gajda S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa – Wrocław: Wydawnictwo PWN. 1982. S. 188.
16. Malinowska E. Wypowiedzi administracyjne – struktura i pragmatyka. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2001. 175 s.
17. Wilkoń A. Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej // Gatunki mowy i ich ewolucja. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D.

Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 13–19.

18. *Krajewska A.* Dramat genologii, czyli o gatunkach współczesnego dramatu // *Genologia dzisiaj*. Red. W. Bolecki, I. Opacki. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich, 2000. S. 54–58.

19. *Wojtak M.* Gatunki prasowe. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 329 s.

20. *Wierzbicka A.* Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach // *Język – umysł – kultura*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. S. 228–269.

21. *Bartmiński J.* Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej // *Tekst. Problemy teoretyczne*. Red. J. Bartmiński, B. Boniecka. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998. S. 9–25

22. *Witosz B.* Tekst i/a gatunek. Jeden czy dwa modele? // *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 40–49.

23. *Witosz B.* Czy gatunek i styl są we współczesnej stylistyce pojęciami konkurencyjnymi? // *Stylistyka VIII*. Opole, 1999. S. 37–52.

24. *Wojtak M.* Stylistyka a pragmatyka – stan i perspektywy w stylistyce polskiej // *Stylistyka VII*. Opole, 1998. S. 369–377.

25. *Bańkowska E., Jagodzińska J., Kozłowska E., Mikołajczuk A., Wolańska E., Wolański A., Wszeborowska H.* Praktyczna stylistyka nie tylko dla polonistów. Warszawa: Książka i Wiedza, 2003. 439 s.

26. *Żydek-Bednarczuk U.* Typy, odmiany, klasy... tekstów. W poszukiwaniu kryteriów // *Stylistyka a pragmatyka*. Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 114–125.

27. *Wojtak M.* Polityka językowa w administracyjno-prawnej sferze komunikacyjnej // *Polska polityka językowa na przełomie tysiącleci*. Red. J. Mazur. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. S. 113–123.

28. *Siwec A., Wojtak M.* Świadomość stylistyczna na tle wybranych składników jej kontekstu pojęciowego // *Mowa rozświetlona myślą. Świadomość normatywno-stylistyczna współczesnych Polaków*. Red. J. Miodek przy współpracy M. Zaśko-Zielińskiej i I. Borkowskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999. S. 45–57.

29. *Zaśko-Zielińska M.* Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 179 s.

30. *Wojtak M.* Wzorce gatunkowe wypowiedzi a realizacje tekstowe // *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 29–39.

31. *Wojtak M.* Pragmatyczne aspekty analiz stylistycznych tekstów użytkowych // *Stylistyka a pragmatyka*. Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 38–46.

32. *Lohfink G.* Rozumieć Biblię. Wprowadzenie do

krytyki form literackich. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 141 s.

33. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С.159–206.*

34. *Wojtak M.* Wyznaczniki gatunku wypowiedzi na przykładzie tekstów modlitewnych // *Stylistyka VIII*. Opole, 1999. S. 105–117.

35. *Translokacje i transpozycje w mediach*. Red. A. Woźny. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Arboretum, 2003. 249 s.

36. *Wyrwas K.* Skarga czy podanie? Kontaminacja wzorców tekstowych w strukturze adaptacyjnej gatunku mowy // *Stylistyka a pragmatyka*. Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 369–377.

37. *Zieliński M.* O potrzebie nauczania języka prawa // *Edukacja językowa Polaków*. Red. W. Miodunka. Kraków: Upowszechnianie Nauki – Oświata «UN-O» Sp. z o. o. 1998, S. 103–111.

38. *Malinowska E.* O stałości i zmienności gatunków urzędowych // *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 86–95.

39. *Wojtak M.* Gatunki urzędowe na tle innych typów piśmiennictwa użytkowego – zarys problematyki // *Język – prawo – społeczeństwo*. Red. E. Malinowska. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 2004. S. 131–141.

40. *Wojtak M.* Indywidualna realizacja wzorca gatunkowego kazania // *Stylistyka XI*. Opole, 2002. S. 413–431.

41. *Encyklopedia katolicka*. T. 2. Red. F. Gryglewicz, R. Łukaszczyk, Z. Sułowski. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1976. S. 1423.

42. *Zachwieja M.* Język listów pasterskich Episkopatu Polski z lat 1945-1966 // *Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*. T. 5. Red. M. Białoskórska. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 1999. S. 333–342.

43. *Войтак М.* Стилистика архиpastырских посланий – к вопросу о стиле бытовых текстов // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: Пермский государственный университет, 2001. С. 270–283.

44. *Wojtak M.* Konwencje gatunkowe a wybory leksykalne na przykładzie listów pasterskich // *Studia Językoznawcze*. T. 1. Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 2002. S. 429–442.

45. *Wojtak M.* List pasterski – pragmatyczny aspekt wzorca gatunkowego // *Znak językowy w pejzażu semiotycznym. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Józefa Wierchowskiego*. Red. J. Gardzińska, A. Maciejewska. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej. 2003. S. 184–198.

46. *Wojtak M.* Styl religijny w perspektywie genologicznej // *Język religijny dawniej i dziś*. Red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań:

Wydawnictwo: «Poznańskie Studia Polonistyczne», 2004. S. 104–113.

47. Wojtak M. Stylistyczne ukształtowanie gatunków prasowych // Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu a inne metody badawcze. Red. M. Krauz, S. Gajda, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005. S. 145–159.

48. Wojtak M. W kręgu stylistycznych paradoksów – uwagi o stylu tekstów użytkowych, «Stile» 2004, t. 3. S. 85–96.

49. Kołakowski L. O wypowiedaniu niewypowiadalnego: język i sacrum. // Język a kultura. T. 4. Funkcje języka i wypowiedzi. Red. J. Bartmiński, R. Grzegorzycowa. Wrocław: Wydawnictwo «Wiedza o Kulturze». 1991. S. 53–63.

REFERENCES

1. *Przewodnik po stylistyce polskiej* [Guide to Polish stylistics]. Red. S. Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski Instytut Filologii Polskiej, 1995. 447 s.

2. Gajda S. Gatunkowe wzorce wypowiedzi [Genre patterns of phrase]. *Współczesny język polski* [Modern Polish Language]. Red. J. Bartmiński. Lublin, 2001, ss. 255–268.

3. Wilkoń A. *Spójność i struktura tekstu* [Consistency and structure of the text]. Kraków: Universitas, 2002. 304 s.

4. Balcerzan E. W stronę genologii multimedialnej [Towards multimedia genology]. *Genologia dzisiaj* [Genology today]. Red. W. Bolecki, I. Opacki. Warszawa, 2000, ss. 86–101.

5. Grochowski G. Czy istnieje tekst poza gatunkiem? [Is there a text outside the genre?]. *Gatunki mowy i ich ewolucja* [Speech genres and their evolution]. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice, 2004, ss. 20–28.

6. Szczęśna E. *Poetyka reklamy* [Poetics of advertising]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 236 s.

7. Furman W., Kaliszewski A., Wolny-Zmorzyński K. *Gatunki dziennikarskie. Specyfika ich tworzenia i redagowania* [Species journalism. The specificity of their creation and editing]. Rzeszów, 2000. 126 s.

8. Godzic W. *Telewizja i jej gatunki po «Wielkim Bracie»* [Television and the species of the «Big Brother»]. Kraków, 2004. 292 s.

9. Mazur J. *Styl a tekst w aspekcie pragmatycznym (z zagadnień teoretyczno-metodologicznych)* [Style and text in terms of pragmatic (with theoretical and methodological issues)]. Socjolingwistyka IX. Wrocław: Osolineum, 1990, ss. 71–86.

10. Wojtak M. Stylistyka tekstów użytkowych – wybrane zagadnienia [Stylistics of usual texts – selected issues]. *Język. Teoria – dydaktyka* [Language. Theory – teaching]. Red. B. Greszczuk. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1999, ss. 253–263.

11. Sobstyl K. *Ogłoszenia towarzysko-matrymonialne w języku polskim i niemieckim* [Socially-matrimonial Ads in Polish and German]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. 199 s.

12. Żmigrodzka B. *Testament jako gatunek tekstu*

[Testament as a text genre]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997. 108 s.

13. Makuchowska M. *Modlitwa jako gatunek języka religijnego* [Prayer as a species of religious language]. Opole: Wydawnictwo TiT, 1998. 127 s.

14. Wyrwas K. *Skarga jako gatunek mowy* [Complaint as a speech genre]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2002. 136 s.

15. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym* [Fundamentals of stylistic research on the scientific language]. Warszawa: Wrocław, 1982. 188 s.

16. Malinowska E. *Wypowiedzi administracyjne – struktura i pragmatyka* [Administrative Posts – structure and pragmatics]. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2001. 175 s.

17. Wilkoń A. Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej [Primary and secondary genres in historical and contemporary perspective]. *Gatunki mowy i ich ewolucja* [Speech genres and their evolution]. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, ss. 13–19.

18. Krajewska A. *Dramat genologii, czyli o gatunkach współczesnego dramatu* [Genology drama, or genres of contemporary drama]. *Genologia dzisiaj* [Genology today]. Red. W. Bolecki, I. Opacki. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich, 2000, ss. 54–58.

19. Wojtak M. *Gatunki prasowe* [Genres of media]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 329 s.

20. Wierzbicka A. Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach [Acts and genres of speech in different languages and cultures]. *Język – umysł – kultura* [Language – Mind – culture]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, ss. 228–269.

21. Bartmiński J. Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej [Text as a matter of linguistic textology]. *Tekst. Problemy teoretyczne* [Text. Theoretical problems]. Red. J. Bartmiński, B. Boniecka. Lublin, 1998, ss. 9–25.

22. Witosz B. Tekst i/a gatunek. Jeden czy dwa modele? [Text and / a genre. One or two models?]. *Gatunki mowy i ich ewolucja* [Speech genres and their evolution]. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, ss. 40–49.

23. Witosz B. Czy gatunek i styl są we współczesnej stylistyce pojęciami konkurencyjnymi? [Whether the genre and style are in contemporary design concepts competing?]. *Stylistyka*, Opole, 1999, no. VIII, ss. 37–52.

24. Wojtak M. Stylistyka a pragmatyka – stan i perspektywy w stylistyce polskiej [Stylistics and pragmatics – status and perspectives in the Polish stylistics]. *Stylistyka*, Opole, 1998, no. VII, ss. 369–377.

25. Bańkowska E., Jagodzińska J., Kozłowska E., Mikołajczuk A., Wolańska E., Wolański A., Wszeborowska H. *Praktyczna stylistyka nie tylko dla polonistów* [Practical design not only for Polish Studies]. Warszawa, 2003. 439 s.

26. Żydek-Bednarczuk U. Typy, odmiany, klasy...

tekstów. W poszukiwaniu kryteriów [Types, varieties, classes of ... texts. In the search of criteria]. *Stylistyka a pragmatyka* [Stylistics and pragmatics]. Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, ss. 114–125.

27. Wojtak M. Polityka językowa w administracyjno-prawnej sferze komunikacyjnej [Language policy in the sphere of administrative and legal communication]. *Polska polityka językowa na przełomie tysiącleci* [Polish language policy at the turn of the millennium]. Red. J. Mazur. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999, ss. 113–123.

28. Siwiec A., Wojtak M. Świadomość stylistyczna na tle wybranych składników jej kontekstu pojęciowego [Awareness of style to selected components of the conceptual context]. *Mowa rozświetlona myślą. Świadomość normatywno-stylistyczna współczesnych Polaków* [Speech illuminated mind. Awareness of normative and stylistic contemporary Poles]. Red. J. Miodek przy współpracy M. Zaśko-Zielińskiej i I. Borkowskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999, ss. 45–57.

29. Zaśko-Zielińska M. *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka* [Through the window of consciousness. Speech genres in the minds of language users]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 179 s.

30. Wojtak M. Wzorce gatunkowe wypowiedzi a realizacje tekstowe [Genre patterns of phrase and text realizations]. *Gatunki mowy i ich ewolucja* [Speech genres and their evolution]. T. II. Tekst a gatunek. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, ss. 29–39.

31. Wojtak M. Pragmatyczne aspekty analiz stylistycznych tekstów użytkowych [Pragmatic aspects of stylistic analysis of usual texts]. *Stylistyka a pragmatyka* [Stylistics and pragmatics]. Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, ss. 38–46.

32. Lohfink G. *Rozumieć Biblię. Wprowadzenie do krytyki form literackich* [Understanding the Bible. Introduction to the Critique of literary forms]. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 141 s.

33. Bakhtin M.M. *Problema rechevih zsanrov* [The problem of speech genres. Collected works: in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.

34. Wojtak M. Wyznaczniki gatunku wypowiedzi na przykładzie tekstów modlitewnych [Determinants of genre of phrase on the material of prayer texts]. *Stylistyka*, Opole, 1999, no. VIII, ss. 105–117.

35. Translokacje i transpozycje w mediach [Translocations and transpositions in the media]. Red. A. Woźny. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Arboretum, 2003. 249 s.

36. Wyrwas K. Skarga czy podanie? Kontaminacja wzorców tekstowych w strukturze adaptacyjnej gatunku mowy [Complaint or application? Contamination of text patterns in the adaptive structure of speech genre]. *Stylistyka a pragmatyka* [Stylistics and pragmatics].

Red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, ss. 369–377.

37. Zieliński M. O potrzebie nauczania języka prawa [The need for teaching language of law]. *Edukacja językowa Polaków* [Language Education of Poles]. Red. W. Miodunka. Kraków: Upowszechnianie Nauki, 1998, ss. 103–111.

38. Malinowska E. O stałości i zmienności gatunków urzędowych [The stability and variability of the official genres]. *Gatunki mowy i ich ewolucja* [Speech genres and their evolution]. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, ss. 86–95.

39. Wojtak M. Gatunki urzędowe na tle innych typów piśmiennictwa użytkowego – zarys problematyki [Official genres to other types of literary usual texts – an outline of the issues]. *Język – prawo – społeczeństwo* [Language – right – society]. Red. E. Malinowska. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2004, ss. 131–141.

40. Wojtak M. Indywidualna realizacja wzorca gatunkowego kazania [Individual realization of the genre pattern of sermons]. *Stylistyka*, Opole, 2002, no. XI, ss. 413–431.

41. *Encyklopedia katolicka* [Catholic Encyclopedia]. T. 2. Red. F. Gryglewicz, R. Łukaszczuk, Z. Sułowski. Lublin, 1976. 1423 s.

42. Zachwieja M. Język listów pasterskich Episkopatu Polski z lat 1945–1966 [Language of Polish Bishops' pastoral letters from the years 1945–1966]. *Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny* [Synchronous and diachronic aspects of the study of the Polish language]. T. 5. Red. M. Białoskórska. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 1999, ss. 333–342.

43. Wojtak M. Stilistika arhipastyrskih poslanij – k voprosu o stile bytovyh tekstov [Stylistics of archpastoral messages – to the issue of usual texts style]. *Stereotipnost' i tvorčestvo v tekste* [Stereotyping and creation in the text]. Perm', 2001, pp. 270–283.

44. Wojtak M. Konwencje gatunkowe a wybory leksykalne na przykładzie listów pasterskich [Genre conventions and lexical choices on the materials of pastoral letters]. *Studia Językoznawcze* [Linguistic studies]. T. 1. Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 2002, ss. 429–442.

45. Wojtak M. List pasterski – pragmatyczny aspekt wzorca gatunkowego [Pastoral letter – a pragmatic aspect of the genre pattern]. *Znak językowy w pejzażu semiotycznym. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Józefa Wierzchowskiego* [Language sign in the semiotic landscape. Book a memorial in honor of Professor Joseph Wierzchowski]. Red. J. Gardzińska, A. Maciejewska. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej. 2003, ss. 184–198.

46. Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genologicznej [Religious style in genology perspective]. *Język religijny dawniej i dziś* [Religious language past and present]. Red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań: Wydawnictwo: «Poznańskie Studia Polonistyczne», 2004, ss. 104–113.

47. Wojtak M. Stylistyczne ukształtowanie gatunków prasowych [Stylistic shaping of media genres]. *Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu a inne metody badawcze* [Contemporary discourse analysis. Cognitive discourse analysis and other research methods]. Red. M. Krauz, S. Gajda, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005, ss. 145–159.

48. Wojtak M. W kręgu stylistycznych paradoksów – uwagi o stylu tekstów użytkowych [In the circle of

stylistic paradoxes – remarks about the style of usual texts]. *Stile* [Style]. 2004, t. 3, ss. 85–96.

49. Kołakowski L. O wypowiedaniu niewypowiadalnego: język i sacrum. [About uttering unspeakable: the language and the sacred]. *Język a kultura*. T. 4. Funkcje języka i wypowiedzi. Red. J. Bartmiński, R. Grzegorzewska. Wrocław: Wydawnictwo «Wiedza o Kulturze», 1991, ss. 53-63.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 811.162.1'38+811.11'38
ББК 81.2Нем-3+81,2Пол-3

Анна Ганус
Жешов, Польша

Anna Hanus
Rzeszów, Poland

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ЖАНР» «ТИПОМ»?
(ГЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЖУНГЛИ В
ПОЛОНИСТИКЕ И ГЕРМАНИСТИКЕ)**

**IS “SPECIES” A “TYPE”? IN THE THICKET
OF POLISH AND GERMAN GENOLOGIES**

Аннотация. Цель статьи заключается в определении терминологических различий и различий в исследованиях по тексту, а также существующих проблем в классификации текстов, или, точнее, трудности в их описании в рамках немецкой и польской филологической рефлексии и в поиске общих решений в определении конкретных языковых явлений и терминов. Это попытка систематизации, имеющая целью избежать терминологических расхождений. В статье также обсуждаются различные методы исследований в рамках языковой генологии в контрастивном плане. По мнению автора, решающее значение в этом контексте принадлежит новейшим тенденциям в рамках немецкой языковой генологии, в то же время подчеркивается необходимость расширения спектра исследований в этой области, в частности, включения в рассмотрение литературных текстов, следствием чего может быть необходимость терминологической ревизии.

Ключевые слова: языковая генология, текст.

Abstract. The aim of this article is to outline the terminological differences and dissimilarities in studies on texts, as well as present problems in the classification of texts or, more specifically, difficulties in their descriptions in German and Polish philological reflection and in finding common points in defining particular phenomena and terms. This is an attempt at systematization in order to avoid terminological discrepancies and the misunderstanding of terms. The article also shows various research methods within the linguistic genology in the contrastive approach, and their significant influence on shaping and grounding particular terms. It seems crucial in this context to outline the newest trends within the scope of scientific interest of German linguistic genology, taking into account more and more clearly articulated postulates emphasizing the necessity of extending the range of studies in this field to include literary texts, which in consequence may lead to necessary terminological verification.

Key words: linguistic genology, text.

Сведения об авторе: Ганус Анна, адъюнкт кафедры германской филологии
Место работы: Жешовский университет.
E-mail: anhanus@o2.pl

About the author: Hanus Anna, adjunct of the Department of German Philology
Place of employment: University of Rzeszów.

Является ли польский «жанр речи» (*gatunek mowy*) также и немецким «жанром» – или, может быть, польский «жанр речи» – это скорее немецкий «тип текста»? Будет ли «лингвистика типов текстов» (*lingwistyka rodzajów tekstów*) польским эквивалентом для немецкой «Textsortenlinguistik» или, может быть, ее следует отождествить с польской «лингвистической генологией» (*genologia lingwistyczna*)? На такие вопросы не будет готового ответа не только у переводчика специализированных текстов. Они озадачат также исследователя, который занимается контрастивным анализом в области польской и немецкой лингвистики текста, поскольку эти терминологические вопросы не сводятся к проблеме перевода. Невозможно без проникновения в традиции как польской

лингвистической генологии, так и немецкой Textsortenlinguistik найти языковые эквиваленты, а тем более сказать, что на самом деле скрывается под терминами: жанр речи (*gatunek mowy*), польская лингвистическая генология, текстология, лингвистика текста, род (*Gattung*), тип текста (*Textsorte*), Textlinguistik, Textwissenschaft.

Поэтому будет весьма полезен обзор традиций лингвистических исследований по тексту в обеих областях исследований. Как известно, традиция лингвистических генологических исследований в полонистике восходит к литературоведческим исследованиям (см. [1]) и в значительной степени базируется на концепции Михаила Бахтина, также черпая идеи в исследованиях Пражской школы структурализма и концепции функциональной стилистики, на что обращает

© Ганус А., 2012

© Дементьев В. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2015

внимание, например, Божена Витош в своей монографии «Лингвистическая генология» [2]. В германистике же лингвистическая генология произрастает из лингвистики текста. Так выявляется ее, прежде всего, языковой профиль, подчеркивается дихотомия между бытовыми и литературными текстами, причем последние находятся за пределами ее интересов.

Исследования текста и типология текстов в германистике

Лингвистика текста в Германии как самостоятельная дисциплина набрала силу в 60-х гг. прошлого века. Лингвистические исследования по тексту развивались многомерно и многогранно, в основном, однако, демонстрируя лингвистический профиль и проходя последовательные этапы эволюции от раннего сферхфразового уровня к фазам семантической, коммуникативно-прагматической и, наконец, когнитивной (см. [3]). Исследователи пользовались идеями античной риторики, частично опирались на модели, разработанные в стилистике (ср. Пражскую школу, например [4]), структурной и генеративной лингвистике (см. [5 : 123]).

Отправной точкой был смелый тезис Питера Хартмана и Роланда Харвега, перемещавший фокус языковедческих исследований с предложения на текст. Хартман в 1968 г. высказал идею, что именно текст должен быть предметом изучения лингвистики, потому что является «*originäre sprachliche Zeichen*» [6 : 10], и, «если мы вообще говорим, то говорим только текстами» [7 : 2].

Со временем, однако, сферхфразовые исследования поверхностных структур, в основном, синтаксической связности¹, оказались также недостаточны. В семидесятых гг. начали отслеживать тематические прогрессии текстов на основе концепции изотопии Греймаса, анализировать так называемые тематические модели, предложенные для изучения текста Бринкером и Агриколой (см. [8 : 68 FF]) и объяснять такие понятия, как *текст*, *текстуальность*, *когерентность* и *внетекстовые критерии*, переходя тем самым к коммуникативно-прагматической фазе. Текст стал восприниматься как языковое произведение, а Бринкер, интегрируя несколько более ранних концепций исследований, придал когерентности общее грамматически-тематически-прагматическое измерение, тем

самым уточнив и стандартизовав понятие когерентности и признав прагматический фактор решающим.

Следующим шагом было признание текста единством коммуникативных функций, а темы текста – его «содержательным ядром» (см. [10 : 9]), выделение в тексте основной темы и второстепенных. Имела значение при дальнейших исследованиях по тексту и *теория речевых актов*, в терминах которой текст стал рассматриваться как совокупность иллокуций, образующих так называемые иллокутивные структуры. Эти структуры были объединены в некую иерархическую структуру, основанную на сложных взаимодействиях вспомогательных и доминирующих иллокуций (см. [8 : 82–85]).

Лингвистическая генология в германистике²

В 70-е гг. прошлого века одновременно с прагматическими исследованиями по тексту как сложному языковому произведению появились заявления о необходимости типологии текстов (в Польше исследования в этой области известны под именем *лингвистической генологии*). Это не означает, впрочем, что раньше не было попыток проанализировать и описать «универсум текстов»: достаточно вспомнить здесь античную риторику, типологию эстетически значимых текстов в литературной теории или классификации журналистских текстов. Типы текстов выделялись в конце 60-х гг., при этом формальные и структурные особенности текста были решающими критериями классификаций.

Было, однако, замечено, в соответствии со сформулированными коммуникативными задачами, своего рода систематическое повторение определенных формул и структур текста, что дало основание для предположения, что такое повторение не случайно и подчиняется определенным правилам. Де Богранд и Дресслер назвали эту модель *жанровой* (ср. [11 : 188]). Но было не легко найти и сгруппировать такие комплексы черт, тем более что лингвисты занимались, главным образом, формой и структурой текста. Прорывом в этом отношении оказался тезис, высказанный на конференции в Редене (Нидерланды), где существующие критерии, основанные на структуре текста, были противопоставлены критериям внетекстовым (см. [12]). Предшествующее изучение,

¹ Этот термин объясняется в работе под ред. Bilut-Nomplewicz/Czachur Smykala *Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy perspektywy* (см. [9 : 333]).

² Эти предварительные соображения предназначены исключительно для информирования польского читателя-неофита. Они будут использованы ниже, чтобы сравнить традиции и направления исследований в Польше и немецкоязычных странах.

основывающееся на статистически-формальных характеристиках, нередко приводило к по сути абсурдным классификациям. Модель, предложенная Барбарой Зандиг [13], порвала с чисто формальным пониманием типов текста. Исследовательница определила неязыковые факторы, которые характеризуют типы текста, и сопоставила их со структурными критериями, выделив и создав так наз. пучки характеристик. Параллельно с исследованиями Зандиг была разработана семантически ориентированная исследовательская модель, называемая семантико-содержательной, или тематической, моделью [14 : 162]. В рамках этой модели многие исследователи объединяли тексты в группы, полагаясь исключительно на тематическом критерии.

Расширить модель текста удалось благодаря исследователям, которые признали значимым для текста так наз. ситуативный фактор. Значимыми для развития типологии типов текста оказались, прежде всего, эмпирические исследования, в которых анализировались различные ситуативные аспекты, такие как средство, сфера деятельности или область применения (см. [15]), или так наз. *рамочные факторы*. Вскоре интерес лингвистов переместился на функциональные аспекты текстов, что привело к разработке так наз. *функциональных моделей*. Основой классификации текстов стала функция текста, т.е. цель, или интенция, производителя текста, реализованная в тексте при помощи признаваемых конвенциональными средств выражения¹ (ср. [16 : 125]). Бринкер определил функцию текста как *Basiskriterium* 'базовый критерий' и выделил пять основных функций, а тем самым – пять типов текстов: информирующие, убеждающие, обязывающие, контактные и декларативные. Он подчеркнул, что в типологии текстов в пределах каждого класса следует учитывать контекстуальный критерий и тематические характеристики (см. [16 : 125 и далее]). Тематические характеристики, называемые Бринкером структурными критериями, здесь понимаются как своего рода тема текста, тематический шаблон и форма тематического развития.

Как доказала коммуникативная и аналитическая практика, тексты не могут быть описаны одномерно. Хайнеман и Фивегер, выступая сторонниками холистической (целостной) концепции типов текста, предложи-

ли так наз. *Mehrebenenmodell* (многоуровневую модель), которая является своего рода суммой моделей с использованием одного критерия и объединяет теорию языковой деятельности, грамматические положения и теории, касающиеся композиции текста. Модель выделила некоторые постоянные элементы типов текста, учитывая одновременно определенные возможности гибкого подхода в систематизации и определении различных типов. Хайнеман [15 : 513] в своей классификации учитывал следующие критерии: внешнюю форму, внутреннюю структуру, семантически-тематические аспекты, конфигурацию языковых средств, условия коммуникации и функцию коммуникации, которая выступает основным критерием классификации. Хайнеман определяет типы текстов как классы, характеризующиеся определенным количеством общих черт, выделенных на основе большого количества критериев. Классы типов текста, в свою очередь, выделяются им на основе гораздо меньшего числа этих критериев и имеют более высокую степень абстракции, в то время как варианты типа текста обладают, по сравнению с типами текста, дополнительными содержательными чертами. Следуя примеру других лингвистов, занимающихся классификацией типов текстов, он последовательно исключает из сферы своих исследований разговорные и художественные тексты. Хайнеман также предпринял попытку описать так наз. текстовые шаблоны и определить отношения между шаблоном и типом текста. Текстовые шаблоны он определил как «модели специфических типов контекстов интерактивных действий» [17 : 85]. Он исходил из предположения, что каждый участник коммуникации имеет определенную совокупность знаний, определенный опыт эффективной коммуникации. Он установил, что текстовые шаблоны имеют характер процедуры и активизируются как ориентирующие рамки эффективных действий в повторяющихся условиях коммуникации, черпая средства из пространства психических ресурсов производителя текста.

Текстовые шаблоны помогают участникам коммуникации создавать тексты адекватные и эффективные в данной ситуации коммуникации. В качестве основных характеристик шаблонов текста исследователь называет повторяемость, гибкость и вариативность. Типы текстов же, в отличие от шаблонов текста, являются собирательными понятиями для некоторого количества потенциальных текстов с определенными конститутивными чертами. «Отнесение кон-

¹ Конвенциональными средствами здесь считаются средства выражения, обязательные для использования в данном коммуникативном сообществе.

кретного экземпляра текста к определенному типу текста происходит на основе обнаружения / идентификации основных компонентов идеального шаблона текста (и прочих специфических черт) как конститутивной базовой структуры этого экземпляра текста. Типы текстов, следовательно, являются репрезентативными формами данного шаблона текста на более низком уровне абстракции» [15 : 518 ; 17 : 87].

Последние работы по классификации тестов подтверждают необходимость комплексного подхода к этой сложной проблеме. Особо следует отметить среди других подход Кристины Адамзик [18], которая предлагает отказаться от поиска универсального набора категорий классификации типов текстов. Исследовательница считает, что необходимы целостный и комплексный взгляд на тексты и типы текстов и описание этого универсума как «функциональной взаимозависимости», а не поиск черт, которые различают отдельные формы. Первоначально она соглашается с идеей плоскостей описания, предложенных Хайнеманом (формально-грамматическая, содержательно-тематическая, коммуникативная функция, условия коммуникации). Но она не соглашается с утверждением, что они являются лишь факультативными аспектами (см. [15 : 16]). По мнению исследовательницы, выбор плоскости в каждом конкретном случае зависит от объекта, подвергаемого анализу. Отсюда ее тезис о необходимости индуктивной процедуры. Она считает, что не следует ограничиваться изучением стандартных текстов, так как их текстовые шаблоны и имманентные характеристики очевидны даже для неспециалиста; призывает же она обращаться к исследованиям более обширных по объему текстов, более сложных, комплексных, ставящих интерпретатору более высокие требования [18 : 22]. В этих текстах интересны не только текстовые шаблоны и стандартные компоненты, но и, прежде всего, то, что нестандартно, – творческий и индивидуальный факторы. Ограничение группировкой текстов в соответствии с их общими характеристиками оказывается недостаточным и не очень эффективным. Следует изучать взаимосвязь между отдельными текстами и соответствующими типами текста, потому что не каждый текст мы можем отнести к соответствующему типу текста, даже если цель в том, чтобы выявить смешение шаблонов текста в различных вариантах текста. Адамзик также обращает внимание на взаимосвязи текстов и типов текстов, образующие, по ее мнению, своего рода цепочки или сети типов текста, которые

она называет *интертекстуальностью типов текста* (см. [18 : 27]). Тем самым она указывает новый путь, идущий в направлении анализа и описания текстов, связанных между собой тематически и функционально в пределах конкретных интерактивных областей.

Традиции исследований по тексту в полонистике¹ и германистике

Теперь, когда мы очертили основные направления исследований и тенденции в немецкой лингвистике текста, мы можем сделать попытку контрастивного² подхода в этой области как со стороны германистики, так и полонистики. Я сознательно отказываюсь здесь от более обширного обзора польских исследований по тексту – см. [20–25], потому что предполагаю, что они хорошо известны польскому читателю³. Именно по этой причине будут упомянуты лишь некоторые из научных проблем, без объяснения которых этот текст мог бы стать немного труднее для чтения. Анализируя параллели и расхождения в основных понятиях лингвистической генологии, я сосредоточусь на вопросах терминологии, отказываясь от подробного рассмотрения соотношения *жанра и типа*.

В полонистике многие исследования, проведенные в этой области лингвистами, основывались на литературоведческой традиции. В рамках теории литературы изучение литературных жанров и их вариантов

¹ Обсуждая польскую лингвистическую генологию и достижения польских ученых в области лингвистики текста, я имею в виду разработки полонистики. Так же я трактую терминологию, анализируемую в этой статье.

² Термин *kontrastywny* был использован здесь как эквивалент немецкого термина *kontrast*, широко используемого в их лингвистике. Он стандартно используется применительно к межъязыковым сравнениям, но в данном случае был использован Билут-Хомплевичем для «отдельных областей лингвистики в двух странах» [19 : 328].

³ Если бы, однако, состояние польских исследований в этой области не было известно польскому читателю, он может легко найти соответствующую литературу в ресурсах отечественных библиотек. Иначе обстоит дело с доступом к результатам немецких научных исследований, так как они в основном изданы за рубежом, и даже если появляются в Польше, то на немецком языке, что может представлять трудность для исследователей за пределами соответствующих кругов. (Российский читатель, имеющий доступ к основным электронным библиотекам в Интернете, вероятно, определит ценность для себя двух частей этой статьи Анны Ганус с точностью до наоборот. – *Прим. ред.*)

имеет давнюю традицию, полученную от поэтики. Возможно, именно таким путем шел и Антон Фурдал, предложивший на одной из конференций Польского Лингвистического Общества термин *лингвистическая генеология* для определения области науки, которая должна была заниматься классификацией текстов (ср. [26 : 112]). Аналогичный генезис имеет польский термин *жанр речи (gatunek mowy)*.

В германистике попытки анализа и классификации текстов были выражено лингвоцентричны. С самого начала были исключены из анализа художественные тексты. Разговорные тексты анализировались в рамках так наз. *Textsortenlinguistik*, или *Textsortenlehre* 'лингвистики типов текстов', а в качестве основной единицы в этих исследованиях в последнее время принят термин *Textsorte* 'тип текста'. Этот термин, однако, не получил до сих пор единого определения. Термин *Gattung* (соответственно *Textgattung*) «забронирован» только для литературоведения. Создает трудности также термин *тип*. Как полонисты, так и германисты соглашаются, что термины *жанр речи (gatunek mowy)* и *Textsorte* должны быть признаны базовыми.

Термин в польской лингвистической генеологии	Термин в немецкой лингвистической генеологии	Русский перевод
Genologia lingwistyczna	Textsortenlinguistik, Textsortenlehre	Лингвистика типов текста, наука о типах текста
Rodzaj	Texttyp/ Textsortenklasse	тип текста / класс типа текста
Gatunek mowy ¹	Textsorte ²	жанр речи
Odmiana gatunkowa	Textsortenvariante	жанровый вариант
Gatunek literacki	Gattung	литературный жанр

¹ А также: *тип текста, речевой жанр, текстема, модель типа/текста, жанровый шаблон, текстовый шаблон, схема текста, жанровый/текстовый прототип* (ср. [26 : 23–24]).

² Частичными синонимами этого термина являются, среди прочих: *Textklasse, Texttyp, Textsortenklasse, Textart, Textmuster, Handlungsmuster, Textgattung, Kommunikatwnsart, Kommunikationsform, Redekonstellationstyp, Textvariante, Routine-Handlung, Textschema, Textentfaltimgsmuster, Textbildungsmuster, struktureller Prototyp, Genre* (ср. [15 : 515]).

На более высоком уровне полонисты обычно используют термин *тип (rodzaj)*, тогда как на более низком уровне – *жанровый вариант (odmiana gatunkowa)* (см. [23 : 330–331]). Аналогичная классификация в генеологии в германистике разработана Хайнеманом, который поместил класс *типов текста (Textsortenklasse)* над уровнем *Textsorte*, а ниже этой категории – *вариант типа текста (Textsortenvariante)*.

Как в полонистике, так и германистике появлялись и продолжают появляться новые терминологические определения, касающиеся одних и тех же явлений. Особенно в полонистике нельзя не заметить появление множества новых перспектив исследований, что влечет за собой множество терминологических определений, чтобы не сказать разброс.

Исследовательские тенденции и вызовы

Польские исследования в последние годы имеют тенденцию к развитию интегрированного, гомогенного и целостного описания жанров, но это нелегкая задача. «Интегрированное описание жанра и жанровых разновидностей на самом деле является ключевой задачей современной генеологии: в конце концов, выявление параметров и формулировка адекватного определения объекта исследования является одним из главных требования любой науки <...> однако синтез жанровых разновидностей представляет собой чрезвычайно трудную задачу» [26 : 25]. Напротив, немецкие лингвисты интересуются, прежде всего, типами текстов в конкретных областях коммуникации.

В германистике же появляются голоса, делающие ударение на обоснованности обращения к лингвистическому генеологическому анализу художественных текстов. О дефиците этого вида анализа в языковедческих исследованиях говорит в своей работе Кристина Адамзик, которая подчеркивает необходимость и актуальность эмпирических исследований литературных текстов с точки зрения лингвистической генеологии. Исследовательница отмечает, что изучение стандартных текстов уже не приносит настоящих открытий. Она предлагает поэтому обратиться к исследованию текстов более сложных, жанрово неоднозначных, требующих больше усилий – словом, художественных текстов. Описание таких текстов могло бы быть вызовом для лингвистов, занимающихся анализом и типологией типов текста. В полонистике литературные и разговорные тексты наделены одними и теми же права-

ми, и не принято подчеркивать их оппозицию, в перспективе имея разработку парадигмы, которая позволила бы описать весь универсум языковых коммуникатов.

Раздаются также голоса лингвистов, предлагающих исследователям литературы, которые в свое время отказались от текста как объекта исследования, доведя его до точки пересечения деятельности автора и читателя (ср. [27 : 123]), своего рода возвращение, повторное обращение к анализу текста и использование лингвистически-семиотического инструментария для анализа художественных текстов. Возможность сближения лингвистики и литературоведения видит У. Фикс [28]. В совместных усилиях дисциплин, которые ежедневно имеют дело с текстами, исследовательница видит шанс разрешить вопросы, которые невозможно решить в рамках данной дисциплины, и требуют проведения консультаций и даже привлечения специалистов из смежных областей.

Кроме того, появляются требования не сосредоточиваться на разделении отдельных жанров речи, учитывать также их тематические и функциональные сходства и рассматривать их как своего рода сети жанров (*Textsortennetze*) [18].

REFERENCES

1. Skwarczyńska S., *Wstęp do nauki o literaturze* X. 3, Warszawa. 289 p.
2. Witosz B. *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*, Katowice. 2005. 261 p.
3. Adamzik K., *Textlinguistik. Eine einführende Darstellung*. Tübingen, 2004. 254 p.
4. Daneš R *Zur linguistischen Analyse der Textstruktur*, «Folia Linguistica» IV, 1970, ss. 72–78.
5. Schoenke E., Textlinguistik im deutschsprachigen Raum. *Text und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbbund. Red. K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager, Berlin ; New York, 2000, ss. 123–131.
6. Hartmann P. *Texte als linguistisches Objekt*. Red. Stempel, Wolf-Dieter, 1971, ss. 9–29.
7. Hartmann R, *Zum Begriff des sprachlichen Zeichens. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 21, 1968, ss. 205–222.
8. Heinemann, M., Heinemann, W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs*, Tübingen, 2002. 461 p.
9. Bilut-Homplewicz Z. *Tautonomia terminologiczna? Kilka uwag o użyciu terminów «Diskurs» i «dyskurs» w językoznawstwie niemieckim i polskim*. Rzeszów, 2010. 232 p.
10. Brinker K. Zur Gegenstandsbestimmung und Aufgabenstellung der Textlinguistik. *Textus. Sentence*.

Basic Questions of Text Linguistics. First Part. Red. J. S. Petófi, Hamburg, 1979, ss. 3–12.

11. De Beaugrande R.-A., Dressler W. U., *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen, 1981. 661 p.
12. Gülich E., Raible W. *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*, Frankfurt, 1972.
13. Sandig B. *Zur Differenzierunggebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen* / red. E. Gülich, W. Raible, 1972, str. 113–124.
14. Franke W., *Linguistische Texttypologie – Aspekte der Textlinguistik* / red. K. Brinker. Hildesheim, 1991, str. 157–182.
15. Heinemann W. *Textsorte – Textmuster – Texttyp – Text und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband / red. K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager. Berlin ; New York, 2000, str. 507–523.
16. Brinker K., *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*, Berlin, 1985. 571 p.
17. Heinemann W. *Rodzaj tekstu – wzorzec tekstu – typ tekstu // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. (Antologia tłumaczeń)* / red. Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała. Wrocław, 2009, str. 69–96.
18. Adamzik K. *Die Zukunft von Text(sorten)linguistik. Textsortennetze, Textsortenfelder, Textsorten in Verbund // Zur Kulturspezifik von Textsorten* / red. U. Fix, S. Habscheid, J. Klein. Tübingen, 2001, str. 15–30.
19. Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała M. *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. (Antologia tłumaczeń)*. Wrocław, 2009. 261 p.
20. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Teztologia*. Warszawa, 2009. 671 p.
21. Żydek-Bednarczuk U. *Wprowadzenie do lingwistycznej analizy tekstu*. Katowice, 2005. 354 p.
22. Wilkoń A. *Spójność i struktura tekstu*. Kraków, 2002. 181 p.
23. Witosz B. *Lingwistyka tekstu – stan aktualny i perspektywy*, „Poradnik Językowy” 7, 2007, str. 3–19.
24. Wojtak M. *Gatunki prasowe*. Lublin, 2004. 261 p.
25. Gajda S. *Gatunki wypowiedzi i genologia // Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy* / red. Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała, M. Wrocław, 2009, str. 135–147.
26. Ostaszewska D., Cudak, R. *Polska genologia lingwistyczna*. Warszawa, 2008. 286 p.
27. Linke A., Nussbaumer, M. *Intertextualität. Linguistische Bemerkungen zu einem literaturwissenschaftlichen Textkonzept // Die Zukunft der Textlinguistik* / red. G. Antos, H. Tietz. Tübingen, 1997, str. 109–126.
28. Fix U. *Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, 2008. 298 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27'38
ББК 81.2Рус-5

В. В. Прозоров
Саратов, Россия

V. V. Prozorov
Saratov, Russia

ДВЕ СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: СПОР И ВЗАИМНЫЙ ПОИСК СОГЛАСИЯ

TWO STRATEGIES OF VERBAL BEHAVIOR: DEBATE AND JOINT SEARCH FOR CONSENT

Аннотация. Речевой жанр совместного поиска согласия помогает одолевать опасные риски жарких споров, часто ведущие к враждебному отчуждению и противостоянию. Совместный поиск согласия – свободно объединяющая людей потребность в выработке конструктивных принципов взаимоотношений. Первое условие данной коммуникативной задачи – предупредительное расположение к собеседнику и известные усилия над собой, связанные с вероятными уступками другому участнику поисковых инициатив.

Ключевые слова: разновидности диалога, речевой жанр спора, риски спора, речевой жанр взаимного поиска согласия.

Abstract. Speech genre of joint search for consent helps to overcome dangerous risks of heated debates, often leading to hostile confrontation and alienation. Joint search for consent is a freely uniting people need to develop constructive principles of relations. The first condition of given communicative task is a warning arrangement to the other party and certain efforts on him/herself, linked with possible concessions of search initiatives to another party.

Key words: types of dialogue, speech genre of dispute, risks of dispute, speech genre of joint search for consent.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Место работы: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: Philology@sgu.ru

About the author: Prozorov Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Place of employment: Saratov State University

Научные компетенции филолога распространяются на все без исключения сферы жизнедеятельности, в которых властно востребовано Слово. Одновременно есть смысл говорить и о филологической культуре как о культуре повседневного человеческого жизнеобеспечения, как об элементарной (а ещё чаще – сложно прихотливой) грамоте самопознания и многоканального сообщения с миром. Качество социальной коммуникации, коммуникативные готовности и возможности каждого без исключения человека впрямую зависят от степени владения основами филологической культуры во всём многообразии её проявлений (подр. см. [1]). Восходящее к М. М. Бахтину речевое жанроведение – комплексное направление современных филологических штудий, непосредственно связанное с повседневным человеческим опытом и обращённое к «вербально-знаковому оформлению типических ситуаций взаимодействия людей» [2 : 8].

Речевое жанроведение, как, быть может, никакую другую практико-ориентированную отрасль филологических занятий, интересует прежде всего реальная культура обывательского речевого поведения. Человек, с рождения наделенный энергией познавательного

интереса, непрерывно, неустанно, с разной степенью успеха занят поисками смыслов, заключённых в неисчислимых жизненных и житейских положениях и ситуациях, в бесконечном множестве текстов любого достоинства. Реальными способами такого рода поисков и угадываний являются доступные и удобные для этих целей психические процессы и состояния, облакаемые в соответствующие и всегда диалогические по своей природе речевые жанры. Соседствуя друг с другом, взаимно друг друга подпитывая и оттеняя, близкие по внешним характеристикам речевые жанры помогают нам более или менее безошибочно избрать необходимую в данной ситуации стратегию речевого поведения.

Проблема особой актуальности – пограничные жанровые пространства, их относительные ценностные характеристики, распространённые практики перенстройки, постепенного ли, внезапного перехода из одного речевого жанра в другой, взаимоотношение жанровых определённостей в культуре реального речевого общения.

У вынесенных в название статьи речевых жанров (или по более точному, сложившемуся в филологии обозначению, – гипержан-

ров¹) спора и взаимного поиска согласия, при всём их кажущемся внешнем сходстве, разные психолого-целевые установки. В первом случае – любой (разной) ценой пробовать доказать собственную правоту. Во втором – достичь или стараться достичь согласного понимания существа вопроса. Необходимое предваряющее условие и в том, и в другом случае – противостояние мнений, суждений, оценок.

Два жанра – две стратегии поведения. Стратегии, способные соседствовать-соприкасаться друг с другом и вместе с тем принципиально отличаться друг от друга. Два жанра – два рода коммуникативных сценариев (см. [4]). Один из них по вероятному накалу страстей часто напоминает остроконфликтное драматическое действие с открытым, как правило, и принципиально не разрешённым финалом. Другой направлен на поиск и желанное обретение общего успокоительного согласия, на постепенный, осторожный, тактичный выход из складывающейся разногласицы. В сущности, речь можно вести здесь и о несомненной речевжанровой оппозиции. Два жанра соотносятся с двумя разновидностями диалога – с диалогом, неизменно предполагающим устойчивое противостояние и, как желанный результат, более или менее убедительную победу над партнёром, и диалогом, ведущим к созданию эффекта взаимоуважительного интерактивного равновесия.

* * * * *

Спор обычно воспринимается как столкновение мнений и позиций, как словесное состязание, в ходе которого каждая из сторон отстаивает свою правоту, приводя доказательства в поддержку собственных взглядов и критикуя несовместимые с последними представления другой стороны.

О речевом жанре спора, о самом феномене спора с давних времен существует и непрерывно пополняется неисчислимая философская, культурологическая, психологическая, филологическая литература. В XX веке литература эта всё заметнее обретает прикладной, практический характер. Описаны многочисленные разновидности искусства спора: простой и сложный спор, беспорядочный и сосредоточенный, устный и письменный, спор без слушателей и при слушателях и т. д. Убедительно охарактеризованы разнообразные цели и мотивы спора, его основные этапы и условия, разные манеры спора, позволительные и непозволительные

психологические уловки (в частности, выведение противника из равновесия, расчет на доверчивость оппонента, отвлечение его внимания и наведение на ложный след, применение тактики двойных стандартов и мн. др.). Классифицированы правила и тактики ведения спора, приёмы аргументации, формы речевого взаимодействия в споре, оттенки мнимых доказательств, произвольных и лживых доводов...

Принципиальный и нелицеприятный спор с незапамятных времен провозглашается инструментом поиска и обретения (рождения) истины. Стало общим местом полагать спор надёжным способом продвижения к объединяющей идеологической, политической, социальной, воспитательно-образовательной, семейной и т. д. платформе.

Реже мы говорим о том, что в любом (тем более, горячем, темпераментном) споре позиции сторон намеренно, для пущей ясности, последовательно выпрямляются и уже сточаются. Причём, речь не идёт сейчас о **сознательных** установках на обман, на высокомерное сокрушение и шельмование оппонента... Примеров коварных лжеспоров, имитаций споров и псевдодискуссий в истории цивилизации видимо-невидимо. Имеются в виду только споры субъективно искренние и честные, лишённые лукавой подкладки... Отдаём себе отчёт: в нашем представлении возникает несколько идеализированная модель спора, этически (с точки зрения истинных намерений спорящих) безупречная... Тем не менее, и такой спор как способ надёжного общения ради обретения успокоительного согласия часто оказывается уязвимым. Один из участников такого честного спора **неволью** старается рельефнее, внятнее, принципиальнее обозначить свои аргументы, выстроить их в некую привлекательную для другой стороны (заточенную на адекватное понимание) систему. Но тем же самым занят и другой спорящий. Он тоже всеми доступными ему силами стремится доказать ему открывшуюся правоту. Оба верят в силу своего опыта, ума, доводов, в безупречность собственных эмоционально-логических построений. Каждый подбрасывает в костёр своей правоты всё новые и новые всепобеждающие резоны, словно бы опрокидывающие «заблуждения» другой стороны. Чаще всего каждый, действительно, по-своему прав [5]. Вот пример типичного и в общем-то невинного домашнего диалога спора воспитателя и воспитуемого:

– Не кривись, пожалуйста, сядь прямо и не отвлекайся! Темно – включи свет!

– Да мне и так всё видно.

¹ Понятие «гипержанр» употребляется в значении, определенном К. Ф. Седовым (ср.: [3]).

- И книгу старайся держать перед собой удобно.
- Если честно, я очень устал... Не хочу сейчас читать, лучше завтра...
- Устал, ничего не делаю?! Вчера ничего не читал, позавчера... И сегодня целый день бездельничал! В твои годы я столько успел(а) уже прочесть!
- Я не бездельничал, я своими делами занят был!
- Конечно! Знаю я твои дела!
- Нет у меня сейчас настроения...
- Нет настроения!.. Ты бы в окно поменьше заглядывал! (и т.п.).

В приведённом примере один из участников диалога убежден (с неопровержимой опорой на собственный взрослый опыт) в необходимости и пользе домашнего чтения. Другой (в упрямой и стойкой подростковой самозащите) уверен, что скука – дурной спутник время-препровождения. Каждый говорит о своём и не слышит собеседника...

Очевидно, что множество подобных унылых, постоянно повторяющихся споров-пререканий не имеют никакой положительной перспективы. Но хорошо известно, с какой методичностью ведутся эти скучные перебранки по заведомо отлаженным схемам и по разным житейским поводам. Дело даже не в том, что споры эти примелькались. Важно понять, что сами по себе сюжетная направленность, речевая фактура и смысловая оправданность *любых честных* споров представляются в высшей степени напрасными и бессмысленными. Очевидна относительная правота каждой из сторон.

Конечно, давно сказано: спорить легче, чем понимать. Понимание – известное усилие над собой. Усилие это связано с предпочтительным вниманием к собеседнику. Куда проще говорить своё, не слыша и не пробуя слышать другого...

Классический и утрированно комический пример такого намеренного спора глухих – диалог двух чеховских персонажей, Чебутыкина и Солёного, о черемше / чехартме в «Трёх сёстрах»:

Чебутыкин <...>. И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – чехартма, мясное.

Солёный. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой, чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Солёный. А я вам говорю: черемша – лук.

Чебутыкин: А я вам говорю: чехартма – баранина.

Солёный. А я вам говорю: черемша – лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Солёный. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.

Андрей (умоляюще). Довольно, господа! Прошу вас!

Русская поговорка гласит: «За спором дело стало». И ещё: «В споре каждый прав по-своему». Споры часто ведутся не ради уяснения вопроса и не ради того, чтобы переубедить оппонента. Главной их целью невольно становится сокрушение противника, торжество «своей истины», победа ради победы. При этом, «самый простой и наименее энергоёмкий способ говорения – не обращать внимание на Адресата» [6 : 120].

Споры кратчайшим путём способны приводить к небезобидным затяжным (и безысходным) ссорам. Классические примеры – знаменитый спор о ружье «двух почтенных мужей» – гоголевских героев-соседей Довгочхуна и Перерепенко («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – 1831) или спор-схватка аристократа Павла Петровича Кирсанова и нигилиста Евгения Базарова в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1862).

* * * * *

Спорящие могут быть искренне убеждены в очевидной для них собственной правоте, в том, что действуют они во имя неких праведных принципов, ради отстаивания благих интересов. И именно поэтому они неуступчиво остаются до конца спора на своих позициях.

В жарких спорах истина, как правило, испаряется. В напряжённом споре ненадёжная коммуникационная проводка: он постоянно искрит... Как писал Саша Черный в стихотворении «Споры» (1908), «Каждый прав и каждый виноват». Спорящие бывают упоены горячей поддержкой окружающих, собственными ораторскими и полемическими пируетами... С восторженным придыханием характеризовал в «Горе от ума» Грибоедовский Репетиллов шумные дебаты в «тайных собраниях» («*Вслух, громко говорим, никто не разберёт*») и пылкое участие в этих дебатах одного из своих кумиров: «*Когда ж об честности высокой говорит, // Каким-то демоном внушаем: // Глаза в крови, лицо горит, // Сам плачет, и мы все рыдаем*».

Шумные, бурные, гневливые споры-дебаты заметно увеличивают риск непонимания, разъединения, враждебного противостояния. Хочешь обрести в ком-то недруга – яростно спорь с ним, попробуй переспорить, сосредоточь на этом все свои ресурсы, разворачивай стройные ряды аргументов,

предъявляй всё новые резоны – до предельной хрипоты, до надрыва, до полного изнеможения... Одно из самых бесплодных на свете занятий...

Н. А. Бердяев уверял, что спор такой не только бесцелен, но и в высшей степени вреден. Мы становимся свидетелями очевидного ожесточения и почти неизбежного – для пущей ясности – выпрямления своей позиции. Вредность в том, что невольно наносится чувствительный урон собственным дорогим идеям и опорным ценностям. В трактате «Смысл творчества» он писал так: «Вечное требование доказательств – требование пониженного духовного общения, внутренней разобщённости, при которой всё ощущается как необходимость, а не как свобода» [7 : 285]. И ещё: «Доказывают лишь врагам любимой истины, а не друзьям» [7 : 286]. Но тут вкрадывается смущающее нас противоречие: надо ли вообще доказывать «любимую истину» врагам этой истины? есть ли в этом какой-то смысл, есть ли в этом надобность? может ли довести до доброго результата спор о дорогих для тебя ценностях?

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

А если отношения складываются так, что вероятный отклик-отзыв всё-таки дано предугадать? Если наверняка очевидно, что противоположная сторона не может или не хочет услышать тебя, что твой оппонент глух к твоим резонам, никак на них не отзывается? Как быть в таком случае? Ответ прост: не надо спорить. Не надо спорить с тем, кто заведомо не желает (как изначально обнаруживается или в процессе общения становится ясным) тебя понять, от кого не будет благодатного сочувствия тебе в твоём отстаивании дорогих и близких откровений...

Любимую истину, т. е. истину, открытую и выстраданную тобой, по-настоящему добродетельно и трепетно относящийся к тебе человек поймёт мгновенно, на лету и часто без всяких слов. Есть смысл уклоняться от споров по вопросам, нам действительно близким и дорогим. Не переспорим! Только на душе станет гадко... Лучше сказать или подумать: «Бог с тобой, оставайся при своём, не буду с тобой спорить!» Слишком часто спор не поиск истины, а её ужесточение... И если, казалось бы, хорошо знакомый человек настойчиво требует доказательств очевидного и заветного («А ты докажи! Совсем не факт, что это так, а не иначе! Почему всё-таки белое – это белое, а чёрное –

чёрное? Докажи – докажи – докажи!»), мы чувствуем: общение даёт трещину, разламывается и крушится...

Негоже спорить о том, что представляется для тебя святым, родным, очень близким. До той поры, пока противоположная сторона не выносит предмет спора и собственную аргументацию в публичное пространство. Тогда возникает естественное стремление к самозащите и к утверждению того, что представляется тебе справедливым.

Когда же близкий человек не вслушивается в твою систему аргументов, не пробует тебя услышать и понять, но, напротив, с позиций горделивого превосходства принимается победительно демонстрировать противную точку зрения, риск разобщения может стать весьма чувствительным и даже необратимым... Речевой жанр спора – напряжённая и тревожная зона повышенного коммуникативного риска.

* * * * *

Конечно, спорят не только ради того, чтобы переубедить или посрамить оппонента, но и ради того, чтобы обратить в свою веру третью (внимающую спору, не определившуюся, но жаждущую прояснения и понимания) силу. Ради неё, ради третьей силы (а это и потенциальные, но колеблющиеся последователи, зрители, ученики, избиратели, болельщики, наблюдатели, оценщики и т. д.) спор-игра, спор-состязание, словесный турнир превращаются для каждой из оппонирующих друг другу сторон в попытку перетянуть на свою сторону новых прозелитов или добиться признания судьбы, судейской коллегии, жюри.

Но это уже не спор в чистом виде, это скорее прямая или косвенная (в режиме диалога) демонстрация преимущества своей системы аргументаций и явного несовершенства системы аргументаций своего противника. Таковы многочисленные споры – диспуты – поединки – словесные дуэли – публичные дебаты (в том числе и предвыборные дебаты политиков на современном телевидении). Спор как интеллектуальное состязание вполне уместен и даже необходим в судах, в судебных процессах. Всегда был, есть и будет, разумеется, целительный спор – в науке. Целительный, если он безукоризненно выстроен, одушевлён страстью, аргументировано честно объясняет собственную правоту и неправоту оппонентов. Такой спор (дискуссия) подчас бывает ожесточённым и яростным. Но в идеале, в перспективе это спор – продвижение познающей мысли, прояснение истины, обнаружение правоты в сложнейших процедурах умо-

постижения мира. И потом, это спор в среде посвящённых, в среде, которая говорит на одном, общем языке своей научной отрасли, если, конечно, не сбивается (примеров тому слишком даже много в истории науки) на откровенную или затаённую демагогию...

Возможно ли вообще жить без спора? Сосредоточенно и тихо жить убеждённым в своей собственной правоте? Ни с кем не делая заветным и никого не обращая в своё представление о жизненных ценностях? Жить не понятым и не услышанным? Жить осмеянным и оплёванным, вовсе не замечая этого? Тупик, выход из которого... Выход один – в искренних и единящих людей взаимных поисках согласия...

* * * * *

Сам речевой жанр взаимных, совместных поисков согласия слабо описан и осмыслен в филологии. Может быть, в силу первоначально кажущейся относительно малой частотности его.

Целительная его сила, однако, вряд ли может быть оспорена. Согласие – в данном контексте не только и не столько результат, сколько диалогический процесс поиска истины. Процесс этот может быть очень нелёгок, хотя и освящён доброй волей обеих (нескольких) сторон, пробующих обрести общее пространство взглядов, оценок, отношений. Поиск согласия – свободно объединяющая людей потребность и необходимость в определении и выработке общих созидательных ценностей, жизненно важных связей и скреп, конструктивных принципов взаимоотношений.

Вспоминается трогательный и поучительный рассказ протоиерея Андрея Ткачёва «Мудрец и проповедник» [8]. Жили в одном городе два соперника, один из которых смущал людей логически хладнокровно выверенными рассуждениями, а другой умел простыми словами смягчать и просветлять людские сердца. Их пробовали свести в публичном поединке, но проповедник от спора молча отказался. Вскоре они из города исчезли, а когда их всё-таки нашли, оказалось, что они стали настоящими братьями: «проповедник не боялся споров, он просто не любил их»; оба стали бродить по свету, сложив вместе свою любовь и свои знания и принося людям настоящее утешение...

Сразу же отметим, что речь у нас идёт о лингвокультурологическом явлении универсального, всечеловеческого характера, имеющем в общении разных народов свою специфику, свои этнические стереотипы поведения. В любом случае совместный поиск

согласия предполагает решение сложной коммуникативной задачи, первое условие которой – предупредительное внутреннее расположение к собеседнику и известные усилия над собой, связанные с вероятными компромиссами, с известными уступками другому участнику поисковых инициатив.

Классический образец взаимного поиска согласия – комически-простодушное и трогательно-сердечное общение пожилой семейной четы – Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны Товстогузов («Старосветские помещики» Н. В. Гоголя – 1835). Вот один из характерных в этом отношении эпизодов повести. Сытно закусив и вскоре плотно поужинав, Афанасий Иванович отправлялся спать. Однако часто просыпался среди ночи и, ходя по комнате, стонал. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала:

– Чего вы стонете, Афанасий Иванович?

– Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так, как будто немного живот болит, – говорил Афанасий Иванович.

– А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?

– Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! Впрочем, чего ж бы такого съесть?

– Кислого молочка или жиденького узвару с сушеными грушами.

– Пожалуй, разве так только попробовать, – говорил Афанасий Иванович.

Сонная девка отправлялась рыться по шкапам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего обыкновенно говорил:

– Теперь так как будто сделалось легче.

В приведенном диалоге содержатся, пожалуй, все основные, освещенные светлым комизмом приметы интересующего нас жанра: и внутреннее расположение к взаимному предупредительному общению, и искреннее желание услышать друг друга, и взаимная готовность к компромиссам по ходу разговора, и терпеливый, благожелательный поиск выхода из создавшегося положения, и благополучный, примиряющий исход. Диалоги гоголевских старосветских помещиков – полное воплощение коммуникативной идиллии.

* * * * *

Каждый из нас, воспринимая окружающую и проникающую в нас живую реальность и пробуя сложить о ней свои впечатления, ограничен пределами собственного опыта. Пределы эти подвижны, они могут постоянно уточняться и корректироваться. Но мыслим и действуем мы сообразно им. И поиск согласия – попытка выхода из той

оболочки, из того кокона собственных интересов, знаний, состояний, предубеждений, в котором мы привычно и комфортно обитаем. Иначе жизнь начинает складываться согласно известной басенной морали И. А. Крылова («Лебедь, щука и рак»): *«Когда в товарищах согласья нет, // На лад их дело не пойдет, // И выйдет из него не дело, только мука»*.

В любом общении присутствуют, по крайней мере, две стороны: Я и Другой. Корень русского слова «другой» словно бы ненароком намекает на то, что в общении с **другим** всегда существует тайная или явная надежда («не в службу, а в дружбу») на счастливый шанс обретения друга. Каким образом, каким путём? Путём совместного поиска согласия, путём сложной, позитивной по своей направленности, неторопливой переговорной процедуры достижения взаимного понимания.

Может показаться, что имеется в виду речевой жанр переговоров. Но переговоры переговорам рознь. Одни (так называемые мягкие), действительно, ведутся с целью заключения согласованного и последовательно компромиссного решения (хотя в международных отношениях, как показывает практика, именно мягкие переговоры часто оказываются малопродуктивными для всех сторон). Другие (жесткие переговоры) предусматривают твёрдую и неколебимую ориентацию на крайние позиции, как правило, игнорирующие интересы одной из сторон. В переговорах почти всегда остаётся некая незримая перегородка. В переговорах важно, кто, кого и как переговорит.

Взаимный поиск согласия включает в свои пределы честные переговоры, которые ведутся ради достижения взаимовыгодного и справедливого положения вещей. Но взаимный поиск согласия – жанровое понятие более объёмное, чем переговоры¹. Это ещё и всё многообразие осторожного, терпеливого, деликатного выстраивания отношений (преодоления конфликтов) взрослых с детьми, взрослых друг с другом в семейных, соседских, дружеских, корпоративных, производственных, профессиональных и иных отношениях и связях.

В современном русском речевом обиходе синонимом понятия «согласие» становится обьявившийся в перестроечную и постпере-

строечную пору «консенсус» (лат. consensus = согласие, единодушие). Однако, за консенсусом (не считая нескончаемых юмористических упражнений на его счет) в наше время закрепляются прежде всего смыслы, связанные с принятием официальных, управленческих, деловых, политических, юридических, международно-договорных и т.п. общих решений, как правило, без процедуры формального голосования. Основанием для таких решений бывает отсутствие принципиальных возражений со стороны каждого из участников обсуждения по поводу того или иного существенного и вместе с тем представляющего известную спорность вопроса.

* * * * *

Жанр взаимного поиска согласия обнаруживает себя в таком испытанном педагогическом способе решения различных проблем в процессе воспитания детей, совместного домашнего хозяйствования, как семейный совет. Семейный совет – входящее в привычку доброжелательное обсуждение всеми членами семьи повседневных, регулярно возникающих вопросов. На умно и умело организованном семейном совете голоса родителей и детей имеют равный вес. Постоянное взаимодействие всех членов семьи возможно при условии доверительных отношений.

Взаимный поиск согласия – это и сосредоточенный обмен заслуживающими внимание профессиональными мнениями и суждениями ради уяснения взглядов на ту или иную проблему (например, научно-исследовательские и образовательно-научные семинары, круглые столы и т. д.). В этой же связи вспоминаются и традиционные уже социальные институты, имеющие в виду взаимный поиск согласия как основной способ самоосуществления: педагогические советы, художественные советы, учёные советы, студенческие советы и т. п. Сверхзадача таких объединений, на которых сплошь и рядом вспыхивают споры и ссоры, как раз и заключается в обретении путем взаимных уступок справедливого согласованного решения.

Существует в мире и особая практика работы так называемых согласительных комиссий, когда в конфликтных (подчас тупиковых) и чрезвычайно спорных ситуациях стороны прибегают к помощи третьей стороны или создают группу авторитетных представителей, чтобы найти приемлемое решение для обеих сторон. Одной из многочисленных разновидностей совместного поиска согласия отчасти можно считать и мировое соглашение – договор между истцом и от-

¹ Взаимный поиск и обретение согласия, являясь безусловно общечеловеческим явлением, восходит в том числе и к принципам соборности, которая обычно в православной традиции понимается как свободное и братское духовное единение христиан в церковной жизни и в мирской общности.

ветчиком, договор, которым стороны путём взаимных уступок прекращают спор в своих правоотношениях.

Взаимный поиск согласия чаще всего обнаруживается и в распространённой процедуре профессионального (главным образом, медицинского) общения – консилиуме. Подобного рода совещания, совместные консультации специалистов созываются для уточнения диагноза и способов лечения в трудных случаях. Каждый врач, внимательно выслушивая своих коллег, высказывает собственную точку зрения по поводу особенностей болезни, и все сообща ищут наиболее точные ответы на возникшие в ходе наблюдений над пациентом и над историей его болезни сложные вопросы.

Речь может идти и о трудной работе такой независимой структуры гражданского общества как органы корпоративного самоуправления в масс-медийной сфере. В опубликованных решениях Большого Жюри Союза журналистов России предельно лаконично сказано о том, **кем и что** именно коллективно рассмотрено, заслушано, изучено, **что** принято к сведению, **что** побудило выразить сожаление или, напротив, с удовлетворением отмечено и **какое** итоговое суждение, наконец, выработано и признано всем составом жюри. Особый интерес для нашей темы представляет то обстоятельство, что возникающий в обществе острый и принципиальный информационный спор (резонансный спор выливается в жалобы и заявления, адресованные Большому Жюри) в результате работы коллективного органа разрешается путём терпеливого, обстоятельного, учитывающего мнения и оценки разных сторон взаимного поиска согласия (см. [9]).

К интересующему нас речевому жанру относятся и групповые деловые игры, принимаемые в диалоговом режиме специалистами для принятия решений в различных, чреватых рисками производственных ситуациях. Сюда же следует отнести мозговые штурмы (или мозговые атаки), участникам которых – экспертам предлагается высказывать как можно больше вариантов решения задачи, проблемы, вопроса, в том числе самых, на первый взгляд, невероятных решений. Из общего числа высказанных идей согласованно отбираются наиболее удачные для использования их на практике.

Это и разного рода интеллектуальные игры, предполагающие напряжённый командный поиск ответов на каверзные вопросы. Например, известная интеллектуальная телевикторина «Что? Где? Когда?», рождённая

на советском телевидении в 1975 году: по условиям игры команда знатоков в течение одной минуты по итогам напряжённого мозгового штурма – молниеносного перебора разных вариантов решения предъявленной задачи – пробует найти верный и, в идеале, согласованный ответ на вопрос, присланный телезрителем.

Это и дискуссионные телепередачи с участием приглашённых экспертов по определённой актуальной теме. Например, воскресная публицистическая программа Виталия Третьякова «Что делать? Философские беседы» на канале «Культура». Здесь за круглым столом без заметной спешки, разносторонне и взаимно доброжелательно обсуждаются актуальные вопросы современности. Ведущий и участники программы (а это известные учёные, деятели культуры, государственные деятели, журналисты – ведущие в своей области специалисты) не только обмениваются мнениями на тему передачи, но и предлагают собственные пути решения общественно значимых задач. В телепередаче часто наглядно демонстрируется сам процесс поиска согласованного мнения на ту или иную острую проблему.

Это и удачно проводимые мастер-классы – передача педагогом накопленного им творческого опыта при непосредственной и активной включённости всех участников занятия.

Это (в идеале) и сетевые форумы – многоголосые встречи в Интернете, где есть реальная (далеко не всегда используемая) возможность согласно общаться друг с другом, делиться наблюдениями, впечатлениями, опытом, обмениваться полезной информацией и т.д.

В идеале любое коллективное сотрудничество (производственно-экономическое, политическое, театральное, музыкальное, спортивное и т.д.) устремляется к совместному поиску согласия. В огромной степени это зависит от культуры ансамблевой, командной, оркестровой игры, от способностей топменеджеров, руководителей, режиссёров, дирижёров, тренеров, от искусства модератора (ведущего), от его умения деликатно и ответственно направлять течение мыслей собравшихся и следить за неукоснительным соблюдением установленных норм поведения (в Интернете – сетевого этикета).

Обретение необходимого согласия наглядно олицетворяется в ансамблевом феномене Хора, в его точной, полноценной, уравновешенно гармонической слаженности

звучания отдельных певцов, целого и единственного, всех и каждого.

* * * * *

Пространство речевого жанра взаимного поиска согласия не ограничивается собственно вербальным его осуществлением, но непременно включает в себя соответствующую поведенческую реакцию и факторы эмоционально-экспрессивного аккомпанемента. И ещё более необходимая и эффективная составляющая интересующего нас жанра – его **этическая** по природе своей предрасположенность к внимательному, бережному отношению партнёров – участников диалога друг к другу. Речь идёт, в том числе, и о совершенно необходимых, доверительных этикетных формах обращения, и о других проявлениях доброжелательного коммуникативного контакта (см.: [11–13]).

Можно выделить пять более или менее последовательно обнаруживаемых этапов – шагов в процессе реализации жанра.

Это, во-первых, некоторое (может быть, даже неявно выраженное) смущение, постепенно, подспудно обнаруживаемая внутренняя **готовность к компромиссам** по поводу своего собственного отношения к возникшей проблеме. Есть понимание задачи, есть понимание путей её решения. И одновременно есть представление о том, что твой подход не является единственно возможным и единственно продуктивным. Иными словами, случается решительная установка на спор, а случается (счастливо случается) авторефлексия, преодоление эгоцентризма, побуждающее к поискам новых, более корректных решений.

Во-вторых, существенно важен обращённый к партнёрам (другим членам общей «команды») сам **призыв-побуждение к обсуждению** вопроса. К примеру, известный российский специалист размышляет о необычайно сложной современной ситуации в мировой экономике. По ходу дела он предлагает своё понимание подспудных процессов в глобальном финансовом и бюрократическом сообществе и тут же замечает, что пока не видит конструктивных выходов из сложившейся кризисной ситуации. Цепь своих умозаключений он завершает призывом к коллегам: «Давайте обсуждать!»¹

Третий шаг – непременно **встречное искреннее желание** и стремление вероятных «компаньонов» (коллег, членов семьи, совета, команды, группы и т. п.) сосредоточиться и включиться в бескорыстное и доб-

рожелательное обсуждение нерешённых наблевших вопросов. Речь в этом случае идёт о согласной и добровольной кооперативности коммуникантов.

Четвёртый пункт: усердно поддерживаемая всеми участниками поиска согласия **атмосфера командной солидарности**, взаимной уступчивости, готовность чутко прислушиваться к аргументам других участников, бережно соотносить с ними и уточнять свои доводы.

Наконец, в-пятых, общий (в том числе, и промежуточный) итог поисковых инициатив только в том случае может быть результативно корректным, если участники обсуждения приходят к убедительным **решениям, способным объединять** возможных оппонентов и вместе подвигать их к новым перспективным размышлениям и действиям...

* * * * *

Успешно осуществляемый жанр взаимного поиска согласия предполагает заметную долю фатического, этикетного общения [13], обязательную добровольную установку на уважительное, участливое стремление и намерение услышать и понять другую сторону во всём объёме её доказательных построений, её мотивов, непосредственных забот и опасений. Желанно неформальное сосредоточение в процессе коммуникации на интересах собеседника, умение настроиться на волну его ожиданий и сомнений. Особенно – на волну его колебаний и сомнений в собственной правоте. Очень сложное, таящее в себе известные риски дело, требующее известных волевых усилий, некоторых самоограничений и уступок. В данной ситуации риск – дело благодарное.

Поиску (если он осуществляется, что называется, с глазу на глаз) предшествует особая мимико-жестикационная тактика предупредительной готовности к взаимности. Это и располагающая к себе, приветливая улыбка каждого из собеседников, и открытые жесты (отсутствие, к примеру, негативного, оборонного скрещивания рук на груди с усиленным сжатием пальцев в кулак и т. п.), и удобная, расслабленная поза без видимого угрюмого напряжения и усталого раздражения.

Важно в процессе совместного поиска согласия прибегать к перифрастическим речевым конструкциям относительно того, что может невзначай обидеть или оскорбить слух и вкус собеседника с точки зрения его профессиональных, национально-культурных и иных стереотипов и предпочтений. Коммуникативная заинтересованность про-

¹См. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2014/1/31/670464.html>

явится также в тактике терпеливого выслушивания противоположных аргументов.

Вербальные регулятивы в совместном поиске истины могут быть самыми разнообразными. Вот некоторые из самых часто востребованных вербальных регулятивов, предполагающих неременное и желанное жанровое осуществление:

«Вы думаете иначе? Вам кажется, что я неправ? Я вновь охотно готов подумать над этим вопросом и обсудить его вместе с Вами».

«Что Вас в первую очередь не устраивает в моих, возможно, не очень внятно и точно выговоренных аргументах, что вызывает самое заметное несогласие?».

«Мы по-разному относимся к данному вопросу, но меня очень интересует Ваша аргументация. Я с большим интересом, внимательно Вас слушаю».

«Вы приводите любопытные аргументы, которые нельзя не учитывать. Это, наверное, интересно и полезно. Есть смысл об этом подумать сообща».

«Вы много над этим думали – это прекрасно! А не кажется ли Вам всё-таки, что тут не вся правда? Давайте не станем спешить и взглянем на наш предмет с иной стороны».

«Не кажется ли Вам, что есть тут некоторые отчётливые изъяны в тех предлагаемых Вами построениях, относительно которых Вы высказали известные сомнения?»

«Может быть, Вы не стали по каким-либо причинам принимать в расчёт дополнительные доводы?»

«Может быть, ещё раз стоит вернуться к этому вопросу и рискнуть рассудить с Вами иначе?»

«Вы согласны с тем, что мы сообща сблизили наши представления о занимающем нас предмете?»

«Давайте попробуем подвести предварительные итоги нашего обсуждения: мы не просто сблизили наши позиции, мы во многом обрели общую точку зрения на следующие важные вопросы, касающиеся предмета обсуждения...» и т.д.

Соблюдение условий успешного общения предусматривает постоянную, но ненавязчивую акцентировку на общих точках соприкосновения, на общих гранях и сторонах обсуждаемой проблемы. При этом преобладает лексика солидарного поощрения и открытой признательности. Обе стороны (или несколько сторон) предусмотрительно приходят к промежуточным заключениям о самой необходимости, о безусловной пользе конструктивного диалога, о многогранной сложности обсуждаемых вопросов, о веро-

ятой возможности разных путей их решения и т.д. Часто главным итогом взаимного, паритетного поиска согласия является не только и даже не столько победное обретение некой «истины в последней инстанции», сколько сам процесс продуктивного деятельного общения. В этих случаях итог – позитивное ощущение недаром потраченного времени и предварительные результаты, стимулирующие дальнейшие поиски и обретения.

*****

Напомню, что Анна Вежбицка склонна относить близкий к обозначенному выше и предельно краткий подбор логико-семантических формул к речевому жанру дискуссии [14]. Дискуссия – обсуждение вопроса, по которому в корпоративном сообществе нет общей точки зрения, но есть отчётливая потребность в доказательном уяснении более или менее корректного взгляда на предмет специального внимания. Дискуссию можно отнести к одной из распространённых практических разновидностей интересующего нас жанра. Речевой жанр совместного поиска согласия естественно и непринуждённо включает в себя элементы и других хорошо известных жанро-речевых образований – приветствия, вопроса, просьбы, разговора по душам, шутки, благодарности, разрешения, извинения, объяснения, сообщения, воспоминания...

Но особые счёты, особые отношения у жанра совместного поиска согласия всё-таки с речевым жанром спора. Причем, очень легко представить себе переход спора в поиск согласия. Представить, но не осуществить. Для этого необходима некоторая волевая приостановка стремительно заводящего в тупик диалога (или полилога) и его психологическая перегрузка, намеренный, желанный перевод на иную жанровую колею. Подобное превращение сопровождается прежде всего снижением накала страстей. Самоуспоенный азарт, состязательное прекословие, разведка боем, доказательный натиск сменяются на осторожный и заинтересованный отбор подходящих аргументов и взаимоприемлемых доводов.

В какой-то момент далеко заводящего партнёров спора (часто интуитивно, инстинктивно, в том числе и в целях утешительного самосохранения) может вдруг придти обоюдное сомнение-признание: «Мы оба, наверное, излишне горячимся и волнуемся, мы оба, вопреки всем нашим усилиям,

рискуем быть друг другом не понятыми. Давайте взглянем на этот вопрос (задачу, тему, проблему, проект, предприятие) спокойнее. У нас ведь наметились с Вами и несомненные точки соприкосновения, точки роста согласия! Вам тоже так кажется?! Превосходно! Зачем же мы в таком случае спорим?!»

Припоминается исторический анекдот о том, как Рене Декарт учил дофина геометрии. Всё шло относительно гладко, пока не добрались до доказательства теоремы о равенстве треугольников. Все варианты доказательств никак не принимались рассеянным учеником. Между учителем и подростком разгорелся спор: надо ли тратить силы на доказательства того, что ну никак не укладывается в голову да и в жизни едва ли когда-нибудь ему, дофину, пригодится. Жаркий спор заводил уже обоих в бессмысленный тупик, пока августейший ученик внезапно ни воскликнул: «Вы дворянин, мосье Декарт?! И я дворянин! Так дайте же мне честное слово дворянина, что эти самые треугольники равны?!»

Взаимный поиск согласия не обязательно приводит в итоге к признанию некой истины. Желанное общение в процессе взаимного поиска согласия – очень часто попытка наступить «на горло собственной песне», смиренно перешагнуть за пределы личного опыта, бескорыстное стремление к одолению нашей ограниченности тем, что мы успели уже узнать и уразуметь. Совместный старательный поиск согласия – неожиданно возможное и благодатное обогащение нашего опыта. Вот почему есть смысл уяснять себе несомненные практические (нравственные, социально-психологические, общественно-политические) преимущества речевого жанра взаимного поиска согласия при всестороннем предварительном обдумывании дискуссионных, социально значимых проблем, например, принципов реформирования здравоохранения, образования или новых градостроительных проектов и мн. др.

Для России, прошедшей в XX веке через трагедию кровавой крупномасштабной гражданской войны, жанр совместного поиска согласия особенно актуален. И поныне призрак жёсткого политического и идеологического противостояния, призрак безнадежно тупиковой конфронтации без устали бродит по страницам мировой и отечественной печати, радио и телевидения, непрестанно объявляется в социальных сетях Интернета, в яростных призывах политиков к насилию. То и дело мрачный диалог глухих даёт о себе знать и на бытовом уровне – в про-

цессе зубодробительных споров, яростного выяснения отношений по самым разным, в том числе, невинным и пустячным, на первый взгляд, поводам и предложениям...

Фактор риска в пространстве речевого (в том числе и внутригражданского, межкультурного, межнационального, межконфессионального) общения – это скрыто присущая любому коммуникативному акту угроза заметного снижения уровня понимания, свойственная всем участникам общения. Полноценная коммуникация во всех случаях поддерживается лишь взаимными стараниями участников процесса. Риск ослабления и даже разрыва коммуникативных скреп заключается прежде всего в намеренном отсутствии искреннего желания хотя бы одной из сторон общения. Любые поисковые усилия готовы окончиться крахом, как только замаячит на горизонте мрачный призрак презрительной ультимативности, как только тон уважительной расположенности, кроткой терпимости и предусмотрительности сменяется на высокомерность и надменность. Трудно осуществляемый речевой жанр совместного поиска согласия помогает одолевать опасные риски споров, враждебного отчуждения и противостояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прозоров В. В.* Что несёт с собой филологическая культура? // Русский язык в центре Европы. Братислава: Ассоциация русистов Словакии. 2012. № 15. С. 8–13.
2. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
3. *Седов К. Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 13–26.
4. *Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категории персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. С. 63–82.
5. *Прозоров В. В.* Риски спора и речевой жанр совместного поиска согласия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология и журналистика. 2013. № 2. С. 39–45.
6. *Мустайоки А.* Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 123–140.
7. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
8. *Ткачёв А.* «Страна чудес» и другие рассказы. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. С. 5–13.
9. Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в

России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Дом «Стратегия», 2004. 400 с.

10. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения ; пер. с англ. М. : Наука, 1992. 158 с.

11. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 5. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 196–204.

12. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М. : Икар, 2012. 200 с.

13. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М. : ВК, 2009. 334 с.

14. Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация ; под общей ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 75–76.

REFERENCES

1. Prozorov V. V. Chto nesot s soboy filologicheskaya kul'tura? [What carries a philological culture with itself?]. *Russkiy yazyk v tsentre Yevropy* [Russian language in the heart of Europe]. Bratislava: Assotsiatsiya rusistov Slovakii. 2012, no. 15, pp. 8–13.

2. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve sovremennoy kommunikatsii [Man in the genres of modern communication space]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow, 2007, pp. 7–38.

3. Sedov K. F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [About genre nature of discursive thought of language personality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Saratov, 1999. Iss. 2, pp. 13–26.

4. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative value of Russian culture : the category of personality in the lexicon and pragmatics]. Moscow, 2013. (Studia philologica). 338 p.

5. Prozorov V. V. Riski spora i rechevoy zhanr sovmestnogo poiska soglasiya [Risks of dispute and speech genre of joint search for consent]. *Izvestiya Sa-*

ratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya i zhurnalistika [Proceedings of the University of Saratov. The new series. Philology and Journalism]. 2013, no. 2, pp. 39–45.

6. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

7. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 1989. 608 p.

8. Tkachov A. «Strana chudes» i drugie rasskazy. 2-ye izd. ["Wonderland" and other stories. 2-nd ed.]. Moscow, 2013, pp. 5–13.

9. *Samoregulirovaniye zhurnalistskogo soobshchestva. Opyt. Problemy. Perspektivy stanovleniya v Rossii.* 2-ye izd., ispr. i dop. [Self-regulation of the journalistic community. Experience. Problems. Prospects of becoming in Russia. 2-nd ed., Rev. and add.]. Moscow, 2004. 400 p.

10. Fisher R., Yuri U. *Put' k soglasiyu, ili Peregovory bez porazheniya* [Way to an agreement or negotiations without injury]. Moscow, 1992. 158 p.

11. Demytyev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya i etiketnye smysly [Indirect communication and etiquette meanings]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna]. Iss. 5. Saratov, 2005, pp. 196–204.

12. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative contact]. Moscow, 2012. 200 p.

13. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, 2009. 334 p.

14. Wierzbicka A. Rechevyye zhanry (v svete teorii elementarnykh smyslovykh yedinit) [Speech genres (in the light of the theory of elementary semantic units)]. *Antologiya rechevykh zhanrov. Povsednevnyaya kommunikatsiya.* Pod obshchey red. K. F. Sedova. [Anthology of speech genres. Everyday communication. Under the general editorship of K. F. Sedov]. Moscow, 2007, pp. 75–76.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'271.16
ББК 81.2Рус-5

В. К. Харченко
Белгород, Россия

V. K. Kharchenko
Belgorod, Russia

**СЕНТЕНЦИИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
БЫТОВОГО РАЗГОВОРА:
СОПРЯЖЕНИЕ АКУСМАТИЧЕСКОЙ
И КНИЖНОЙ КУЛЬТУР**

**REASONINGS IN SPEECH GENRE
OF LIFE-TALK:
COMBINATION OF ACUSMATICS
AND LITERARY CULTURE**

***Аннотация.** В статье рассматривается функционирование сентенций в разговорном дискурсе, отмечается их количество, своеобразие содержания и формы, то есть тематические предпочтения и эстетическое сопровождение сентенций (метафоры, олицетворения).*

Подчёркивается влияние книжной культуры на разговорный дискурс, что отражено в некоторых моделях рассуждений-сентенций.

Создание электронной базы, насчитывающей около 4 тысяч лично зафиксированных реплик спонтанного диалога, обнаружило точки сопряжения между данными разговорного дискурса и сентенциями, образами научно-популярного, художественного, публицистического, философского дискурсов. Подобное междискурсивное наращение смыслов можно обозначить как метод семантической ротации, весьма значимый для оценки и самооценки языковой личности, а в перспективе и для оценки реальных и потенциальных богатств языка.

***Ключевые слова:** речевые жанры, разговор, рассуждение, наращение смыслов, реплика, ротация.*

***Abstract.** The article deals with the functioning of maxims in colloquial discourse, their considerable number, peculiarities of the essence and form, i.e. thematic preferences and aesthetic means of maxims (metaphors, personification).*

The author puts emphasis on the impact of fiction works on colloquial discourse reflected in some models of maxims in a form of reasoning.

Making a corpus of 4 000 written down spontaneous remarks of the spoken dialogue revealed the connection between the structures and forms of public colloquial discourse and the discourse of popular science, fiction, mass media and philosophy. The above stated interdiscursial multiplication of meanings is defined as the method of semantic rotation. The method proves relevant in evaluation and self-evaluation of the linguistic individual, as well as estimation of actual and potential language resources.

***Key words:** speech genres, talk, reasoning, multiplication of meanings, remark, rotation.*

***Сведения об авторе:** Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания.*

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

***E-mail:** wera_kharchenko@mail.ru*

***About the author:** Kharchenko Vera Konstantinovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Teaching Methods.*

Place of employment: Belgorod National Research University.

Несмотря на свою «дробность», фрагментарность, спонтанность, разговорный дискурс даёт весьма своеобразный, но и весьма щедрый материал по проекциям на каждый из трёх известных «типов текста»: повествование, описание, рассуждение. Разумеется, из обозначенных типов каждый хорошо прослеживается, что естественно и ожидаемо, на более протяжённых пространствах фиксации: в нарративах, монологах. Однако и обычные реплики спонтанного диалога нередко содержат в себе элементы и повествования, и описания, и рассуждения. Последнее и станет объектом нашего пристального внимания.

«Но может ли философ говорить «понятно»? Услышав тишину, он должен сказать, а уж **понимать** – это наше дело. Схватить сознанием текущие образы и

© Харченко В. К., 2015

оправить их в содержательные формы, извлечь предметный смысл из представленных символов и выплавить из всего этого **понятие** и **термин** – вот что должен сделать каждый, кто серьёзно относится к своей профессии» [1 : 126]. В. В. Колесов предельно точно обрисовал процедуру рождения нового знания. Носители языка «не выплавляют» из своих наблюдений понятий и, тем более, терминов, но, как показывает собранный материал, они осуществляют первый этап интерпретации системных событий: формулируют собственные, «авторские» умозаключения, которым следует уделять внимания не меньше, нежели официальным, то есть опубликованным сентенциям известных людей. Носители языка ищут сентенции обычно в сборниках афоризмов и пословиц, не замечая, как много эвристики,

технологических подсказок для решения более чем непростых жизненных проблем таится в живой разговорной речи. К сожалению, эти сентенции не изучаются, не собираются, не фиксируются. Уточним: не собираются и не фиксируются именно как множество, однако отдельную реплику, вовремя прозвучавший совет мы запоминаем надолго в соответствии с французской пословицей «Жизнь всегда посылает вовремя нужного человека».

Безусловным достижением в лингвистике разговорного дискурса является выделение бытового разговора (разговора по душам, болтовни) как отдельного речевого жанра [2 ; 3]. Исследован, например, речевой жанр болтовни детей младшего школьного возраста [4 ; 5]. Именно на материале обычного «бытового разговора» мы и планируем выявить своеобразие «спонтанных» рассуждений, но предварительно сделаем как минимум три терминологических уточнения.

Слово «спонтанный» применительно к определяемому термину «сентенция» мы заключаем в кавычки отнюдь не случайно. Носители языка в спонтанных диалогах действуют своими соображениями, отнюдь не случайно возникшими, а, как правило, ранее лично сформулированными, выстраданными, апробированными.

Следующее уточнение связано с необходимостью терминологизации такого слова, как «болтовня» с его ярко выраженной пейоративной коннотацией. Термины «рассуждение» и «болтовня», на первый взгляд, едва ли не противоречат друг другу. Однако лонгитюдное (на протяжении уже более двадцати лет) изучение разговорной стихии свидетельствует, что не только в публицистическом и художественном дискурсах, но и в «обычном» общении присутствует немало эвристики, немало открытий, подсказок, сентенций, со стороны адресанта с явным удовольствием передающих их, как эстафету, своему собеседнику, адресату. Такой информативный материал, повторим и подчеркнём, требует фиксации и отдельного анализа. Феномен бытового разговора, болтовни, тем более разговора по душам не исключает приобретения нового знания, коррекции понимания, обоснования более (наиболее!) грамотного выбора, выхода из той или иной сложившейся ситуации.

Ещё одно уточнение касается трактовки терминов «рассуждение» и «сентенция». При исследовании разговорных сентенций приходится ориентироваться на теорию рассуждения, которую изучают и в логико-

философском аспекте [6 : 170–180], и в лингвистическом, в частности фонетико-интонационном при спонтанных рассуждениях [7]. «Обычно под рассуждением, – пишет Е. А. Кротков, – имеют в виду умозаключение, или логический вывод. Между тем рассуждать (здорово) – значит формулировать вопрос и искать ответ: объяснить какое-либо непонятное явление, аргументировать свою точку зрения, строить прогноз на будущее etc. Ничего из названных когнитивных фигур в умозаключениях самих по себе нет». Завершается статья следующим тезисом: «В реальном дискурсе (повседневном и научном) фигурируют, как правило, содержательные умозаключения, в которых логическая связь между посылками и заключением специально не отслеживается» [6 : 170,179]. Рассуждение присутствует в разговорном дискурсе, однако в свёрнутом, как правило, виде. Рассуждение – это логическая цепочка высказываний, тогда как сентенция, максима, афоризм есть не что иное, как кульминация рассуждения. Продолжим: рассуждения эксплицируемого или, что чаще, скрытого, рассуждения сиюминутного или, что чаще, сформулированного ранее, неоднократно обдуманного.

В абсолютном большинстве высказываний с сентенциями «посылки» скрыты, они оказываются в пресуппозиции, они образуют импликационал высказывания, но сам речевой жанр сентенции выступает при этом достаточно ярко и определённо. В общем корпусе разговорного дискурса он, этот жанр, необходим как яркая альтернатива использованию готового знания (блоков цитат, пословиц, поговорок, фразеологизмов). Ставя проблему «Генерирование или трансфер знаний: что важнее?» И. Т. Касавин подчёркивает, что «чистого перцептивного», концептуально стерильного знания не существует вообще [8 : 51]. Так, восхитившись выражением «*Любовь тренируема!*» и сказав это собеседнице, мы услышали признание: это не моё, это на лекции говорил один психолог! Так что «степень авторства» реплик-откровений бывает весьма условной, но ценно как раз то, что,

во-первых, собеседник выступает популяризатором, на его взгляд, слабо артикулируемых умозаключений;

во-вторых, рупором собственных аутологонгов по принципу: помогло мне – поможет и близкому мне человеку (а подчас и совсем незнакомому!); здесь мы сталкиваемся с феноменом «гносеологической робинзонады» [9 : 11–12], то есть права на индивидуальное знание;

в-третьих (а это уже следствие первого и второго), произносящий сентенцию выступает, что немаловажно, но что незаметно и скрыто, ещё и корректором «коллективного бессознательного».

Давно пора привести примеры сентенций.

По содержательному наполнению разговорные сентенции охватывают самые различные темы.

Политика: [Доцент 55 л. о бывших работниках парткомов:] **Комсомолец комсомольца не оставит, где-нибудь да пристроит!** (03.05.2012); [Профессор лет 55 в лифте коллеге:] **А Вы заплатили? Демократия – это когда работают только за деньги!** Сначала заплати, а потом объясняй, что надо (16.05.2012); [Мужчина лет 75 в троллейбусе громко:] **Раньше рабочий класс работал, крестьяне работали, и государство процветало! А сейчас все поют!** Раньше только один Марк Бернес пел, а все работали! (27.11.2013).

Образование: [Открытое занятие по методике. Профессор 59 л. студентам и присутствующим коллегам:] **Конечно, это убожество. А убожество оформления сказывается на качестве знания** (22.05.2013); [Учительница-словесник 42 лет о враче:] **Машку из паралича вытащил два года назад! У него в кабинете книги, книги, книги. Мне полишколы сказали: руку заговорили. Он мне сказал: это область неизученного. Он из звёздочек! Он говорит: Мозгом можно всё! Я ведь кончил Курский мед (неважно, где учился, а важно, как)** (01.07.2013).

Этика: [Краснодарский край. Учительница 31 г.:] **Мы тоже собираем, когда у кого что (стряслось). И одна говорит: лучше давать, чем просить. Все мы под Богом ходим. Моя мама говорит: Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать.** А у нас: «Я чуть с ума не сошла!», «Да иди ты!»... (07.05.2012); [Бывший музыковед 58 лет, разговор о дочери:] **Какая она красивая, Вика! Я видела издали! – Красота – это её культура. Вы, когда её дома увидите – это не маска!** (29.07.2012); [В троллейбусе кондуктор лет 62 и пассажир женщина лет 40:] **Зонт положила! – Это с окна капает! – А что, это преступление – зонт положить? Кому надо – вытрут! – А мне что, ходить с тряпкой, вытирать? – Это, в конце концов, Ваш троллейбус! – У меня каждый день другой троллейбус! – Но человеком вы остаетесь каждый день!** (11.10.2012).

Старость: [Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито:] **Да что восемьдесят, что семнадцать! Да какая разница, сколько лет человеку!** А то с утра приходят и начинают: **Ой! Дайте для бабушки!** – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков! (13.07.2012); [Доцент 55 л. о наблюдениях над французженками во время давней поездки в Канны и Ниццу:] **После пятидесяти пяти – это картинка каждая! До 55-и – это как мы, замухрыленные, даже иногда и с сумками в двух**

руках! У них такой принцип: Чем ты старше, тем больше ты должен компенсировать своей внешностью! (13.08.2012).

Здоровье: [Профессор, 48 л., о муже:] **Он лекарства не признаёт. Говорит: от внешних болезней – зелёнка, от внутренних болезней – уголь, а от всех болезней – бег!** (25.05.2012). [Профессор кафедры акушерства и гинекологии, женщина 65 л. в коридоре вуза:] **К нам пришли с проверкой: где новые технологии? А я говорю: Акушерство – это самая консервативная область медицины! Чем меньше в акушерстве будет новых технологий, тем здоровее будет нация! ЭКО? Извините, мы не можем сады в пробирке выращивать! Потому что это медиализованные дети** (08.11.2013).

В пресуппозиции всех приведённых высказываний, к какой бы области они ни относились, присутствует идея управления, причём управления далеко не только пониманием адресата, но и в целом коллективным бессознательным. Об этом свидетельствует презумпция обобщения, заложенная в самой структуре многих сентенций. В следующей реплике спонтанного диалога говорится будто бы о кошке, но мысль легко может быть спроецирована и на поведение человека:

[Разговор с учительницей 55 л. о дворовом коте:] **Мы сначала думали, что это кошка. А это кот. Марс! Кот, который понял, что надо выживать, а чтобы выживать, надо нравиться людям. Но он и по природе такой добрый и ласковый** (07.08.2012).

В другом высказывании речь идёт о членах диссертационного совета, но проецируется это и на семейные, и в целом на служебные отношения.

[По телефону профессор, 42 г., о дис.советах:] **Я понимаю, что внутри там не всё гладко. Но внутри отношения всегда сложнее, чем внешние!** (01.06.2013).

Особенность спонтанных рассуждений заключается не только в том, что они инкрустированы в пространство будто бы обычной болтовни, но и в том, что они включают в себя не только «когниции», но и эмоции (**Это картинка каждая!**), и перцепции. Так, в следующем примере осязательная перцепция предшествует рождению (зарождению) сентенции.

[Тверь, жена с ровесницей 63 л. говорят о машинах. Заходит муж:] **Ой, девушки, какие вам машины? Диван пошире, одеялку помягче, чем больше дома, тем дольше живёшь!** (28.10.2012).

Рассмотрим, что представляют собой по форме сентенции разговорного дискурса.

Разумеется, говорящие нередко прибегают к общезыковым сентенциям, например через использование модели: А есть А (*Жизнь есть жизнь!*) в её психотерапевтической функции или к предельным обобщениям: *Всех понять можно!*

[Казань. Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина:] *Лихачёв перевёл византийские, греческие тексты и приписал русской литературе. В МГУ плевались! <...> У нас Драйзера с русского (!) переводят на азербайджанский язык! Двенадцать томов. Но корректность есть корректность! Это не факт азербайджанской литературы!* (29.06.2012); [Доцент 55 л., поздравляя:] *Всё-таки девочка лучше! Ожидание какое-то... Надежда, что поймёт тебя. Всё-таки девочка есть девочка!* (11.09.2012); [Женщина реализатор лет 36 о покупателях:] *Спят ещё! Сделали б выходной! В среду, например, все ларьки закрыты. Мы б отдохнули. Выходной значит выходной!* (06.10.2012); [Мужчины лет 50 на перроне:] *Его понять можно: сердечко не выдержало. – Всех понять можно. Зарплата, деньги...* (12.08.2012). [Декан на планёрке:] *К 8 ноября пришлите, как наши исследования развивать в плане антропологии. Шекспир он и в Африке Шекспир! Через язык тоже хорошо ложится!* (22.10.2013).

Среди разговорных сентенций немало вторичных, цитатных. Здесь важна интонация уважительности при транслировании мысли Другого. «Но осмыслено только то, что осмыслено заново; восприятие смысла – всегда интерпретация, творчество, конструирование, создание нового, осмысление мира на свой лад; всякое смыслообразование есть иносказание» [8 : 53]. Говорящий, как правило, не просто цитирует чью-либо сентенцию, но при этом выражает и своё к ней отношение, «продолжает» мысль, как далее в примере: *труды и болезни*.

[Юбиляр, доцент, 80 л.:] *Я выросла без мамы, были две мачехи, это хорошая закалка. Мачеха мне говорила очень строго: «Твоё настроение никому не нужно!» Вы когда-нибудь видели моё плохое настроение? (25.05.2012); [Учительница 31 г.:] Если бог послал тебе проблему, значит, ты в состоянии с ней справиться! Лень – это зло. А когда тебя что-то возмущит, то и лени нет!* (07.05.2012); [Доцент 59 л. по телефону:] *Как в старину говаривали: до 70 лет – жизнь, после 70 – труды и болезни, но «болезни» – синоним труда, такое было значение!* (09.09.2012); [Профессор, женщина 49 л.:] *Оказывается, мы себя программируем на короткую жизнь, и поэтому мы рано умираем.*

раем. Организм служит мозгу, когда мозг занят будущим. Как только мозг теряет смысл, организм умирает. Мы должны видеть эту картинку! (05.03.2013).

Многие сентенции заметны своим алогизмом, становящимся пусковым механизмом изменения отношения или поведения адресата:

[На перроне женщина лет 45 с мужем здоровается с путейцем:] *Как ты? – Нормально!* [Отошли, женщина говорит мужу:] *Нормально – это уже хорошо!* (видимо, тот человек страдает алкоголизмом) (23.04.2012); [Доцент 55 г.:] *Она говорит: «Я каждый раз что-то новое!» Нет, ты не учитель! Потому что Методика – это не разнообразие, а однообразие! Если я каждый день буду учить одно слово, то что я буду помнить? ДНК до сих пор расшифровать никто не может. Децилнуклеино... (смеётся) Не выучено!* (26.07.2012).

Большой интерес представляют метафорические сентенции, новизна образа делает мысль запоминающей, придаёт эвристичность самой мысли через обновлённую образную её интерпретацию.

[Учительница 31 г.:] *Муж мне говорит: Ну, ты, такая училка, зануда! – А мы уже не видим себя! Оплылись друг о друга!* (07.05.2012).

Не менее выразительной, чем метафора, может стать и синекдоха, см. выше: *Мозгом можно всё!*

В разговорных сентенциях наблюдаются и следы такого тропа, как олицетворение:

[Тверь, на защите диссертации, член совета, подготовивший два вопроса, председателю:] *Если можно, я б два раза встал. Потому что когда задашь два вопроса, то один страдает* (29.10.2013); [Ученый секретарь женщины 51 г. подытоживает, успокаивая коллегу:] *«Аз есмь Бог, и аз воздам!» Мы переживаем, а небеса своё дело делают!* (25.11.2013).

В полуспонтанной речи, то есть в выступлениях на совещаниях, встречаются сентенции, построенные по «опрокидывающейся» модели: А – это В, В – это А. Это одна из разновидностей так называемых бисубстантивных предложений [10: 5] с контактной мемой темы и ремы.

[Ректор:] *Я пришёл сюда, чтобы намертво завязать этот узел: и с администрацией, и с предприятиями. Губернатор меня напутствовал: Университет – это область! Область – это университет! Я с ним полностью согласен! Нам надо выстраивать перспективы суперобразования!* (07.06.2012).

Метафоры, олицетворения, гиперболы, эпитеты, сравнения, градации, сентенци-цитаты, «внешние» алогизмы и бисубстантивные предложения – всё это свидетельства, безусловно, влияния книжной культуры, свидетельство сохраняющейся литературоцентричности нации. Однако диалог двух ведущих, наиважнейших в цивилизованном обществе культур: акустической (изустной) и книжной (в обозримое время всё увереннее заявляет о себе, набирает обороты популярности и третья культура, культура Интернета!) такими модельными проявлениями не ограничивается. В своей монографии мы предприняли попытку наложить некоторые сентенции разговорного дискурса на аналоги из книжной культуры, обосновав метод, обозначенный как метод семантической ротации [11 : 54–64].

Представим следующие соположения.

Разговорный дискурс: [Учительница, 55 л.:] *Я его принесла, посадила в коробок в коридоре, а он, видимо, жил в нормальной квартире, а тут тесный коридорчик, коробков полно, коты, значит, чужие. Я его положила, возвращаюсь: а у него страшно трагический взгляд, неестественно вывернутая голова. Я говорю: «Да что ты! Да маленький!»* (07.08.2012). См. также выше приведённый пример о коте Марсе *«Чтобы выживать, надо нравиться людям»*.

Научно-популярный дискурс: «Домашние животные, особенно кошки, тоже по-своему гипнотируют – это их способ адаптации, способ заставить заботиться о себе. Воздействовать через умиление – этот способ куда надёжнее для выживания, чем ловить мышей» (А. Секацкий. *Израильские заметки // Новый мир, 2012, № 1. – С. 137*).

Разговорный дискурс: [Учительница-словесник 55 л.:] *Географию отменили, она не нужна! А физика – это ж мировоззрение на уровне снимаю с глаз порчу! Каковое у нас у всех уже есть! Я по физике всю жизнь, конечно, мучалась с задачами, конечно. Не могу сказать, что я любила. Но я? Я не человек без физики была. Это понятно!* (07.08.2012). Философский дискурс: «Философия состоит из вещей, посредством которых мы что-то понимаем, а сами эти вещи непонятны, они служат для понимания других» (М. К. Мамардашвили // *Знание – сила, 2007, № 8. – С. 114*); «Понимание какой-нибудь вещи нужно почерпать не только из сказанного о ней самой, но и из многого такого, что сообщается о совсем других вещах» (Р. Штайнер *Из Предисловия к 3-му изданию «Как достигнуть...»*).

Разговорный дискурс: [Доцент 55 л. о поездках за границу в качестве переводчика:] *У меня такое впечатление, что меня доводит жизнь до какого-то жуткого момента, а потом даёт фантик, конфетку! А перед этим такой прессинг! Сейчас я, наверно, ещё не заслужила!* (14.08.2012). Художественный дискурс: «Когда отчаяние достигает

своих высот, жизнь слегка пугается и раскладывает перед тобою свой товар: ну что тебе надо, чтобы ты успокоился? Все люди как люди – а тебе чего надо? Может – это?» (В. Попов. *Единственное, что утешало // Проза новой России: В 4 тт. Т. 3. – М.: Вагриус, 2003. С. 185*).

Разговорный дискурс: [Доцент 55 л. о случайно найденном красивом полуострове на юге Франции:] *Причём говорят, что таких городов очень много во Франции. Англичанин просто был потрясён. А я просто увидела картинку, и у меня фантазия доиграла-дорисовала! Я ещё уговорила одного. Он мне потом кинул строчку «миллион спасибо» за этот городочек! Улочки настолько узенькие, что в проходе можно пройти только одному человеку. Одна каменная кладка и другая каменная кладка. И ступенечки вверх-вниз. Три лилии...* (14.08.2012). Художественный дискурс: «Человек в принципе не способен видеть мир, не гримируя его своим воображением» (А. Мелихов // *Октябрь, 2001, № 11. С. 176*).

Разговорный дискурс: [Студентки в холле, подруге весело:] *Элка, понюхай духи у меня! До этого тебе не понравилась моя «Кристина Диор»...* (12.10.2013).

Мемуарный дискурс: *Счастье – это восемь часов сна и новые духи!* (О. Аросева).

Остановимся на цитате из Алексея Мелихова, которую в свою очередь обобщают слова Фазиля Искандера: «Писатель только и делает, что редактирует жизнь таким образом, чтоб можно было выжить». Изяществом этой мысли восхищается Вячеслав Пьецух (Октябрь, 2008, № 7. С. 142). На основе своих наблюдений над разговорной речью добавим к сказанному: не только писатели, но и говорящие, рядовые носители языка тоже «в минуту жизни трудную» и «про запас» интерпретируют жизнь «таким образом, чтобы можно было выжить». Собственно, для аргументации этой гипотезы нам и понадобился особый метод – метод семантической ротации, наращивания смыслов, очерчивание параллелей между разговорным, с одной стороны, и художественным, публицистическим, философским, научным дискурсами, с другой.

Метод прорисовался едва ли не случайно. Когда какое-либо высказывание оформлялось для включения в электронную базу данных, то есть в процессе неспешной работы над квантом информации разговорного характера, память подсказывала, что нечто похожее уже встречалось, проскальзывало, было зафиксировано в конспектах. Оставалось только найти цитату, проверить и этикетировать её. Записывая бытовую речь и желая «поднять» материал, отражающий будто бы незатейливую повседневность, к некоторым сентенциям мы начали подыскивать цитаты из художественных текстов, из

научных и научно-популярных изданий, публицистики, философии, то есть из сокровищницы книжной культуры.

Мысли наших знакомых (а большей частью незнакомых, случайных информантов!) «случайно» перекликались с мыслями известных людей. Вопрос креативности разговорного дискурса стал приобретать новое измерение. Цитируемые книги и статей говорящие явно не читали, они читали другие книги, но... идеи носятся в воздухе, так что многие актуальные вещи можно черпать из так называемой акустической, изустной культуры, прислушиваясь к высказываниям окружающих людей. Например, женщина говорит приятельнице, что у той в одежде давно не было ничего *ярко-нового*. Эпитет интересен не только лингвистически, но и поведенчески. Целая плеяда высказываний во славу запахов детства подтверждает известную мысль о связи ольфакторных (запаховых, одорических) впечатлений с эмоциями «Из запахов соткано детство моё».

Итак, сентенции из книжной культуры могут быть приведены как

(1) подтверждение сказанному; отнюдь не случайно наиболее выигрышными эпиграфами к научным публикациям становятся реплики разговорной речи; например: «*Мы из всего делаем прошлое*» – эпиграф к статье психолога Вероники Нурковой о ценности автобиографической информации (Знание сила, 2004, № 10);

(2) опровержение сказанного, опровергающих цитат, разумеется, много быть не может, но и они встречаются;

(3) дополнение к сказанному: суть метода семантической ротации состоит в учёте того, что мысль меняется в зависимости от слов, которыми она выражена, и запас жизни, запас прочности бытия требует от каждой развитой культуры дополнительного, в чём-то избыточного артикулирования.

Подтвердим предложенную классификацию материалом.

Вектор подтверждения:

Разг.: Никто тогда не помогал. И только все завидовали и ставили палки в колёса. И эти палки надо было высовывать. Я защищалась в Днепрпетровске... (23.06.2012). Худ.: Для меня делать эту карьеру проще простого. Что тут делать? Только знай себе выкручивайся из одной беды, из другой, из третьей, – перечисляла Ася, загибая пальчики на руке, – из четвёртой, из пятой. Пока ты выкручиваешься, карьера сама собой в гору и прёт» (Л. Милевская. Дурдом на выезде. Роман). Разг. Она всегда говорит: «Если вы хорошо выглядите, значит правильно живёте!» (?). Я придерживаюсь прин-

ципа: если про тебя ходит сплетня, значит ты живёшь правильно! (?). Худ.: «А уверенность – это как амулет. На самом деле он должен быть у каждой женщины» (Огонёк, 2003, № 4).

Вектор опровержения:

Разг.: У меня такое чувство, что, если я что-то хочу, я торочу. И к этому надо прислушаться! Я говорила: поезжай в Англию! Мама называла меня торока (04.07.2012). Худ.: «Никто из нас другим не властелин».

Вектор дополнения:

Разг.: Вы чокнутые все! На двадцать дней с маленьким ребёнком ехать! (21.07.2012). Худ.: Любкой вокзал – воронка в омуте пространства. На вокзале всегда чувствуется дрожь, тревога, словно на краю пропасти (А. Иличевский).

Наконец, есть ещё одно сопряжение акустической и книжной культур, которое можно обозначить как поэтизация сказанного. Здесь интересно встречное движение: говорящие не преминут процитировать стих, песню, рекламу, добавляя красок к сказанному, но и их речь может быть отзеркалена в высоком слове, лиризме, цитате. Если цитация лежит на поверхности разговорной речи, поскольку она состоялась, носители русского языка, отечественной культуры любят цитировать, то обратное движение, поэтизация сказанного предполагает некоторое усилие по поиску соответствий. Однако и высокая мысль нуждается в заземлении, демонстрации того, как прекрасно она работает в профанном пространстве «здесь и сейчас».

Вектор поэтизации:

Разг.: [Женщина лет 75 незнакомой о дороговизне на рынке:] Я как глянула – БО... (Боже!) Женщина, милая, какие опыты над нами делают! Аж мурашки по коже! Рыба была 108, стала 130, сыр «Король Артур» был 280, теперь 330! (18.11.2013). Худ.: В ценники жестокосердных витрин / шурились слепо, считая копейки (А. Климов-Южин). Разг.: [Женщина лет 40, реализатор, с иронией:] Надик! Давно снега не было! (та чистит у модуля) Когда это кончится? Как уже надоело! (24.03.2013). Худ.: Он убедительно пророчит мне страну, / Где я наследую несрочную весну... (Е. Баратынский); Разг.: [Профессор 64 г.:] Какая красивая! – [Доцент 63 г. весело:] Да, решила теплее одеться. – Да, уже похолодало. – Но красивой надо быть! (18.11.2013). Худ.: Для самого себя будь сном / О красных колосьях и дыме / <...> / И ты никогда не состаришься (Jean Rousselot).

Истоки книжной культуры в многочисленных её проявлениях (философская, научная, научно-популярная, художественная, публицистическая) таятся в живой разговорной речи, это её материнское лоно, и метод семантической ротации восстанавливает «историческую справедливость», демонстрируя культуротворческий, информационно-аналитический, этико-эстетический потенциал разговорного дискурса. Анализируя «загадочное удовольствие говорить», в процессе даже кратковременного общения говорящий стремится скорректировать картину мира в чужом сознании, то есть построить мировоззрение Другого по образу и подобию своего мировоззрения, – пишет К. Г. Фрумкин [12 : 143]. Метод семантической ротации, наращивания смысла, можно назвать и методом функционального расширения высказываний разговорного дискурса, и методом полидискурсивного взаимодействия смыслов. Подбирая примеры-аналоги, мы не стремились прибегать к «голым», тем более назидательным афоризмам. Параллели и должны быть параллелями, но не способами заочной расправы с авторами реплик, с плодами, наработками, оформленными страданиями чужой мысли и души.

Разумеется, особый интерес представляют предложения, прозвучавшие в разговорной речи, которым мы (пока ещё!) не нашли аналога в книжной культуре. Не исключено, что рано или поздно такие аналоги обнаружатся, однако их «затаённость», кажущееся отсутствие как раз и делает весьма эвристическим высказывание-сентенцию в режиме «обычной» болтовни, «обычного» разговора. Более того, незатейливое, непринуждённое окружение парадоксально высвечивает точность и глубину высказанного наблюдения, сомнения, обобщения.

[Молодой человек лет 28 матери по дороге на речку:] *Сказали, что я держался за каждое слово <...> Счастливого человека трудно оскорбить, счастливого человека только можно расшевелить* (16.08.2013); [Доцент о подготовке песни на юбилей факультета:] *«Да не ходи на сцену!» Я думаю, что ж меня так зомбируют? И сейчас так же. Они говорят: да что вы, Оксан! Что мы, клоуны, что ли? Да мы, преподаватели, и должны быть клоуны! Ведь шутит над собой только тот, кто уверен в себе!* (29.10.2013); [Мужчина лет 80 двум женщинам-ровесницам, гуляя по парку, спокойно подытоживает:] *Я думаю, всё в порядке! Кто в электронике в этой побыл – значит человека нет уже!* (06.11.2013); [Доцент лет 54 перед чтением своих стихов:] *Я расскажу о своих несоответствиях. Потому что жизнь – это несоот-*

ветствия. Когда всё симметрично, жизни нет (19.11.2013).

Не менее интересно отслеживать, как в её современном варианте акустическая культура взаимодействует с фольклорной акустикой, например с пословицами.

На ловца и зверь бежит. [Психолог 64 л. отвечает знакомой:] *А как Вы находите такие шляпки? – Если вы ищете вещь, она к вам придёт! Я сказала: я пересплю с этой мыслью! Так я не просто переспала – я достала всё своё хламьё!* (19.11.2013). *Повторение – мать учения.* [Библиограф, женщина лет 28, коллеге о работе с базами данных e-library:] *Это не сложно? – Как всегда! Если работать часто, то несложно!* (01.10.2013).

Об актуальности пишут обычно в начале публикаций, но мы отступим от этого правила и как раз акцентом на актуальности завершим изложение заявленной проблематики. Данное направление исследований актуально потому, что позволяет реально исследовать подчас скрытое от его носителей богатство русского языка через применение методики наложения дискурсов. И сентенции разговорного характера могут стать весьма выразительным материалом выявления, закрепления, в том числе и лексикографического, и более широкого использования ускользающего богатства некоторых реплик обычного разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. *Философия русского слова* СПб. : ЮНА, 2002. 448 с.
2. Кротков Е. А. О рассуждении как методе познания // *Вопросы философии*. М. : Наука, 2013. № 6. С. 170–180.
3. Сошников А. О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 22 с.
4. Дементьев В. В. *Основы теории непрямой коммуникации* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 42 с.
5. Седов К. Ф. *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
6. Лемяскина Н. А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 330 с.
7. Толмачёва С. Ю. *Речевые жанры младшего школьника* : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 200 с.
8. Касавин И. Т. *Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии* // *Вопросы философии*. 2013. № 6. С. 46–57.

9. Мамардашвили М. К. *Формы и содержание мышления* (К критике гегелевского учения о формах познания). М. : Высшая школа, 1968. 191 с.

10. Асланова О. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения авторской характеристики типа персонажа в мемуарном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

11. Харченко В. К. *Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний*. М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2013. 192 с.

12. Фрумкин К. Г. *О загадочном удовольствии говорить* // Нева, СПб, 2010, № 12. С. 139–146.

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Filosofija ruskogo slova* [Philosophy of Russian word]. St.-Petersburg, 2002. 448 p.

2. Krotkov E. A. *O rassuzhdenii kak metode poznaniya* [On Reasoning as a Cognitive method]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy], no 6. Moscow, 2013, pp.170–180.

3. Soshnikov A. O. *Specifika strukturno-semanticheskoy organizacii spontannyh tekstov povestvovaniya i rassuzhdeniya* [Peculiarities of structural-semantic organization of spontaneous texts of narration and reasoning. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tver, 2013, 22 p.

4. Demytyev V. V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication. Doct. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2001, 42 p.

5. Sedov K. F. *Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaia kommunikacija* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moscow, 2007, 320 p.

6. Lemyaskina N. A. *Razvitie jazykovej lichnosti i*

kommunikativnogo soznaniya mladshego shkol'nika [Development of Language personality and Communicative mind of primary school pupils]. Voronezh, 2004, 330 p.

7. Tolmacheva S. U. *Rechevye zhanry mladshego shkol'nika* [Speech genres of primary school pupils. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2009, 200 p.

8. Kasavin I. T. *Znanie i kommunikacija: k sovremennym diskussijam v analiticheskoj filosofii* [Knowledge and Communication: Modern discussions in Analytic Philosophy]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy]. 2013, no. 6, pp.170–180.

9. Mamardashvili M. K. *Formy i sodержание myshleniya* (K kritike gegelevskogo ucheniya o formah poznaniya) [Forms and Content of Thinking. To the Critique of Hegel's doctrine of the forms of knowledge]. Moscow, 1968. 191 p.

10. Aslanova O. A. *Bisubstantivnye predlozheniya kak sredstvo vyrazheniya avtorskoj harakteristiki tipa personazha v memuarom tekste* [Bisubstantial sentences as a means of Author characteristics sort of a character in Memoirs. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2013, 25 p.

11. Kharchenko V. K. *Mozaika razgovornoj rechi: novye aspekty issledovaniya, jelektronnaja baza vyskazyvanij* [Mosaic of Colloquial Speech: new aspects of research, electronic database of utterances.]. Moscow, 2013, 192p.

12. Frumkin K. G. *O zagadochnom udovol'stvii gororit'* [On Mysterious Pleasure of Talking]. Neva, 2010, no. 12, pp. 139–146.

**Статья получила положительные анонимные рецензии
от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике**

Е. А. Никишина
Москва, Россия

E. A. Nikishina
Moscow, Russia

**ПИСЬМА-ОТРЕЧЕНИЯ КАК
ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВЕТСКОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ
ЧИТАТЕЛЕЙ В ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» И
«ИЗВЕСТИЯ» В 20-Е ГГ. XX ВЕКА)**

**LETTERS OF RECANTATION
AS A SPECIFIC FEATURE OF SOVIET
DISCOURSE (BASED ON READERS'
LETTERS TO "PRAVDA" AND "IZVESTIJA"
NEWSPAPERS IN 1920THS)**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются письма читателей, опубликованные в советских газетах в 20-е гг. XX века, и, в частности, письма-отречения. Письма-отречения – это письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной небольшевистской политической партии. Лингвистический анализ писем-отречений, предложенный в данной статье, позволяет на примере отдельно взятого поджанра обозначить некоторые важные черты нового складывающегося советского дискурса.

Ключевые слова: письмо в газету, советский дискурс, типовая интенция, композиция, тематическое содержание, языковые особенности, отречение, покаяние, клятва, агитация.

Abstract. In the present article, I analyze one subtype of readers' letters, published in Soviet newspapers in 1920ths, namely, letters of recantation. By this term I mean letters where the author announces his or her resignation from a non-Bolshevist political party. The linguistic analysis of letters of recantation which is proposed in the article allows me to trace some important properties of the Soviet discourse which was only beginning to form in the period under analysis. **Key words:** readers' letters to newspapers, Soviet discourse, communicative purpose, composition, thematic content, subject, language properties, recantation, repentance, oath, agitation.

Сведения об авторе: Никишина Елена Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель.

Место работы: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва.

E-mail: helene_nikichina@mail.ru

About the author: Nikishina Elena Andreevna, Ph.D. in Philology, lecturer.

Place of employment: National Research University Higher School of Economics, Moscow.

В настоящей статье рассматриваются письма читателей, опубликованные в советских газетах в 20-е гг. XX века, и, в частности, письма-отречения. Письма-отречения – это письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной небольшевистской политической партии. Несомненно, появление этого жанра в советской прессе обусловлено специфической социокультурной ситуацией, сложившейся в Советской России после прихода к власти большевиков. В первые годы после революции в России по-прежнему существовало много партий: эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты и т. п., но политическая ситуация в стране складывалась таким образом, что членство в любой партии, кроме РКП (б), воспринималось как проявление чуждости существующему строю и идеологии, граничащее с предательством, и, в связи с этим, стало опасным для человека (ср. знаменитый лозунг советских времен: «Кто не с нами, тот против нас»). В это время очень важно стало вовремя подтвердить свою лояльность по отношению к советской власти, вовремя во всеуслышание заявить: «Я с вами!» С этим и связан массовый выход из партий в 1920-е гг. и, как следствие, появление писем-отречений.

В настоящей работе предлагается лингвистический анализ писем-отречений, который позволяет на примере отдельно взятого поджанра обозначить некоторые важные черты нового складывающегося советского дискурса.

Материалом для данной статьи послужили 25 писем-отречений, опубликованных в 1920–1929 гг. в газетах «Правда» и «Известия» в рубрике «Письмо в редакцию». При этом следует отметить, что писем-отречений в эти годы было очень много, и, как мы покажем ниже, они были довольно сильно похожи между собой, что в полной мере позволяет нам экстраполировать полученные выводы на все письма-отречения.

Письма-отречения, наряду с письмами-просьбами, письмами-жалобами и т. п., являются одним из поджанров в рамках жанра «письмо в газету». Подробная классификация типов писем читателей в газеты (поджанров) приведена в [1].

Прежде чем перейти к анализу писем-отречений, необходимо сказать несколько слов о той «программе», по которой предлагается их описывать. В основе данной программы лежит объединение двух концепций речевого жанра М. М. Бахтина [2] и

А. Вежбицкой [3]¹. В соответствии с этой программой, каждый класс писем задается четырьмя параметрами: 1) типовая интенция (коммуникативное намерение автора письма); 2) композиция; 3) тема или содержание; 4) языковое воплощение. На описании приведенных четырех параметров и строится анализ писем-отречений, представленный в данной статье.

Письма-отречения рассматриваются как один из экспрессивных речевых жанров. К экспрессивным речевым жанрам мы относим такие речевые произведения, в которых на первое место выходит фигура адресанта сообщения. В письмах, относящихся к экспрессивам, тематическое содержание всегда касается непосредственно самого адресанта, а основной типовой интенцией при этом является выражение его мнения и эмоций по тому или иному поводу и / или сообщение какой-то новой информации, касающейся его самым непосредственным образом (например, способной изменить его статус).

Итак, опишем письма-отречения в соответствии с предложенной схемой.

Типовая интенция

Напомним, что письмами-отречениями мы называем письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной политической партии (небольшевистской). Между тем, в письмах-отречениях нередко представлены сразу четыре типовых интенции:

Сообщить о своем выходе из партии «небольшевиков» (отречение);

Признаться или покаяться в своей принадлежности к партии «небольшевиков», а значит, вместе с этим признаться или раскаяться в совершении каких-либо действий, не совпадающих с большевистской идеологией (покаяние);

Сообщить о своей солидарности с РКП (б) или о своем вступлении в РКП (б) (нередко в форме присяги или клятвы).

Призвать читателей газеты поступить так же, т. е. выйти из небольшевистской партии и «встать под знамена РКП (б)».

Таким образом, можно говорить, что в рассматриваемом поджанре совмещены элементы нескольких жанров, широко представленных в коммуникации: отречения, покаяния, присяги или клятвы и призыва.

Интенция «отречение» первостепенна по

отношению ко всем остальным, поскольку чаще всего именно к ней в разных комбинациях примыкают остальные три. Данная интенция и определила название рассматриваемого поджанра. В основном же в рамках одного письма совмещается сразу несколько интенций:

(1) *Я, Алексей Сергеевич Рябов, ранее состоявший в партии с.-д. р. партии (меньшевиков), выхожу из партии в виду расхождения моего во мнениях и убеждениях: жизнь показывает – надо строить социалистическое рабочее государство и соединиться в одну рабочую партию. Каждый честный и сознательный труженик должен работать на пользу Р. С. Ф. С. Р.*

Александровская ж. д., Александр Сергеевич Рябов. (П–08.07.1920).

В нашей выборке встретилось одно письмо, в котором две интенции «Сообщить о своем вступлении в РКП (б)» и «Призвать читателей газеты поступить так же» представлены эксплицитно, а интенция «отречение» – имплицитно, см. пример (2). Отречение, хотя и не выражено напрямую глаголами *выхожу из..., отрекаюсь...*, все же присутствует в тексте – оно выражено словом *бывший* (см. подпись):

(2) *Уважаемый тов. редактор!*

Прошу опубликовать в редактируемой вами газете нижеследующее мое заявление:

Смертью Владимира Ильича нанесен тяжкий удар делу революции. Невозвратимую потерю можно компенсировать только объединением и сплочением всех революционных сил. Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.

Б. анархо-синдикалист Н. Доленко (М. Чекерес). 22 января 1924 г. (И–21.02.1924).

Данное письмо является прекрасной иллюстрацией того, какое важное место в советском дискурсе занимали имплицитур.

Отречение предполагает, что действие еще актуально, то есть что автор письма совсем недавно вышел из партии и непосредственно после этого пишет об этом в газету. Тем самым акт отречения близок к перформативу, хотя не всегда является им в строгом смысле. Если человек пишет *я выхожу из партии*, это не значит, что данное письмо в газету является само по себе официальным актом выхода из партии, предполагается все же, что он предварительно

¹ Впервые возможность объединения двух подходов к трактовке речевых жанров – подхода М. М. Бахтина и А. Вежбицкой – обосновал С. И. Гиндин в [4].

оформил соответствующие документы и только потом сообщил об этом в газету. Напротив, если автор письма пишет *я отрекаюсь от партии*, это уже является перформативным актом, в том смысле, что автор отрекается от идеологии данной партии, но и в этом случае письмо в газету не приобретает статуса официального документа о выходе из партии. С перформативом сближает настоящее время глагола (то есть он уже вышел из партии, но настоящее время предполагает, что как бы ещё выходит, как будто часть выхода – сообщить в газету).

Интересно, что в некоторых письмах речевое действие, совершаемое автором, лишь условно может быть названо отречением, поскольку речь идет о давних событиях (см. пример (3)). В данном примере автор сообщает о том, что вышел из партии 6 лет назад, то есть в строгом смысле это просто письмо-сообщение. С прагматической точки зрения, это письмо кажется нелогичным, так как в нем сообщается о давних событиях как о чём-то, актуальном для читателя. И, тем не менее, по своей тематике оно, несомненно, является письмом-отречением. В данном случае актуальной информацией является не выход из антисоветской партии, а факт подтверждения лояльности автора к советской власти (ключевая фраза в этом письме: *К советской власти я отношусь вполне лояльно...*). Появление таких писем связано с тем, что в 20-е годы выход из партий стал общественно значимым и массовым явлением. Таким образом, действие, о котором сообщает автор, актуализировалось в связи с политической ситуацией в стране. Авторы таких писем хотели с их помощью лишний раз заявить или напомнить о своем положительном отношении к большевикам.

(3) *В целях устранения могущих возникнуть недоразумений относительно моих политических убеждений, прошу поместить на страницах в. газеты нижеследующее заявление:*

Я, нижеподписавшийся, с 1918 года в партии с.-р. не состою, уйдя из партии по идеологическим соображениям.

К советской власти я отношусь вполне лояльно и считаю, что борьба с советской властью может привести лишь к потере завоеваний революции.

Б. член партии с.-р. и бывш. гласный гор. думы А. Бешкарев. 5 мая 1924 г. (И-13.05.1924).

В этом примере дело ещё и в том, что именно этого автора, поскольку он бывший гласный думы, подозревали в плохом отношении к власти, а в новых политических условиях (смерть Ленина и приход к власти новых руководителей) он почувствовал не-

обходимость публично прояснить свои политические взгляды.

Все перечисленные интенции писем-отречений сближают рассматриваемый поджанр с письмами-заявлениями и ставят его в ряд экспрессивов. При этом письма-отречения даже еще в большей степени насыщены экспрессивными языковыми средствами, чем письма-заявления.

Автор письма-отречения сообщает адресату новую информацию о себе, в данном случае о своем выходе из партии и об отказе от идеологии, которую он ранее поддерживал, объясняя при этом причины своего ухода / отказа, таким образом он обозначает свою позицию. При этом автору письма представляется важным сделать то, о чем он сообщает, достоянием общественности: пребывание в любой партии, кроме РКП (б), в советском государстве могло быть опасным для самого автора, и автору хотелось своим публичным заявлением сформировать правильное общественное мнение о себе и предупредить все подозрения на предмет его политических убеждений. Несмотря на то, что рассматриваемое речевое действие наиболее точно описывается глаголом *заявлять 1*, входящим в синонимический ряд глаголов *сообщать 1, информировать...* [5 : 1088–1095], письма-отречения следует описывать отдельно от писем-заявлений, потому что все они имеют общую и очень узкую тему. Сами же авторы писем-отречений нередко употребляют в своих письмах глаголы из этого ряда, например, *заявлять, извещать* (стереотипное выражение официального действия – заявления), см. примеры (4), (5), (6):

(4) *Настоящим заявляем, что вся наша прошлая деятельность была преступной и бессмысленной перед рабоче-крестьянской властью Советов и ее руководительницей – ВКП (б). (П-20.09.1928).*

(5) *Поэтому и заявляю, что, будучи с 1920 г. рядовым членом московского союза анархистов и уже около года идеологически порвавши связь с ним, в настоящее время совершенно выхожу из такового... (И-06.02.1924).*

(6) *Настоящим письмом извещая всех активно интересующихся политической жизнью товарищей о выходе своем из левонароднического об'единения – партии левых соц.-рев. и союза с.-р. максималистов...(И-18.01.1923).*

Как уже отмечалось выше, в большинстве писем определяющее коммуникативное намерение «отречение» осложняется дополнительными иллюкутивными целями, посмот-

рим, как это может быть выражено на уровне композиции.

Композиция

Текстовая структура писем-отречений очень сильно коррелирует с набором типовых интенций, представленных в рамках одного письма. Если в письме содержится только одна типовая интенция (сообщение о выходе из партии), то композиция такого письма предельно проста: отречение; причина отречения + стандартный набор компонентов структуры жанра «письмо в газету» (приветствие, просьба о публикации, разного рода этикетные формулы, обращенные к редактору газеты, подпись и др.). Это минимальный набор позиций в текстовой структуре писем данного поджанра, см. пример (7):

(7) [Приветственная этикетная формула →] *Уважаемый товарищ редактор!*

[Отречение →] *Настоящим письмом извещаю всех активно интересующихся политической жизнью товарищей о выходе своем из левонароднического об'единения – партии левых соц.-рев. и союза с.-р. максималистов, [Причина отречения →] как организации, в силу своей программно-тактической половинчатости, не нужной для друзей и не страшной для врагов.*

Дальнейшее, даже формальное, пребывание в ней считаю несовместимым с революционным сознанием и предоставляю ей продолжать быть своим собственным могильщиком на кладбище бесславного теоретизирования.

[Подпись →] *А. Адодин. (И–18.01.1923).*

В письмах, где совмещено сразу несколько типовых интенций, текстовая структура имеет очень свободный характер. Вот как может выглядеть текстовая структура письма данного поджанра с максимальным набором позиций (не считая элементов обрамляющей структуры):

- отречение;
- причина отречения;
- признание / покаяние;
- сообщение о вступлении в РКП (б) (нередко в форме присяги или клятвы);
- агитация (призыв стать членом РКП (б)).

Приведем несколько писем, которые иллюстрируют заполнение перечисленных позиций, см. примеры (8) и (9):

(8) [Приветственная этикетная формула →] *Уважаемый тов. редактор!*

[Просьба о публикации →] *Прошу опубликовать в редактируемой вами газете нижеследующее мое заявление:*

[Агитация →] *Смертью Владимира Ильича нанесен тяжкий удар делу революции. Невозвратимую потерю можно компенсировать только об'единением и сплочением всех революционных сил. Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, [Сообщение о вступлении в РКП (б) →] я, подавая заявление о вступлении в РКП, [Агитация →] призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.*

[Подпись →] *Б. анархо-синдикалист Н. Доленко (М. Чекерес).*

22 января 1924 г. (И–21.02.1924).

(9) [Покаяние →] *Настоящим заявляем, что вся наша прошлая деятельность была преступной и бессмысленной перед рабоче-крестьянской властью Советов и ее руководительницей – ВКП (б). Наша работа антисоветского характера, анархистского оттенка, была использована как отрадное явление всем контрреволюционным мецанским лагерем. В чем мы искренне раскаиваемся. [Отречение + причина отречения →] А посему мы, бывшие анархисты, перед лицом власти Советов и ВКП (б) говорим, что впредь ничего общего с лицами, группами и организациями антисоветского уклона иметь не будем. И от деятельности анархистской, стоящей против проведения в жизнь законов диктатуры пролетариата под руководством ВКП (б), отказываемся.*

[Присяга →] *Одновременно заявляем о нашей солидарности с диктатурой пролетариата и о своей готовности принести максимальную пользу республике труда своими техническими трудами у станка, а в случае нападения империалистов будем готовы выступить вместе с революционной Красной армией и на военном фронте.*

[Подпись →] *В. БУРЛАКОВ, Л. ЗИМИН, АМОСОВ и ТОРМОВКИН. (П–20.09.1928).*

Важной чертой писем-отречений является то, что многие из них написаны в очень эмоциональном тоне. Это особенно заметно в тех случаях, когда, помимо минимальной структуры, в письмах присутствует и другие компоненты. Повышенная эмоциональность проявляется не только в выборе лексических средств, но и в построении текста. Автор письма достаточно свободно обращается с композицией своих текстов, перечисленные позиции могут быть расположены в любом порядке. Именно поэтому в отношении к данному поджанру говорить нужно не о жестком порядке следования позиций, а скорее о наборе позиций, расположенных в тексте по усмотрению автора.

Когда выход из антисоветских партий стал принимать массовый характер (сразу после

смерти Ленина), каждое отдельное письмо перестали печатать в рубрике «Письмо в редакцию», а создали специальную рубрику «Заявления о выходе из антисоветских партий» («Правда», 1925 г.), где публиковали сразу по 5–10 подобных писем. Письма из этой рубрики уже менее разнообразны и по своей форме больше похожи на официальные заявления, их экспрессивная составляющая выражается исключительно штампами. Эти заявления приближаются по своей структуре к так называемым «жестким текстам», в которых строго закреплён набор и порядок следования позиций и есть лишь несколько переменных. В данном случае переменными являются: имя автора, название антисоветской партии и даты вступления и выхода из антисоветской партии. Приведем несколько писем из этой рубрики:

Настоящим заявляю, что с начала 1907 г. я состоял в РСДРП (м-ков), из которой вышел в середине 1918 г. и с тех пор никакой связи с ней не имею. П. Токарев. (П–03.02.1925).

С 1907 г. я состоял в меньшевистской организации. В настоящее время членом меньшевистской партии себя не считаю и ничего общего с ней не имею. Г. А. Комаров. (П–03.02.1925).

Членом РСДРП (м-ков) считаю себя с 1913 г. В начале революции я не мог себе уяснить и оценить деятельности меньшевиков. В процессе революции я убедился, что деятельность меньшевиков явно контрреволюционна и направлена против рабочих и крестьян. Заявляю, что членом партии меньшевиков больше себя не считаю и с нею ничего общего не имею. А. Рахманов. (П–03.02.1925).

Членом меньшевистской партии считаю себя с 1917 г. В процессе русской революции, а в особенности за последнее время, я убедился, что деятельность меньшевиков является явно контрреволюционной, а посему заявляю, что членом меньшевистской партии себя больше не считаю и ничего общего с ней не имею. А. Лихачев. (П–03.02.1925).

Я состоял в п. с.-р. с 1918 г., в настоящее время членом таковой я себя не считаю и с ней ничего общего не имею. Единственно правильной, выражающей интересы трудящихся, считаю РКП. С. Кондратьев. (П–06.02.1925).

Я, бывший член боевой организации с.-р. максималистов Сокольнического района, заявляю, что порываю всякую идейную связь с п. с.-р. Весь пройденный свой революционный путь в п. с.-р. считаю ошибкой. Единственной партией рабочих и крестьян считаю РКП. И. Васильев. (П–06.02.1925).

Позже в газетах совсем перестали публиковать отдельные письма-отречения: заявления о смене политических пристрастий стали оформляться в виде списков фамилий. Для этого в «Правде» примерно с 1928 года появилась рубрика «Выходы из антисоветских партий», в которой помещался текст следующего содержания:

Выходят из организации анархистов: Е. П. Волобуев, Н. Н. Тихонов (Череповец), В. М. Антонов (Москва) и из федерации анархической молодежи (ФАМ) Борис Кантемир (Москва). (П–05.02.1928).

Так, с течением времени, один жанр преобразовался в другой, совершенно отличный по структуре и языковому наполнению, хотя близкий к письмам-отречениям по интенции и тематике.

Тематическое содержание

Основной темой писем-отречений, как уже стало понятно из приведенных выше примеров, является изменившаяся политическая ситуация в стране и связанный с этим массовый переход из разных антисоветских партий в партию большевиков. Переоценка деятельности многочисленных партий (не считая большевистской), существовавших в то время, привела к тому, что их идеология стала трактоваться исключительно как вредоносная и «контрреволюционная». Именно поэтому авторы писем нередко сообщают некоторые факты о деятельности партии, из которой они выходят, и сопровождают их при этом резко негативной оценкой. Отчасти это делается, чтобы показать, что автор выходит из партии на некоторых логических основаниях, а не просто стремится себя обезопасить. Эти факты часто заполняют позицию «Причины отречения» в письмах рассматриваемого поджанра, см. пример (10):

(10) <...> Я состоял рядовым членом РСДРП (меньшевиков) севастьяпольской организации с 1915 по 1919 год. Вышел из организации [Причина отречения →] вследствие несогласия с тактикой партии, которая никогда не была руководительницей рабоче-крестьянских масс. После глубокой переоценки всех моментов революции, я пришел к убеждению, что тактика меньшевиков была выгодна только врагам трудящихся, что и видим на Западе из деятельности II Интернационала.

Отвратительна предательская деятельность германской социал-демократии на протяжении нескольких лет, которая отдала рабочий класс под власть Лютера сейчас и которая всячески прези-

рает революционный клочок земли – СССР <...>. (И–19.02.1925).

Помимо сопоставления партий в выгодном для большевиков свете, в письмах-отречениях автор может сообщать некоторые факты о себе. Это может быть как очень краткая заметка, как в примере (11), так и целый экскурс в автобиографию, как в примере (12).

(11) *Что касается современной русской действительности, изменившегося курса Советской политики в России, то я считаю, что в настоящее время вообще невозможно распространение идей анархизма, исходя из того, что трудовой класс России сейчас переживает психологическую реакцию, а также для себя, в виду сильно расстроенного, расшитанного здоровья и усталости. Поэтому заявляю перед всем общественным мнением вообще и перед всеми московскими рабочими в частности, а также перед всеми анархистскими организациями России, что я в настоящий момент не буду вести никакой политической и организационной работы как в массах, так и в организациях анархистов, в анархо-синдикалистском духе.* (И–30.09.1921).

(12) *С начала революции 1917 года я входил членом в социал-демократическую организацию «Единство» (плехановцев) и был председателем московского комитета. Во время Октябрьского переворота я активно боролся на стороне белых в отряде юнкеров, защищавших гостиницу «Метрополь» в Москве. С конца 1917 года по февраль 1918 года я состоял членом московского комитета защиты учредительного собрания и, наконец, с июля 1918 года был членом союза возрождения России, куда персонально входили правые эсеры, меньшевики, н.-с. и плехановцы. По поручению московской организации союза я с информационными целями ездил на юг, занятый белыми. В конце 1918 года я перешел на нелегальное положение и проживал под фамилией Денисова.*

Пройдя путь открытой контрреволюционной работы, торжество которой содействовало бы только воскрешению реакции, я осенью 1919 года, совершенно порвав с означенными организациями, безраздельно и целиком ушел в хозяйственную работу, сотрудничая с тех пор в разных хозяйственно производственных органах Союза республик и по мере своих сил способствуя экономическому возрождению страны <...>. (П–01.01.1927).

Как правило, автор в более или менее эмоциональной форме выражает свое сожаление о том, что когда-то состоял в антисоветской партии, кается в этом. Именно поэтому при анализе писем-отречений само собой напрашивается сравнение с таким религиозным (фидеистическим) жанром, как

покаяние или исповедь. Это касается, в первую очередь, писем с более сложной текстовой структурой и эмоциональным лексическим наполнением, см. в особенности примеры (9), (12), приведенные выше, и пример (13):

(13) *Сознание своей вины перед великим делом освобождения трудящихся настоятельно требует от меня выступить с публичным признанием. Я твердо верю, что предстоящий суд над П. С.-Р. откроет глаза трудящимся всего мира на ту печальную роль, которую она играла в процессе революции и тем самым облегчит переход в лагерь революции всех тех ее настоящих или бывших членов, которые почему-либо еще колеблются.*

Я считаю себя нравственно обязанным открыто признать:

1. *Что до середины апреля 1918 г. я, состоя членом П. С.-Р., принимал активное участие в ее военной организации.*

2. *Что покинул я ряды партии добровольно, ясно сознав для себя неприемлемость политики интервенции.*

3. *Что я глубоко благодарен Григорию Ивановичу Семенову за его разоблачения (с которыми я не решился выступить ранее, считая их морально невозможными). Эти разоблачения дали мне возможность, путем искреннего признания, нравственно искупить свою вину и раз навсегда порвать с П. С.-Р.*

4. *В дальнейшем я хочу, чтобы мне было дано умереть, защищая республику с оружием в руках, как подобает солдату Красной армии.*

Ст. инспектор при начальнике бронесил Р. – К. К. А. Келер. (П–12.04.1922).

Сравнение с исповедью может показаться парадоксальным, поскольку рассматриваемые письма, бытовавшие в атеистическом советском государстве, с точки зрения их тематического содержания, абсолютно антирелигиозны, однако два жанра роднит стремление авторов открыться, покаяться. Авторы писем чувствуют свою вину перед обществом и хотят (или даже ощущают потребность, ср.: *Я считаю себя нравственно обязанным открыто признать*) рассказать о своих действиях, чтобы снять с себя этим вину и показать, что они сожалеют о содеянном.

Показательно, что на роль адресата такого «покаяния» авторы рассматриваемых писем выбирают газеты. Это лишний раз подтверждает тот факт, что центральные газеты в Советской России воспринимались обществом как высшая инстанция и ориентир во всех отношениях, в том числе и в формировании представлений о нравственности, см. [6]. Кроме того, попадая на страницы газет, покаяние приобретает публичный характер и

становится более значимым в общественном отношении. Нужно сказать, что «публичное покаяние» или «публичная исповедь» – жанр вполне распространенный в советской действительности, где частное возводилось в ранг общественного и наоборот. В [7 : 42] даже вводится специальный термин для обозначения данного явления – «**советская самокритика**»: «... одной из неизменных особенностей советского идеологического дискурса является апология самокритики. <...> Важное отличие советской самокритики от христианской исповеди состоит в ее публичности: самокритикуемый адресуется к Партии, но предстает перед теми, кто ее в данном случае *ситуативно* представляет (в нашем случае – это газета – прим. наше. Е. Н.) <...>. Но религиозные аналогии оправданы при этом в принципиальном отношении: процедура исповеди и советской самокритики равно подразумевает убеждение в изначальной «греховности» исповедующегося».

Необходимо отметить, что смерть вождя революции В. И. Ленина в январе 1924 года повлекла за собой настоящий всплеск писем-отречений. Это событие стало, несомненно, спланированным фактором в деле становления партии, поскольку те, кто еще не примкнул к большевикам, поспешили это сделать как можно скорее. Основными причинами такого бума отречений, с одной стороны, стало стремление авторов писем обезопасить себя в условиях смены власти, с другой стороны, многие пытались избавиться таким образом от чувства вины, возникающего обычно после смерти близкого человека (в данном случае после смерти идейного лидера) – вины, связанной с тем, что испытывающий это чувство не сделал для него всего, что мог. Практически во всех письмах этого периода упоминается имя Ленина в сопровождении восторженных эпитетов и номинаций:

(14) *Прошу поместить нижеследующее мое заявление:*

«Смерть великого вождя-борца тов. Ленина побудила многих честных трудящихся теснее сплотиться вокруг его партии РКП, чтобы твердо держать и нести дальше то великое знамя борьбы за освобождение рабочего класса, которое завещал нам ныне усопший тов. Ленин. Нам, рядовым рабочим, состоящим в группах анархистов различных толков, не следовало бы и даже преступно распыляться и стоять в стороне от РКП в столь серьезный исторический момент, требующий наивысшего напряжения сил со стороны всех, кому дороги завоевания Октябрьской революции, тем более, что анархизм каких бы ни было направлений и течений, как показала жизнь, давно уже не занимает

рабочих умов и оставлен ими на прозябание. Поэтому и заявляю, что, будучи с 1920 г. рядовым членом московского союза анархистов и уже около года идеологически порвавши связь с ним, в настоящее время совершенно выхожу из такового и из'являю желание вступить в ряды партии Владимира Ильича». А. И. Касаткин. (И-06.02.1924).

Еще одной особенностью писем-отречений является легко вычленяемая во многих из них общая тональность прославления советской власти и большевистской партии. Прославление чаще всего представлено в письме в виде изречений в духе советских лозунгов и агитационных штампов (15), (16):

(15) *Формально числясь до настоящего времени членом партии левых эсеров (интернац.), я неизменно, по мере сил, возможности и умения, помогал близкой моему уму и сердцу, настоящей и истинной представительнице революционных трудящихся масс – Советской власти, лелея надежду на то, что рано или поздно партия левых эсеров, осознав больше чем преступную ошибку, покается и примется за настоящую революционную работу, на благо и счастье рабочих-крестьянских масс, шагая нога в ногу с единственной ныне подлинной революционной партией коммунистов! (И-04.04.1923).*

(16) *Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии. (И-21.02.1924).*

При этом для писем данного поджанра прославление не всегда выделяется в отдельную единицу композиции, поскольку его элементы бавают рассыпаны по тексту и создают таким образом общий фон письма. Это, кстати, тоже роднит письма-отречения с исповедью – ведь кающийся тоже может сослаться на то, что теперь понял величие Бога, пришёл к Богу. В письмах-отречениях прославление советской власти практически всегда сопровождается осуждающими высказываниями в адрес той партии, из которой выходит автор письма. Этот риторический ход дает эффект антитезы: осуждение одного объекта несомненно усиливает положительную оценку противопоставляемого ему объекта. Антитеза является, пожалуй, одним из основополагающих приемов в советской риторике вообще: вся советская действительность построена на противопоставлении «своих» и «чужих», революционного и контрреволюционного, советского и антисоветского; советская пропаганда не

представима без оскорбления многочисленных внешних и внутренних врагов советского народа [7 : 58–63].

Языковые особенности

Практически все тексты советской эпохи, в которых содержится отрицательная оценка кого-нибудь или чего-нибудь, насыщены инвективами. Эта общая агрессивная тональность советского дискурса неоднократно отмечалась исследователями, см., например, [8]. Письма рассматриваемого поджанра не исключение. Как уже было сказано, отрицательная оценка в письмах-отречениях обращена к антисоветским партиям, из которых выходят авторы. Для выражения отрицательной оценки авторы писем используют самые разнообразные средства, это и отдельные эмоциональные номинации, эпитеты (17), и метафорические выражения, претендующие на высокий стиль (18), (19), (20), и фразеологизмы, и поговорки (20), и отсылки к прецедентным текстам (как в случае с Пилатом в примере (20)):

(17) *Свое заблуждение я мог заметить только тогда, когда увидел предательскую работу этой партии в дружбе с палачами Колчаком и Миллером.* (П–28.08.1920).

(18) *Дальнейшее, даже формальное, пребывание в ней [партии левых соц.-рев.] считаю несовместимым с революционным сознанием и предоставляю ей продолжать быть своим собственным могильщиком на кладбище бесславного теоретизирования.* (И–18.01.1923).

(19) *Я обращаюсь к товарищам, которые еще не переоценили своих убеждений, переоценить их, и тем самым залечить свои раны.* (И–19.02.1925).

(20) *Что им до настоящего революционного под'ема и вместе с тем до великих лишений и страданий международных рабоче-крестьян. масс, которых левая «революционная» партия боится, как чорт ладана. Блудливой кошке должно быть не до раскаяния, да и что ей за дело до всего революционного! Ведь, в худшем случае она подобно Пилату в нужное время умоет лишь руки. Горбатого могила исправит.* (И–04.04.1923).

Средства, выбранные в письме для выражения отрицательной оценки, в полной мере отражают творческую натуру авторов писем. Есть письма, где, как в примере (21), автор выбирает сдержанный деловой стиль и вообще обходится без оценочных суждений.

(21) *Будучи членом РСДРП (меньшевиков) с 1913 г. в виду коренных расхождений с программой и тактикой РСДРП меньшевиков, я порвал с последней всякие сношения и вышел из ее состава в конце 1919 г., примкнув с тех пор всецело к платформе Рос. Комм. Парт. (бол.). Работаю в госучреждениях с момента возникновения советской власти. С. Борисов. (П–05.09.1924).*

При этом, как мы увидели, есть и такие, см. пример (20), текст которых буквально перенасыщен самыми разнообразными метафорами, фразеологизмами и инвективами. Примечательно, что при всей шаблонности языка советской эпохи, в нем все же есть место для творчества, и проявляется оно именно в выражении негативного.

Выводы

Выше мы рассмотрели один из поджанров писем читателей в газеты письма-отречения. Как нам удалось выяснить, основными жанровыми характеристиками писем-отречений являются:

1) Типовая интенция: нередко в рамках одного письма совмещаются сразу четыре типовых интенции: отречение, покаяние, присяга, агитация;

2) Композиция: письма с несколькими интенциями имеют гибкую структуру, которая полностью коррелирует с набором представленных интенций. Со временем письма-отречения обнаруживают тенденцию к закреплению формы.

3) Тематическое содержание: в письмах приводятся факты о деятельности партии, из которой выходит автор, а также некоторые подробности из его биографии.

4) Языковые особенности: при описании небольшевистских партий широко используются метафорические средства языка и даже инвективы. Основным риторическим приемом, используемым авторами писем для сравнения небольшевистских партий с РКП (б), является антитеза.

Письма-отречения в полной мере отражают специфику социально-политической ситуации, сложившейся в послереволюционной России. Именно с писем-отречений началось формирование знакового для советского дискурса жанра покаяния.

Обилие писем-отречений на страницах центральных советских газет свидетельствует о том, что роль газеты в советском обществе была крайне велика. Центральные газеты в СССР воспринимались читателями не только как инстанции, наделенные опре-

деленной властью, в которые можно было пожаловаться и получить в ответ действенную реакцию, но и как ориентир для читателя в самых разных вопросах, в том числе и в вопросах нравственности. Именно поэтому на страницах советских газет считалось уместным отречься и каяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никишина Е. А.* Речевой жанр писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
3. *Вежбицка А.* Речевые жанры // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
4. *Гиндин С. И.* Речевые жанры и языковое сознание // *Языковое сознание* : Тез. IX всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая–2 июня 1988 г. М. : Изд-во Института языкознания АН СССР, 1988. С. 41–42.
5. *Гловинская М. Я.* Словарная статья : сообщать 1, информировать, извещать, уведомлять, осведомлять, докладывать 2, доносить 2, заявлять 1, объявлять 1, оповещать, предупреждать 2 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. С. 1088–1095.
6. *Revuz Ch.* *Ivan Ivanovitch écrit à La Pravda*. Paris: Editions sociales, 1980.
7. *Богданов К. А.* *Vox populi* : Фольклорные жанры советской культуры М. : Нов. лит. обзор., 2009. 368 с.
8. *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Т. 1. *Язык и общество* / сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М. : Языки славянской культуры, 2003. 632 с.

REFERENCES

1. *Nikishina E. A.* *Rechevoy zhanr pisem chitateley v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.)* [The speech genre of readers' letters to newspapers (based on the data of emigrant and Soviet newspapers in 1920ths. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013.
2. *Bakhtin M. M.* Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. 2 ed. Moscow, 1986, pp. 250–296.
3. *Wierzbicka A.* Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.
4. *Gindin S. I.* Rechevye zhanry i yazykovoe soznanie [Speech genres and linguistic consciousness]. *Tezisy IX vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii «Yazykovoe soznanie»* [Abstracts of the 9th symposium in psycholinguistics and communication theory «Language consciousness»]. Moscow, May 30–June 2, 1988, pp. 41–42.
5. *Glovinskaya M. Ya.* Slovarnaya stat'ya: soobshchat' 1, informirovat', izveshchat', uvedomlyat', osvedomlyat', dokladyvat' 2, donosit' 2, zayavlyat' 1, ob'yavlyat' 1, opoveshchat', preduprezhdat' 2 [Dictionary entry: soobshchat' 1, informirovat', izveshchat', uvedomlyat', osvedomlyat', dokladyvat' 2, donosit' 2, zayavlyat' 1, ob'yavlyat' 1, opoveshchat', preduprezhdat' 2]. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Ed. Yu. D. Апресян. Moscow; Vienna, 2004, pp. 1088–1095.
6. *Revuz Ch.* *Ivan Ivanovitch écrit à La Pravda*. Paris: Editions sociales, 1980.
7. *Bogdanov K. A.* *Vox populi : Fol'klornye zhanry sovetской kul'tury* [Vox populi: Folklore genres of the Soviet culture]. Moscow, 2009. 368 p.
8. *Selishchev A. M.* *Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Yazyk i obshchestvo* / sost. B. A. Uspenskiy, O. V. Nikitin [Studies on the Russian language. Vol. 1. Language and society]. Moscow, 2003. 632 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 811.112.2'38+811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5+81.2Нем-5

В. И. Жельвис
Ярославль, Россия

V. I. Zhelvis
Yaroslavl, Russia

**ЖАНР ОБЗЫВАНИЙ:
ТЕЛО КАК БРАННЫЙ ИНВЕНТАРЬ
(НЕМЕЦКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ)**

**THE NAME CALLING COMMUNICATION
GENRE: GERMAN VS RUSSIAN NAMES
OF HUMAN BODY PARTS AS A SOURCE
OF DEROGATORY IDIOMS**

***Аннотация.** В плане изучения жанра обзываний в статье исследуется вокабуляр немецкого и русского языков, посвященный лицам, предметам, действиям и качествам с выраженным в них пренебрежительным отношением. Между физическим телом и его выделениями и моральными качествами устанавливается тесная связь, носящая национально-специфический характер, что дает возможность установить ряд этнических предпочтений и ценностей, характерных для сравниваемых народов. В частности, подтверждается соответствие между русскими обзываниями, построенными на сфере сексуальных отношений (мат), и их немецкими параллелями, где предпочтение отдается нечистотам. Материал поделен на разделы: голова, рот, нос, глотка, шея, кожа, гениталии, анус, экскременты, испускание газов, прочие телесные выделения.*

***Ключевые слова:** речевые жанры, коммуникация, вокабуляр, немецкий язык, русский язык, пренебрежительное отношение, части тела, телесные выделения, национальная специфика.*

***Abstract.** Research is made of different means of name calling. Under examination is derogatory attitudes between German and Russian vocabularies. Close connections are established between the body, waste and moral qualities of the person. These relations are nationally specific, which allows one to define a number of ethnic preferences characteristic of the nations analyzed. Such preferences are illustrated by a relation of Russian invectives based on sexual matters (mat) hurled at their German counterparts. The text of the article is subdivided into such paragraphs, as head, mouth, nose, gullet, neck, skin, genitals, anus, feces, emissions of gases, etc.*

***Key words:** speech genres, communication, vocabulary, the German language, the Russian language, derogatory attitude, parts of human body, faeces, national specificity.*

***Сведения об авторе:** Жельвис Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков.*

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

***E-mail:** v.zhelvis@gmail.com*

***About the author:** Zhelvis Vladimir Ilich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Literatures and Languages.*

Place of employment: K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

Данная статья представляет собой первую часть исследования, посвященного словам, обозначающим лица, предметы, действия и качества с выраженным к ним пренебрежительным (неодобрительным, уничижительным) отношением. Сюда относятся прежде всего табуированные бранные слова и выражения, но также и любые способы отрицательного, критического отношения. Ниже будут рассмотрены слова и выражения, включающие наименования частей и органов человеческого тела, отходов жизнедеятельности и грязи.

Выбор именно этой группы объясняется двумя обстоятельствами. Прежде всего, едва ли не во всех языках перед нами очень значительное по объему поле обзываний, что свидетельствует о том, что именно между физическим телом и его выделениями, с

одной стороны, и моральными качествами, с другой, человечеством устанавливается тесная связь: «У истоков человеческого опыта оказываются концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела. ... Из опыта наглядного такой опыт перерастал в нечто большее и гораздо более сложное» [1 : 161]. Необходимо согласиться с мнением И. А. Стернина и М. Я. Розенфельд, выделяющим в интерпретационном поле концепта зону оценочную, которая объединяет когнитивные признаки общей оценки («хороший, плохой, подлец, сволочь») и более конкретную оценку типа «добрый, вежливый, ленивый» [1 : 161]. Именно эмоциональная оценочная зона лежит в основе значения слова, а объективно-рациональная составляющая – это уже явление второго порядка [1 : 181].

Во-вторых, даже поверхностные наблюдения позволяют увидеть, что такая связь носит выражено национально-специфический характер. Таким образом, анализ данного поля дает возможность установить ряд этнических предпочтений и ценностей, характерных для сравниваемых народов. Важную роль здесь может сыграть рассмотрение внутренней формы того или иного слова. Ср. «Разные слова... раскрывают разные стороны одного и того же концепта. Альтернативные способы описания одного и того же возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах» [2 : 17].

Таким образом, тему данного исследования можно определить как сравнительный анализ речевого жанра обзываний в русской и немецкой языковых культурах. В ряде случаев внимание будет также уделено трудностям перевода эмоционально насыщенных слов и выражений, ибо, как известно, передача эмоций на языке другой культуры – одна из самых сложных задач, стоящих перед переводчиком.

В данном исследовании критически использована классификация и примеры соответствующего вокабуляра немецкого языка из ряда словарей, но преимущественно – из книги Ф. Кинера «Слово как оружие» [3 : 122–182] и словаря немецкой ненормативной лексики [4]. Примеры из немецкого языка с необходимыми изменениями и дополнениями будут сопровождаться русскими параллелями и комментариями.

Очевидно, что пренебрежительное отношение, выраженное в речи, следует рассматривать как вербальную агрессию в широком смысле слова. Существенную долю в вербальной агрессии занимают всевозможные оскорбительные обзывания, составляющие особый устойчивый тип высказывания, укладывающийся в стандартное определение жанра. Задача обзывания, как правило, заключается в понижении статуса оппонента, изображении его стоящим на более низкой социальной ступени, чем говорящий. Любая культура мира обладает определённым запасом подобных средств. Русская и немецкая культуры не составляют в этом смысле исключения. Однако особенности развития и той и другой культуры привели к тому, что средства понижения статуса оппонента порой достаточно сильно различаются.

Исследуемый словарь определен в книге Ф. Кинера как Schimpfen. Поэтому для начала имеет смысл уточнить содержание данного термина.

В немецком языке существуют понятия Schimpf и Flüch, первое из которых переводится как «оскорбление, поругание, обида», а второе – «проклятие». Однако иногда эти два слова используются как синонимы. В настоящем исследовании слово Schimpf понимается как «оскорбление» (resp. schimpfen «оскорблять», schimpflich «оскорбительный»). На с. 123 Кинер [3 : 123] предлагает длинный ряд синонимов глагола schimpfen, каждый из которых обладает своим собственным оттенком значения. Анализ всех этих значений не входит в задачи данного исследования. Все они преследуют одну цель: в самой резкой форме выразить свое негативное отношение к обозначаемому лицу, предмету, понятию и т.п.

Сравнивая Schimpf по Кинеру и понятие «инвектива», можно утверждать, что Schimpf – это скорее «оскорбительное слово», средство выражения пренебрежения, строительный материал для инвективы, которая, таким образом, в данном исследовании понимается как осуществление оскорбления, действие, синоним *инвективной деятельности*. Существенно, что понятие «пренебрежение» шире понятия «инвектива», ибо пренебрежительный отзыв может осуществляться довольно мягким способом, который порой трудно считать инвективным.

Анализируемое поле разбито на ряд разделов, однако очевидно, что какие-то из этих разделов неизбежно будут пересекаться, особенно в случае сложных существительных, отсюда спорность некоторых названий разделов.

Особый интерес представляет проблема перевода. В ряде случаев русский перевод немецкого обзывания звучит с позиции русской культуры сравнительно невинно и не выглядит как выражение пренебрежения; в других случаях резко различается «взрывчатая сила» того или иного слова: нем. Mist можно перевести как «дерьмо», но также и как «говно». Оба эти варианта просторечны и грубы, но второй звучит намного резче и оскорбительнее. Единственное будущее решение проблемы видится в проведении широкомасштабного исследования, результатом которого мог бы явиться список обзываний, градуированный по степени резкости. В таком случае, вероятнее всего, нем. Mist могло бы получить тот же «номер», что русский мат, а русское «говно» стояло бы много ниже. Отдельные попытки подобного рода пока носят предварительный и не всеобъемлющий характер.

Перейдем теперь к непосредственному анализу отдельных групп обзываний.

Части тела.

Вероятно, во всех культурах первое место из наименований тела в интересующем нас аспекте занимает **голова (Kopf)**. В основном она упоминается как вместилище человеческой глупости. Человеческий «низ» обыгрывается в обзываниях больше, чем «верх», но и этому последнему изрядно достаётся. В немецкой культуре это, например, *Eselkopf* («ослиная голова», *Esel* – «осёл»), *Sperlköpfi* (баварск. «воробьиная голова»: *Sperl(ing)* – «воробей»). «Воробьиная голова» в русской культуре невозможна, русские скорее скажут «*куриные мозги*». Жителя Севера немцы могут обозвать *Fischkopf* – «рыбья голова». Немецкое *Wirrkopf* означает «растрёпа», а также, метафорически, «путаник»; (*Wirr* – «запутанный, смутный, неясный»). *Dickschädel* – это «упрямец», «глупец», где *dick* – «толстый», *Schädel* – «череп, башка»; то же, что *Dickkopf*, *Doofkopf* или *Dummkopf* (*doof* – «дурной, дурацкий», *dumm* – «глупый»). То есть, если немцы для обозначения тупицы делают акцент на толщине черепной коробки, то русские – на ее прочности, непробиваемости («*твердолобый*», «*меднолобый*»). Впрочем, для обеих культур свойственно насмешливое указание на неподходящий материал, из которого якобы изготовлена голова: у русских это, как мы видели, медь, у немцев – дерево (*Holzkopf*).

Немцы уподобляют голову груше (*Birne*), русские скорее кочану капусты. В обеих культурах голова, точнее, мозги ассоциируются с крышей, нем. *Dach* (ср. рус. «*У него крыша поехала*»). У немцев это еще крышка или шапка (*Deckel*).

Нем. *Eierkopf* (*Eier* – «тестикулы») употребляется, по-видимому, в том же смысле, в каком русские сказали бы «*У него не голова, а жопа, он жопой думает*».

Лоб у русских, по-видимому, более популярен как средство обзывания. Однако у немцев очень грубо звучит *Hirntoter* («безмозглый»: *Hirn* – «лоб», *Toter* – «убийца»), *Hirnamputierter* (человек с ампутированным мозгом).

Не менее «почетное» место в списке соответствующих наименований занимают другие части головы, прежде всего **рот и нос**. Нем. *Großmaul*, досл. «большеротый» = «*горлопан, бахвал*»; (*groß* – «большой», *Maul* – «рот, пасть»). «Большой рот», «большеротый» в русской культуре скорее будет относиться к физическим особенностям человека, а не обозначать горлопана, то есть русская культура здесь концентрируется на исторгающем звуки горле, а не на рте.

Нем. *Pappermaul* означает болтуна (*Papper* – «болтовня»), досл. «болтливая пасть»). Русские ассоциируют такого человека с *трещоткой (тараторкой)* или, в случае «*болтуна*», приписывают ему процесс взбалтывания (очевидно, воздуха, или болтания языком).

Баварское *Noserer* («носатик, носач») мало отличается от русского варианта, хотя русские, скорее, говоря о носатом человеке, воспользуются чем-нибудь вроде «*Ну у него и шинобель!*» (искаженное нем. *Schnabel* «нос») или «*румпель*» (нем. *Rumpel*, означающее, однако, просто нечто старое, рухлядь), или «*клюв*», по ассоциации с крючковатыми носами крупных крылатых хищников.

Некоторые немецкие наименования подразумевают ассоциации, которые чужды русским традиционным представлениям: завистливая женщина в Баварии ассоциируется с **глоткой** *Schlund*. В русской культуре глотка упоминается разве что в сочетаниях «*лужёная глотка*» или «*драть глотку*», то есть эта часть человеческого организма ассоциируется с громким голосом, но никак не с завистью.

Тем не менее, глотка в немецкой культуре естественным образом ассоциируется еще и с жадным поглощением пищи: *Gierschlund* («обжора», досл. «жадная глотка»: *Gier* – «жадность», *Schlund* – «глотка»).

Немецкий скряга ассоциируется с **шеей** (*Hals*) и воротником (*Kragen*), т.е. по-немецки скряга – это *Geizhals* или *Geizkragen* – «жадная шея», «жадный воротник». Шея в русских обзываниях не участвует, если не считать косвенных к ней обращений типа «*Он из-за копейки удавится*» или «*удавка*» в смысле близкой угрозы.

Нем. *Grünschnabel* («молокосос», букв. «зеленоклювый»: *grün* – «зелёный», *Schnabel* – «клюв», также «рот человека»). В русской культуре рот редко ассоциируется с клювом, чаще это рот животного («*пасть*»), возможны отсылки функционального плана («*хлебoreзка*», «*хлебало*») и т.п. Что касается русских обозначений незрелого человека, о нем скажут, кроме «*молокосос*», еще и «*молоко на губах не обсохло*», «*щенок*» и т.п.

В русской культуре **ухо** не входит в список частей тела, пригодных для обзывания, в нем. *Schlitzohr* («пройдоха»; *Schlitz* – «прорезь, щель», *Ohr* – «ухо»). Вероятнее всего, имеется в виду человек, подслушивающий чужие секреты, рус. вариант – тот, кто *суёт нос не в своё дело*.

В немецком списке свое место занимают **конечности и пальцы**: *Hasenfuss* («трус»,

досл. «заячья лапка»: Nase – «заяц», Fuß – «нога»), *Langfinger* («воришка», досл. «длиннопалый»: lang – «длинный», Finger – «палец»). В русской культуре вор ассоциируется с длинными руками.

Кожа. В обеих культурах существует уничижительное наименование для малочувствительных людей типа «толстокожий». В немецком это *Dickhäuter* («толстокожий, бесчувственный»: dick – «толстый», Haut – «кожа, шкура»).

Немецкая и русская культуры охотно пользуются словарем из области **интимных частей тела**, однако для русских чрезвычайно мало характерно упоминание мошонки, ср. нем. *Flöhbeutel* («вшивец», досл. «мешок/мошонка паразитов»), *Trenzbeutel* («плакса», досл. «мешок/мошонка слёз» (trenzen = weinen, «плакать»). Русские могут легко обратиться к «*яйцам*».

Названия половых органов широко употребляются в обеих культурах, хотя и не всегда одинаково. *Fotze* («морда», «оплеуха», но также и «женский половой орган» (вульг.), ассоциация, неприемлемая в русском словоупотреблении. *Fose* («проститутка»), также «женский половой орган» (вульг.), *Schafzipfel* (досл. «овечий пенис»; Schaf – «овца», Zipfel – «кончик», также «пенис»), рус. соответствие «*хуй моржовый*» и т.п.

Заметная разница между двумя культурами – использование названий непосредственно коитуса. В русском ареале это прежде всего традиционный мат, занимающий, как известно, главное место в инвективном ряду. В немецком словоупотреблении мат почти полностью отсутствует. По причинам, о которых будет сказано ниже, мат не принят немецким языковым сознанием, хотя попытки его внедрения были, например, во время Первой мировой войны, когда его принесли в Германию немцы, побывавшие в русском плену. Тем не менее, в немецком языке достаточно много различных вульгарных наименований самого коитуса и половых органов [5]. Главное отличие в том, что в своем большинстве соответствующие немецкие наименования, в отличие от русских, не используются в качестве бранного вокабуляра. Исключения – *Ficksau* (прибл. «ёбаная свинья»: ficken – вульгарное обозначение полового акта, Sau – «свинья»).

Особо важное место в системе пренебрежительных обозначений в немецкой культуре играют наименования «человеческого низа», прежде всего, **ануса**. В первую очередь это *Arsch* (стилистически близкий русский вариант перевода – «жопа»). Это слово часто употребляется в составе сложных образований типа *Arschloch* («Дерьмо!», досл.

«дырка в жопе»). В русской культуре точное соответствие употребляется крайне редко, потому что «жопа» подразумевает, смотря по ситуации, как ягодичцы, так и анус. *Arschkriecher* («подхалим»: kriechen – «ползти», также «подхалимничать»). Этому выражению соответствует изысканное *Afterhöhlenforscher* – досл. «исследователь заднего прохода», а также *Analnakrobat*. Русские предпочитают «*лизоблюд*», хотя существует и «*жополиз*», равно как и выражения типа «он без мыла в жопу лезет».

Нем. *Arschfresse* (fressen – «жрать», Fresse – «морда») напоминает рус. «*хлеба-ло*», «*хлебобрезка*» в значении «рот». Однако в немецком это слово относится ко всему лицу.

Arschficker (досл. «жопоёб», ficken – «ебать»). Немецкий глагол ficken не употребляется, подобно русскому, в составе мата, которого, как указывалось выше, в немецкой культуре вообще нет, это просто вульгарное обозначение соответствующего акта, отчего производимое впечатление несколько иное, чем в русском языке.

Arsch mit Ohren (вариант – *Arsch mit zwei Ohren*) («толстая невыразительная физиономия», досл. «жопа с ушами»), – выражение, возможное в русском списке, хотя и не столь популярное. Приблизительно то же означает *Arschgesicht* (Gesicht – «лицо») и его усиление *Hyperarschgesicht*. *Bratarsch* – «жареная жопа» (braten – «жарить»).

Arschdokter/Arscheologe (о враче). Русские предпочли бы здесь, вероятно, «*говённый доктор*».

Glanzarsch (досл. «блестящая, отполированная жопа» – о госслужащем), *Arschpauker* (об учителе, Pauker – «литаврщик»). Иногда *Arsch* заменяется названием ягодичцы. Соответственно толстое лицо – *Arschbackengesicht* (Backe – «ягодица»). Причем возможно упоминание только одной ягодичцы: *Arschbacke* – приблиз. «полжопы»: Издевательское «уточнение» здесь звучит особенно выразительно. Этот прием используется и в русском языке: ср. рус. «*дурак*» // «*полудурак*».

Иногда сочетания с *Arsch* и *Backe* приобретают совсем неожиданное для русского уха значение: *Zeisig* – «чижик», и уже этого обозначения, казалось бы, достаточно для обзывания легкомысленного человека, ветрогона; однако немцы предпочитают сложное построение *Arschbackenzeisig* (вероятный перевод «полужопый чижик»).

В немецком списке бранных выражений заметное место занимают сочетания с обезьяной (Affe), символ глупости. Причем такое сочетание делает *Arsch* еще обиднее:

Affenarsch – «обезьянья жопа», тем более *Affenarsch mit Ohren* – та же часть тела, но уже с ушами, также *Affenarschimplantat*, вряд ли требующий перевода. *Affenarschgesicht* – лицо, ассоциируемое уже не с человеческой, а с обезьяньей задницей.

В немецком языке в изобилии встречаются **идиоматические выражения**, включающие *Arsch*: *Jemandem den Arsch bis zur Halsbinde (bis zum Halskragen, Kehlkopf, Kragenknopf, bis zum Maul, zum Scheitel* и т.п.) *aufreißen* («Разодрать к-л. жопу до галстука, воротника, запонок, рта (пасти), макушки и т.п.); *Ihm hängt der Arsch voll Tränen* – «У него жопа полна слёз» – о человеке в печальном настроении; *Jemand mit dem Arsch ansehen* – «видеть через жопу» – «быть невнимательным»; *Einen kalten Arsch kriegen* (досл. «получить холодную жопу» – «умереть», также «упасть», баварск. *An Arsch auskegeln* в том же значении. *Nur an arshvoll* – баварск. «немного»).

Соответствующее выражение использовал Норберт Винер, пренебрежительно отзываясь о квантовой теории: *“Die Quantentheorie wurde bekanntlich mit dem Arsch ersessen.”* («Как известно, квантовая теория высижена жопой») [3: 153]. В романе Гёте «Гётц фон Берлихинген» встречается пожелание *Leck mich am Arsch!* («Поцелуй меня в жопу!»).

Внимание к анусу в немецкой культуре понятно: чистоплотность, как известно, является одной из наиболее характерных черт немецкой культуры. Естественно поэтому, что наиболее видное место среди средств выражения пренебрежения принадлежит наименованиям, связанным с нарушением правил гигиены, а также «человеческим низом», ответственным за выделения. Ср. «Особенно многочисленны ряды производных в тех языках, которые тесно соприкасались с немецкой культурой, где концепты “испражнения” и “заднее место” в бранной лексике доминируют» [6 : 105].

«Человеческий низ» и секс связываются в немецкой культуре значительно меньше, чем в русской, наименования половых органов и коитуса играют здесь не столь значительную роль, и *Arsch* в пренебрежительных наименованиях очень мало ассоциируется с гомосексуализмом, хотя *Arschficker* может обозначать именно человека с нетрадиционной ориентацией.

Нет в русском и соответствующих эпитетов вроде «жоповый», скорее вместо него употреблялось бы «говённый» или «сранный». Фразеологизмов с «жопой» в русской культуре вряд ли меньше, чем в немецком:

ср. «Жопа с ручкой» – «неудачник», также «нечто ненужное», «жопа с ушами», как и в немецком, означает толстое и бессмысленное лицо, «старая жопа» – о непривлекательной внешности, «хитрая жопа», «хитрожопый» – о хитроумном человеке и т.п. Здесь можно вспомнить об «остаться с голой жопой», т.е. потерять всё свое имущество, «искать на свою жопу приключений», т.е. рисковать и, конечно, отсылы типа «Иди ты в жопу!».

Из других сочетаний, выражающих пренебрежение, распространены «жопоёб» и «жополиз».

По параметру чистоплотности вышеназванная группа обзываний тесно связана с названиями вообще грязи, нечистот и выделений. Это прежде всего *Dreck* («грязь, нечистоты»), *Dreckhaufen* («куча дерьма»), *Aas* («падь, мертвечина» → «пройдоха», «стерва», «пижон»), *Auswurf* («извержение, выброс» → «подонки»), *Rotz* («сопли»), *Schmutz* («грязь» в прямом и переносном смысле, «пакость»), *Unrat* («нечистоты, отбросы»), *Schmutzfink* («грязнуля, неряха, пачкун»: *Fink* – «легкомысленный человек», «мотылёк»), *Dreckbär* (нечистоплотный человек, букв. «сранный медведь»), а также многочисленные сложные слова с элементом *Scheiße* («говно»).

Последнее слово играет в списке немецких уничижительных выражений настолько важную роль, что Ф. Кинер рассматривает все формы с *Scheiße* в отдельной группе. Представляется, что выделять эту группу нет особых оснований, тем более, что *Scheiße* в сочетании с другими корнями нередко заменяется на уже упомянутые *Dreck* и *Mist* с тем же значением. *Scheiß* добавляется к любому предмету, о котором говорящий хочет отозваться с презрением или пренебрежением: Примеры: *Anscheißer* – «трус», т.е. от страха «наклавший в штаны»; буквальное русское соответствие «засранец» в значении «трус» не употребляется. Приблизительно в том же значении *Schisshase* (*Hase* – «заяц»), *Klugscheißer* («умник»: *klug* – «умный»), *Hosenscheißer* («засранец»: *Hosen* – «штаны», «брюки»), *Schleimscheißer* («подлиза, подхалим»: *Schleim* – «слизь, мокрота»), *Scheißkerl* («засранец»: *Kerl* – «парень»), *Scheißkram* («дрянь, чертовщина»: *Kram* – «старьё», «хлам»), *Scheißliberaler* («говённый/сранный либерал»), *Scheißuniversität* («говённый / сранный университет, *Scheißmorale* («говённая/сраная мораль»), *Scheißangst* («животный страх»), *scheißfreundlich* («лебезящий», «подлизывающийся»), *Scheißhaus* («нуж-

ник»), *Scheißwetter* («собачья погода») и даже *Scheißdreck* («испражнения, дерьмо», досл. «говённое говно»).

Из последнего примера видно, что перевод *Scheiße* как «говённый» не вполне верен, сегодня это слово практически обозначает просто сильную степень качества, выраженного вторым корнем, то есть что-то, подобное рус. «чёртов» или, в крайнем случае, «блядский».

Тем не менее, разница и здесь значительна, так как рус. «чёртов» отсылает к группе религиозных и мифических понятий, «блядский» – к сексуальным отношениям, в то время как *Scheiße* – скорее к понятию «грязь».

Это же слово входит элементом во множество немецких глагольных коллокаций: *jemandem beschießen* («обгадить», «запачкать», «оставить в дураках, околпачить»), *in der Scheiße sein* («оказаться в дерьме») и т.д.

Иногда слово *Scheiße* только подразумевается: *For Angst die Hose voll haben* («от страха наложить в штаны»).

Русское соответствие глаголу *scheißen* намного грубее – «срать». Наиболее вульгарное выражение пренебрежения в русской культуре: «Я с ним рядом срать не сяду!»

Использование существительного «говно» в русском и вообще славянском ареале широко развилось под влиянием немецкой культуры. Число сложных существительных с этим составляющим огромно. В словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [6] встречаются «говновоз» (ассенизатор), «говнодавы» (тяжелые рабочие сапоги), *говноёб* (медлительный, неповоротливый человек), *говноёд* (опустившийся, презираемый, вялый человек), *говномес* (активный гомосексуалист), *говносерка* (неряха, замарашка), *говным-говно* (нечто отвратительное; звуковая ассоциация с «давным-давно»), *говнюк* (дрянной человек) и др. Ср. также «Говно вопрос!» в смысле «Нет проблем!». Изредка «говно» употребляется для выражения пренебрежения, как в немецком: «говназия» (= гимназия). У «говна» довольно много фразеологизмов со значением пренебрежения: «говно на постном масле» – о чем-то ничтожном, «говна своего не даст» – о скупом человеке, «говно собачье» – о чем-то плохом и т.п.

По сравнению с немецкой соответствующая русская группа выглядит несколько иначе. Прежде всего, как уже указывалось выше, «говно» и его производные занимают в русской культуре только второе место после матерных слов и выражений. Соответственно выразительность этого слова значитель-

но слабее, а количество производных относительно невелико: «говешка», «говённый», «говнюк», «говноёд» плюс, естественно, всевозможные сочетания с суффиксами типа «говнецо».

То, что по своей взрывчатой силе немецкие скатологизмы ближе всего к русскому мату, хорошо почувствовал немецкий исследователь фон Тимрот, предложивший параллели «*Ёб твою мать!*» // *Verdammtter Mist!* («проклятое говно!») и «*Еби твою мать!*» // *Gottverdammtter Mist!* («богопроклятое говно!») [7 : 107–108].

Сказанное хорошо иллюстрируется примером из книги русскоязычной писательницы из Израиля Д. Рубиной, где описывается ужас ее немецкой переводчицы, которая сочла абсолютно непереводаемым обращение русскоязычной матери к сыну «*Свола-а-ач! Говнюк паршивый!*». По мнению немки, слова вроде «говнюк» уместны только в тюрьме или на стройке, но никак не в бытовом семейном разговоре матери с сыном («Общая газета». 21.1.2000).

Среди немецких скатологизмов стоит упомянуть и *Kack*: *Kackfrosch* (*Frosch* – «лягушка») и *Kackgack* (*gack* – подражание кудахтанью кур или гоготанию гусей, значение – «старый мешок» и «засранец»). Очень грубое наименование женщины – *Kackschlampe* (*Schlampe* – «стоптанная туфля» = «неряха», но воспринимается приблиз. как «сука»). В принципе в немецком, как и в русском словоупотреблении *Kack* соответствует детскому «какать», но в упомянутых сочетаниях оно ближе к «сраный».

В создании уничижительных слов и выражений значительную роль играют немецкие корни, обозначающие другие выделения: **мочеиспускание**: *brunzen*, *seichen*, *pissen*, *bisln*, которые дают бранные *Hosenbrunzer* (*Hosen* – «штаны»), *Bettsoicher* (*Bett* – «постель»), *Bettbrunza*, *Bettnässer*, *Bettpisser* (мочащийся в постель, рус. «зассанец»). Русская культура заметно меньше внимания уделяет мочеиспусканию.

Видное место в немецком списке уничижительных наименований играет **испускание газов**: *Pfurz*, *Bumbs*. Отсюда, например, уничижительные прозвища чиновников: *Sesselbumbser* (приблиз. «пердун в кресле»: *Sessel* – «кресло», *Bumbser* – «пердун»), *Kissenpuper* (приблиз. «пердун в подушку»: *Kissen* – «подушка», *Puper* – «пердун»), *Halbfurzer* (букв. «полупердун»: *halb* – «наполовину, полу-», *Furzer* – «пердун») и т.п.

Подгруппа «испускание газов» также хорошо демонстрирует разницу отношения к этому акту в двух культурах. Прежде всего, стоит отметить, что в русском языке даже не

существует слова для обозначения одноментного акта испускания газов (если не считать детского «пук»). Количественно эта группа очень невелика: «пердеть», «пёр(д)нуть», «пердун», «пердёж», «бздеть», «бздун» и немногие другие. Красочные немецкие сложные слова не имеют соответствий и практически неперевоимы. Из словосочетаний русская культура может предложить разве что «старый пердун/бздун» и немногие другие, менее популярные, например, пренебрежительное, но не обидное название короткой одежды «полуперденчик».

Носовая слизь: *Rotz* (также «сперма»). Производные от *Rotz*: *Rotzlöffel*, (Löffel – «ложка»), *Rotzbengel*, (Bengel – «мальчишка»), *Rotznase*, (Nase – «нос»), *Rotzbube* (Bube – «мальчик», «мальш» также «мошеник») – все со значением «сопляк».

В русской культуре слово «сопли» имеет очень мало пренебрежительного смысла и широко употребляется в прямом значении. «Носовая слизь» – исключительно медицинский термин. Производное – «сопливый» довольно часто употребляется как пренебрежительный эпитет: «сопливый мальчишка» (о взрослом человеке). «Сопляк» имеет только пренебрежительный, инвективный смысл. Просторечный глагол «сопливиться» пренебрежительного смысла практически не несет. Среди выражений стоит упомянуть «распутить соплю» = «расстроиться, упасть духом» или использованное российским президентом «жевать соплю» в смысле «медлить».

Слово *Spucke* («слюна») в качестве уничижительного немцами не употребляется, но, по словам Кинера, очень оскорбительно звучит *Vor dir spucke ich aus!* (*ausspucken* – «сплёвывать кому-либо под ноги в знак презрения», т.е. говорящий вербализует соответствующий жест: «Я плюю тебе под ноги!»).

Не полностью соответствуют и такие пары, как *Auswurf*, буквально означающее «выброс» / «извержение», и словарный перевод этого слова как «подонки»: русский вариант ассоциирует соответствующее понятие с неприятным и негодным к употреблению осадком на дне сосуда, в то время как в немецкой культуре речь идет, скорее, о естественных отправлениях или рвоте.

Таким образом, уже самые первые сравнительные наблюдения над русским и немецким словоупотреблением в области выражения уничижения и пренебрежения выявляют серьезные культурологические различия. Нет культуры, которая бы приветст-

вовала бытовую нечистоту, однако ряд культур, в первую очередь, немецкая (и, к слову, японская) занимают в соответствующем списке ревнителей чистоты первые места. Это отражается в количестве и выразительности уничижительных обзываний и, шире, инвектив, равно как и изобретательности всевозможных коллокаций. Если среди русских инвективных словоупотреблений первое место, безусловно, принадлежит связанному с сексуальной деятельностью, немецкая культура предпочитает все, имеющее отношение к нечистоте.

Поэтому безусловного внимания заслуживает деление культур, которое, в частности, изложено в книге В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Вслед за рядом зарубежных исследователей они предлагают различать 1) анально-экскрементальные, 2) сексуальные, 3) сакральные, богохульные культуры [6 : 33]. В некотором противоречии с названными авторами, целесообразно отнести к первым немецкую и японскую культуры, ко второй – часть славянских культур, в том числе русскую, к третьей – культуры ряда католических народов, где богохульства по-прежнему занимают заметное место (итальянская, польская). Само собой разумеется, что деление это достаточно условно, так как в любой культуре можно встретить все три типа, и говорить следует только о большем или меньшем весе той или иной группы. Кроме того, несомненно, что доминирование определенной группы подвержено динамике, ее влияние может со временем уменьшаться или увеличиваться. Например, в связи с падением роли религии в странах Западного мира соответственно падает и энергичность богохульств.

Практический вывод, следующий из этого обстоятельства, заключается в осторожном отношении к буквальному переводу соответствующих немецких слов и словосочетаний. В приведённом выше интервью с Диной Рубиной русское «говнюк» в устах русской матери звучит намного слабее, чем любое обзывание на немецком языке, связанное с *Mist* и им подобными словами. Поэтому в споре русского автора и немецкой переводчицы позиция последней выглядит намного убедительнее.

Дальнейшее развитие темы видится в тщательном изучении контекста, в котором употребляется бранное слово как в русском, так и в немецком языке. В зависимости от конкретной ситуации общения одно и то же слово может переводиться разными способами, и задача здесь – постараться избежать буквального перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стернин И. А., Розенфельд М. Я.* Слово и образ Воронеж : Истоки, 2008. 250 с.
2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. *Kiener F.* Das Wort als Waffe: zur Psychologie der verbalen Aggression. Göttingen, 1983. IV. Schimpfen. 304 p.
4. *Немецко-русский словарь современного сленга и ненормативной лексики.* М. : АСТ Восток-Запад, 2008. 219 с.
5. *Hunold G.* Sexualität in der Sprache. Lexicon des obszönen Wortschatzes. München, 1978. 222 p.
6. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы) СПб : Норинт, 2003. 448 с.
7. *Timroth W. von.* Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten der Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat) // Slawistische Beiträge. Bd. 164. München, 1983, pp. 7–73.

REFERENCES

1. *Sternin I. A., Rosenfeld M. Ya.* *Slovo i obraz* [The Word and the Image]. Voronezh, 2008. 250 p.
2. *Kubryakova E. S.* *Yazyk i Znanye* [Language and Knowledge]. Moscow, 2004. 560 p.
3. *Kiener F.* *Das Wort als Waffe: zur Psychologie der verbalen Aggression.* Göttingen, 1983. IV. Schimpfen. 304 p.
4. *Nemetsko-russkii slovar covremennogo slenga i nenormativnoi leksiki* [German – Russian Dictionary of Modern Slang and Substandard Vocabulary]. Moscow, 2008. 219 p.
5. *Hunold G.* *Sexualität in der Sprache. Lexicon des obszönen Wortschatzes.* München, 1978. 222 p.
6. *Mokienko V. M., Nikitina T. G.* *Slovar russkoi brani (matizmy, obsenizmy, evfemizmy)* [Dictionary of Russian Swearing (mat, obscenities, euphemisms)]. St.-Petersburg, 2003. 448 p.
7. *Timroth W. von.* *Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten der Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat)* // Slawistische Beiträge. Bd. 164. München, 1983, pp. 7–73.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ
КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

ADMINISTRATIVE ANNOUNCEMENT
AS A SPEECH GENRE

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена исследованию речевого жанра административного объявления в русском языке.

Административное объявление рассматривается как комплексный информативно-императивный жанр естественно-деловой письменной речи, фиксирующий изменения, происходящие не только в коммуникации, но и в обществе в целом.

Будучи текстом административно-регулятивного характера, административное объявление выполняет важную функцию в процессе регулирования социального взаимодействия. Функционируя в различных коммуникативных сферах, административное объявление отражает черты соответствующих типов дискурсов, оставаясь при этом целостным речевым жанром. Он создается в соответствии с определенными национальными традициями с применением соответствующих речевых стратегий и тактик. На основании степени официальности административного объявления выделяется ядерная и периферийная зоны данного речевого жанра. Исследование административных объявлений городов России позволяет сделать вывод о том, что в последнее время наметилась тенденция к распространению его периферийных форм, что отражает современную коммуникативную ситуацию.

Ключевые слова: административное объявление, речевой жанр, коммуникативные стратегии и тактики, адресант, адресат, побуждение.

Abstract. This article is devoted to studying the administrative announcement as a speech genre in Russian language.

Administrative announcement is considered as a complex informative and imperative speech genre of natural and official written language, which register changes in communication and culture.

Administrative announcement as an administrative and regulating sort of text completes an important role in social interaction regulating. It functions in different communication fields and represents features of corresponding discourse types remaining the integrate speech genre. It is formed by means of specific communication strategies and tactics corresponding to the national traditions. On the basis of officiality grade there were outlined core of meaning and it's field of the given speech genre. The research of administrative announcement in Russian cities allows to make a conclusion that last time there is a trend to use it's peripheral forms. In our point of view this trend is reflective of modern communicative situation.

Key words: administrative announcement, speech genre, communication strategies and tactics, communication, culture characteristics, value systems.

Сведения об авторе: Карпова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Национальный исследовательский Томский государственный университет, факультет иностранных языков.

E-mail: natakarpova@sibmail.com

About the author: Karpova Natalia Alexandrovna, PhD, associate Professor of the Department of English Philology.

Place of employment: National Research Tomsk State University, Foreign languages faculty.

Происходящие в обществе социокультурные изменения, прежде всего, глобализация мирового культурного пространства, неизбежно оказывают влияние на письменную и устную коммуникацию, что находит отражение в двух основных тенденциях. Во-первых, появляются новые жанры речи: граффити, прямая линия, телеконференция, различные жанры интернет-общения и мн. др. Во-вторых, существующие речевые жанры претерпевают существенные изменения. К числу таких РЖ относится, в частности, жанр

административного объявления, который на сегодняшний день находится в процессе становления и в последнее десятилетие переживает значительные трансформации.

Административное объявление (далее – АО) является одним из информативно-императивных жанров речи, отражающих специфику современной коммуникации, что проявляется на всех уровнях языка, в особенности на стилистическом и синтаксическом. Тексты административно-регулятивного характера выполняют значимую роль в

процессе регулирования социального взаимодействия, что обуславливает устойчивый интерес современных лингвистов к данному типу высказываний (см. работы М. Г. Безяевой, Л. Б. Бойко, Т. М. Большаковой, А. Вежицкой, Я. Н. Еремеева, Н. Б. Лебедевой, Б. Ю. Нормана, С. Г. Тер-Минасовой и др.).

В работах исследователей используются различные обозначения, отражающие императивную направленность и административную функцию изучаемого явления. Как мы уже сказали, мы предлагаем именовать их административными объявлениями, поскольку данное понятие отражает не только основную реализуемую функцию, но и материальную форму существования жанра. АО рассматривается как информативно-императивный РЖ, представленный преимущественно краткими письменными текстами, расположенными в общественных местах и нацеленными на побуждение адресата к действию.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать характеристику административного объявления как РЖ и продемонстрировать актуальные тенденции в его изучении. В ходе исследования было проанализировано более 600 русских АО, собранных автором в Томске, Новосибирске, Москве, а также найденных в сети Интернет.

АО представляет собой сложное явление, текст, сочетающий естественное и искусственное начала и ориентированный на конкретный экстралингвистический результат. АО функционирует в различных коммуникативных сферах: в транспорте, магазине, учебных заведениях, в учреждениях общественного питания, общественных местах, на улице и в других местах, где возникает необходимость регулирования поведения людей. В соответствии с особенностями коммуникативной сферы текст АО может приобретать характерное лексическое и стилистическое оформление, однако вне зависимости от конкретных условий общения административное объявление существует в виде устойчивой модели с присущими ей жанровыми признаками.

В настоящее время одним из наиболее распространённых и эффективных способов упорядочения, описания и классификации текстов является жанровое моделирование. В рамках настоящего исследования используется именно данный подход.

На основе описательных моделей речевого жанра Т. В. Шмелёвой и Н. Б. Лебедевой нами была разработана модель анализа, учитывающая специфику изучаемого материала. Она включает лингвистические и паралингвистические параметры, позво-

ляющие учитывать как естественноречевую природу административного объявления, так и жанровую основу его существования. Лингвистические параметры предполагают описание коммуникативной цели, образа автора, образа адресата, структуры (композиции) жанра объявления, языкового воплощения. К паралингвистическим (невербальным) признакам административного объявления относятся субстрат, носитель субстрата, графико-пространственный параметр знака (соотношение с др. семиотическими системами – невербальные средства). Важной особенностью, принципиально отличающей АО от других речевых жанров, является нацеленность на конкретный экстралингвистический результат. Оно ориентировано на восприятие его адресатом и предполагает ответную неречевую реакцию, что указывает на его диалогическую природу.

В соответствии с данными жанрообразующими признаками АО как речевой жанр можно охарактеризовать следующим образом: 1) АО реализует административную функцию регулирования социального взаимодействия людей в процессе коммуникации; 2) коммуникативная цель высказывания состоит в информировании и побуждении адресата к действию; 3) коммуникативный статус адресанта в большинстве случаев выше статуса адресата, что позволяет автору сообщения предписывать адресату определенные действия; 4) коммуникативная ситуация характеризуется, во-первых, опосредованностью во времени и пространстве, во-вторых, наличием такого положения вещей, которое необходимо изменить, предотвратить или сохранить в неизменном состоянии, в-третьих, дефицитом времени; 5) временные параметры объявления характеризуются наличием определенного «срока годности», в течение которого объявление остается актуальным; 6) результат административного объявления проявляется на экстралингвистическом уровне и отражается в совершаемых адресатом поступках.

Административное объявление рассматривается в рамках административного дискурса, который выделяется нами в пределах более общего образования – делового дискурса на основе ментально-языкового способа репрезентации определенного коммуникативного пространства.

Специфика делового дискурса заключается в том, что он отражает в большинстве случаев стереотипные ситуации, связанные с констатацией нормативного положения дел и предписанием действий, одобряемых с правовой точки зрения, а также с запретом не одобряемых обществом действий. Отличи-

тельной чертой делового дискурса является яркая эксплицированность модуса должностного обслуживания. Данный дискурс обслуживается специфической подсистемой языковых средств. Эти языковые средства детально описаны в рамках функциональной стилистики, в которой отмечается, что для официально-делового стиля речи свойственны «объективность, абстрагированный (неличный) характер изложения, точность (обязательная однозначность) речевого выражения, стандартизованность речи» [1 : 212–213].

Уровень требований, предъявляемых к реализации свойств официально-делового стиля, варьируется в зависимости от уровня коммуникации. Объявление не имеет статуса официального документа, поскольку не предполагает наличия реквизитов, печати. Вместе с тем, прототипический принцип классификации, получивший обоснование в рамках когнитивной лингвистики, позволяет классифицировать объявление как жанр деловой коммуникации [2 : 235].

Административный дискурс, будучи разновидностью делового дискурса, отражает ситуацию взаимодействия между управленческим аппаратом (а также и внутри этого аппарата) и работниками того или иного учреждения, предприятия, организации. В фокусе нашего внимания находятся объявления, отражающие ситуации внешнего и внутреннего общения в рамках административного дискурса [3 : 38]. Однако объявления функционируют в разных сферах, которые предполагают различные нормы коммуникации, в связи с чем изменяется их форма: от строго официальной до иронично-насмешливой. Этим обусловлено исследование АО как жанра естественно-деловой речи.

Данный термин введен О.П. Сологуб для обозначения текстов, представляющих «результат сложного переплетения естественного и искусственного начал, причем границы между последними весьма подвижны, что свидетельствует о разном качестве текстов, функционирующих в сфере деловой коммуникации, и прежде всего – о разной степени их официальности, являющейся основанием для определения характера реализации тенденции официализации» [4 : 85].

Будучи жанром естественно-деловой письменной речи, АО характеризуется письменной формой, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения. АО как средство регулирования общественного поведения встречается повсеместно, отражая черты соответствующих типов дискурсов. При этом существуют выработанные временем традиции создания АО, в соответствии с

которыми они должны быть краткими, четкими и соответствовать основным правилам речевого этикета. Я. Н. Еремеев отмечает, что для успешной реализации замысла автора сообщения текст, с одной стороны, не должен показаться адресату чересчур «невежливым», категоричным, а с другой стороны, позиция автора должна быть представлена в тексте высокоавторитетной, а его указания – законными, разумными, не подлежащими сомнению и различным толкованиям [5 : 13]. Достаточно часто административные объявления действительно соответствуют данным правилам. Например:

- (1) *Посторонним вход воспрещен!*¹
- (2) *Осторожно! Злая собака!*
- (3) *В кассе справок не дают.*

Форма данных объявлений в полной мере соответствует ожиданиям представителей русского лингвокультурного сообщества, что отражается в использовании речевых клише. В целях речевой экономии автор счел возможным пренебречь знаками речевого этикета, что вполне оправдано, поскольку коммуникативная цель сообщения достигается в условиях дефицита времени. Отсутствие маркеров вежливости не мешает адекватному восприятию текста объявления, а, напротив, способствует высокой скорости прочтения и экстралингвистической реакции адресата.

На восприятие объявления оказывают влияние материальный носитель информации, субстрат (бумажный лист, жестяная табличка и т.п.), способ нанесения надписи (рукописный, печатный, с изображением, выделением цветом и др.), место расположения (специально организованная доска объявлений, опора линии электропередач, стена лифта, дверь подъезда и т.д.), а также непосредственно языковая форма его воплощения.

Анализ АО в современном русскоязычном коммуникативном пространстве показал, что в большинстве случаев они выполняются силами автора сообщения при помощи компьютера и печатаются на листе формата А4. Характерной особенностью таких объявлений является возможность внесения рукописных изменений, что подчеркивает естественноречевую природу АО, а также его способность к оперативному реагированию на складывающуюся ситуацию с целью предупреждения негативных последствий для ее участников.

¹ Во всех примерах сохранены орфография и пунктуация источника.

Диалогическую природу АО ярко иллюстрирует следующий пример (рис.1):

Рис. 1

Как видим, диалог разворачивается фактически в тексте объявления, размещенного на стене в туалете учебного заведения. Объявление составлено предельно корректно, с соблюдением норм вежливости и содержит обращение, подпись и альтернативный вариант действий адресата. Однако адресат неудовлетворен и требует объяснения причин запрета, аргументируя своё желание натягивать подрамники именно в туалете тем, что здесь, в отличие от мастерской, есть вода. На наш взгляд, ключевую роль при этом играет фактор анонимности и удаленности коммуникантов во времени и пространстве, что создает благоприятную почву для вступления адресата в полемику с администрацией.

Интерес представляет также графико-пространственный параметр знака – соотношение с другими семиотическими системами: применение шрифтовых и цветовых выделений, дополнение текста объявления изображениями и т. д. В ходе проведенного нами исследования мы выявили тенденцию к увеличению числа нестандартных объявлений, текст которых сопровождается иллюстрациями, начертан необычным шрифтом или окрашен в различные цвета. Например (рис. 2):

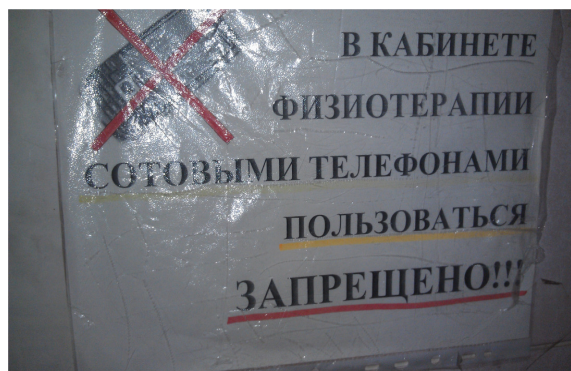

Рис. 2

Следует обратить внимание на то, что текст данного объявления напечатан при помощи черно-белого принтера, однако ключевые слова подчеркнуты разными цветами. Для большей наглядности на объявлении имеется перечеркнутое изображение мобильного телефона.

Значимым при восприятии объявления является также и место расположения АО. Они могут располагаться как в местах, специально отведенных для их расклейки – на досках объявлений, – так и в местах, не предназначенных для этого. В связи с необходимостью оперативного регулирования поведения в изменяющихся условиях, административные объявления имеют тенденцию размещаться в местах, где они с наибольшей вероятностью будут прочитаны: на входной двери, на боковом стекле в салоне автобуса, на фасаде здания, на стреле экскаватора и т.д. В качестве примера приведем объявление, размещенное на дереве (рис. 3):

Рис. 3

На наш взгляд, территориальный фактор влияет на степень официализации текста объявления: объявления официального характера, например, те, в которых коммуникативный статус адресанта позволяет выполнять административные функции, размещают в специально отведенных местах; объявления неформального характера (например, содержащие стилистические и лексические признаки разговорной речи, объявления без подписи) могут располагаться практически в любом месте.

Содержание объявлений, отражающее внеязыковую действительность, также претерпевает изменения в последние годы. Основная часть АО отражает коммуникативную ситуацию, направленную на сохранение положения вещей и предполагающую информирование адресата о правилах поведения

в определенном учреждении. Так, в русском языке объектами (свойствами, предметами и т.д.), подлежащими сохранению, являются чистота и имущество (градусники, лифты, ценные вещи, документы, посуда и т.д.) [2 : 43]. Например:

(4) Уважаемые жильцы и квартиранты 1-ого подъезда!!! Не запускаете в подъезд посторонних 11 февраля 2008г. три пацана попытались разобрать лифт.

Приведенное объявление служит наглядным примером бдительности жильцов, их бережного отношения к собственному жилищу и является проявлением внимания к соседям. Просьба не впускать в подъезд посторонних аргументирована и отвечает интересам всех жильцов подъезда. Наличие фактической информации – указания конкретной даты происшествия – подтверждает обоснованность опасений адресанта и способствует достижению желаемого перлокутивного эффекта. Заметим, что текст объявления сочетает в себе черты официально-делового и разговорного стилей речи, что является наглядным проявлением тенденций официализации – деофициализации и свидетельствует о естественноречевой природе РЖ АО.

Содержание АО может быть реализовано посредством различных средств языкового воплощения. К. Ф. Седов отмечает, что вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется стратегиями и тактиками речевого поведения. Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение, и влияют на тактические предпочтения говорящего [6 : 73]. Е. С. Попова уточняет, что стратегия может быть направлена на достижение как коммуникативной, так и практической цели и рассчитана на достижение определенного перлокутивного эффекта [7 : 277].

Будучи нацеленным на реализацию конкретной речевой задачи адресанта, административное объявление имеет целью определенное воздействие на адресата, то есть служит средством воплощения стратегического замысла автора. В соответствии с основной стратегической задачей – побудить к действию, – автор применяет ряд коммуникативных тактик, способствующих реализации намеченной стратегии. В данной работе коммуникативные (речевые) тактики рассматриваются как минимальные речевые

действия, ведущие к достижению коммуникативной цели в рамках речевой стратегии в соответствии с избранным РЖ.

Замысел адресанта может реализовываться при одновременном использовании нескольких тактик, что указывает на комплексный характер РЖ АО. В структуре РЖ АО на основании преобладающей коммуникативной цели и формы ее реализации нами были выделены три основные группы коммуникативных тактик, соотносимых с элементарными РЖ: императивные, информативные и этикетные. Особенность этикетных РЖ (благодарность, извинение) в структуре РЖ АО состоит в том, что они функционируют только как сопутствующие информативным или императивным, которые самостоятельно могут образовывать текст объявления. К информативным РЖ в составе АО относятся предостережение, предупреждение, информирование и разрешение. Корпус императивных РЖ составляют запрет, требование, просьба, напоминание, угроза. Обращение к этикетным РЖ (благодарности, извинению за доставленные неудобства, предпочтению просьбы запрету и т.д.) и использование лексических маркеров вежливости – обращения, подписи, частицы *пожалуйста* и т.д. – свидетельствует об ориентации адресанта на доброжелательность и учет в процессе общения интересов обоих участников коммуникации. Данная тенденция соотносится с русской культурной традицией речевого общения, которое, по словам Т. А. Демешкиной, воплощает «принцип гармонирующего диалога, цель которого – не воздействие на волю и эмоции собеседника, а взаимодействие с ним» [8 : 89].

По мнению Н. И. Формановской, вежливость является необходимым условием общения, особенно при исполнении побуждений, поскольку при побудительном действии адресат является будущим исполнителем того, чего хочет говорящий [9 : 100]. Вместе с тем исследователи (Н. И. Формановская, Г. Р. Шамьенова) обращают внимание на то, что категория вежливости избирательна по отношению к разным типам РЖ и в каждом имеет свои особенности функционирования с точки зрения обязательности/необязательности исполнения.

Формы реализации коммуникативной стратегии варьируются в зависимости от конкретных обстоятельств, особенностей коммуникантов и коммуникативной ситуации. Приведем количественные результаты исследования элементарных речевых жанров, используемых в административных объявлениях в русском языке.

Таблица 1. Элементарные речевые жанры в составе РЖ административного объявления

императивные	%
Запрет	16,7%
Требование	20,7%
Просьба	18,3%
угроза	1,3%
напоминание	3,3%
информативные	
предостережение	4,0%
предупреждение	2,8%
информирование	26,9%
разрешение	2,9%
этикетные	
благодарность	2,3%
извинение	2,3%
Всего	617

Важно отметить, что избранная адресантом коммуникативная тактика может быть реализована как прямо, так и косвенно.

К *прямым речевым жанрам* относятся такие, коммуникативная цель которых соответствует грамматическому и лексическому значению высказывания. Например:

(5) *Гардероб не принимает головные уборы и не отвечает за содержимое карманов.*

В данном случае побуждение обладает семантикой запрета, оформленного посредством семантически и структурно повествовательного предложения, информирующего о принятых в данном заведении правилах.

Косвенным речевым жанром называют такое высказывание, коммуникативная цель которого не находит прямого отражения в языковой структуре высказывания, но выводится адресатом по правилам имплицатур – из коммуникативной ситуации и с учетом условий его реализации.

Например, табличка в автобусе с изображением марсианского пейзажа и инопланетян:

(6) *Чем дольше ты молчишь, тем дальше уедешь.*

Прагматический потенциал данного примера позволяет интерпретировать его как просьбу громко называть водителю остановку, на которой адресат желает выйти. При этом побуждение не основано на приоритетной позиции адресанта, в связи с чем он не влияет на принятие адресатом решения о совершении/несовершении задуманного поступка.

Динамический характер происходящих в обществе процессов в последние годы определил доминирующую тенденцию современной коммуникации к расшатыванию норм речевого общения, размыванию границ коммуникативных пространств. В первую очередь данная тенденция находит отражение в письменной коммуникации, характеризующейся использованием элементов разговорной речи – лексических, синтаксических, стилистических. По замечанию Т. А. Демешкиной, «проникновение в письменную речь элементов разговорной и просторечной речи приобрело системный характер и сформировало новый речевой феномен – естественную письменную речь» [2 : 234]. В соответствии с этим принципом фактически сформировался новый класс объявлений – ироничные объявления, имитирующие устную разговорную речь и имеющие соответствующую стилистическую окраску. Хочется обратить внимание на то, что большинство ироничных объявлений расположены в городском транспорте, точнее, в маршрутных такси – маршрутках, которые появились относительно недавно – в последние 12–15 лет. Будучи порождением современного общества, они впитали в себя особенности городской культуры, которая на языковом уровне проявляется в предпочтении естественного разговорного языка официальному. Использование нестандартизованных креативных формулировок вместо традиционного авторитарного императива при реализации директивной интенции приводит к достижению желаемого перлокутивного эффекта благодаря созданию благожелательной атмосферы, одновременно выполняя развлекательную функцию. Ср.:

(7) *Самостоятельно включать аттракционы категорически запрещено;*

(8) *Об остановках предупреждайте громко и заранее, чтобы глухой водитель успел переставить свой протез с газа на тормоз!*

Данные объявления различаются как по структуре, так и по способу языкового воплощения. Побуждение в первом приведенном тексте имеет семантику запрета, во втором – предписания, требования, которое подкрепляется разъяснением причин его появления, соответствующим интересам адресата сообщения. Адресант сообщения в обоих случаях не назван, однако в сознании адресата он легко восстанавливается из контекста: категорический запрет наиболее вероятно исходит от представителя администрации учреждения, гостем которого он яв-

ляется, а требование, выраженное глаголом в форме 2 лица множественного числа в повелительном наклонении, – от равного по статусу коммуниканта. Применение иронии как риторического приема способствует достижению поставленной коммуникативной цели – побудить адресата к определенному действию. Различаются данные объявления и по невербальным параметрам: при создании текста (8) используются цветные и шрифтовые выделения.

Исследование нормативного аспекта языкового воплощения АО позволило сделать вывод о том, что характерной особенностью данного РЖ является систематическое нарушение пунктуационных и орфографических норм русского языка, а также синтаксическая несогласованность. Например:

(9) *Уважаемые квартиросъёмщики! оплачивая коммунальные услуги до 25 числа Вашей фамилии здесь не будет и Вам не будет стыдно перед соседями.*

В данном примере проявляются две противонаправленные тенденции официализации – деофициализации: с одной стороны, автор стремится оформить высказывание в соответствии с особенностями жанра, соблюдая его формальные признаки. С другой стороны, желание автора наиболее доходчиво и ясно выразить свою мысль обуславливает употребление лексики, предпочитаемой в обиходно-разговорной речи, вскрывая невладение автором официально-деловым языком, что приводит к нарушению норм употребления деепричастных оборотов.

Анализ АО в соответствии с жанрообразующими признаками обнаруживает ряд особенностей изучаемого РЖ – во-первых, вариативность языкового воплощения замысла автора по степени официальности. На основании этого признака АО может быть представлено в виде модели с полевой структурой. В качестве ядра этой модели рассматривается текст объявления, коммуникативным центром которого является побуждение адресата к предписываемому адресантом действию, выраженное при помощи стандартизованных формулировок, принятых для общения в официальной обстановке. При этом подразумевается, что коммуникативный статус адресанта выше статуса адресата, то есть перлокутивный эффект в данном случае основан на наличии компонента власти в отношениях коммуникантов. На периферию выносятся объявления, не основанные на статусном превосходстве адресанта. Их форма и ком-

позиция может быть произвольной, не соответствующей традиционным представлениям носителя языка об объявлении как РЖ. К таковым относятся прежде всего шуточные, ироничные объявления, которые характеризуются функционированием в неофициальной обстановке общения, допускают использование неформальной разговорной и просторечной лексики. Текст объявления при этом зачастую сопровождается иллюстрациями.

Во-вторых, в предпочитаемых автором речевых средствах проявляется доминирующий принцип формирования текста объявления – естественность как противопоставление искусственности. Она находит отражение в использовании средств обиходно-разговорной речи, в нарушении синтаксических и пунктуационных норм русского языка. Естественность и непринужденность речевого общения, его диалогический характер проявляются также и в форме материального существования объявления, которое допускает рукописные исправления и дополнения, что снижает официальность текста.

Тексты АО различаются по степени представленности в их структуре элемента волеизъявления. На основании этого признака выделяются прямые и косвенные средства выражения авторского замысла. В косвенных высказываниях план содержания не соответствует плану выражения, в связи с чем их смысл может быть интерпретирован по-разному в зависимости от параметров конкретной речевой ситуации.

Таким образом, исследование, проведенное на материале административных объявлений городов России, свидетельствует о том, что в последнее время обозначилась тенденция к отступлению от стандартизованных текстов при создании АО. Расшатывание норм и размывание границ коммуникативных пространств в последние два десятилетия привели к возникновению новых форм АО. Использование синтаксических, лексических и стилистических средств, ранее не допустимых в объявлениях, позволяет говорить об административном объявлении как о новом жанре речи, отражающем культурные изменения в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта ; Наука, 2003. 518 с.
2. Демешкина Т. А. Речевой жанр как форма отражения социокультурной динамики (на материале русского и немецкого языков) // Русский

язык в современном мире : материалы второй междунар. науч. конф. М. : Изд-во. Высш. шк. перевода МГУ, 2011. С. 234–237.

3. Демешкина Т. А., Карпова Н. А. Административный дискурс в немецком и русском языках // Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах : сб. матер. российско-германского семинара 27 июня–3 июля 2009 г. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. С. 36–46.

4. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. 330 с.

5. Еремеев Я. Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 223 с.

6. Седов К. Ф. Дискурс и личность : Эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.

7. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 276–288.

8. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания: аспекты семантики Томск, 2000. 184 с.

9. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика М. : Икар, 2007. 480 с.

REFERENCES

1. Uchebnyi slovar: russkii yazyk, kultura rechi, stilistika, ritorika [Learner's dictionary : Russian language, speech culture, stylistics, rithorics]. Moscow, 2003. 513 p.

2. Demeshkina T. A. Rechevoi zhanr kak forma otrazheniya soziokulturnoi dinamiki (na materiale russkogo i nemezkogo yazykov) [Speech genre as a form of expression of sociocultural dynamics (Russian and German languages studies)]. *Russkiy jazyk v*

sovremennom mire : materialy vtoroi mezhdunar. nauchn. konf. [Russian language in modern world : II international scientific conference materials]. Moscow, 2011, pp. 234–237.

3. Demeshkina T. A., Karpova N. A. Administrativnyi diskurs v nemeckom i russkom yazykah [Administrative discourse in German and Russian languages]. *Russkoe v nemeckih diskursah, nemeckoe v russkih diskursah: sb. materialov rossiiskogermandskogo seminar 27.06–3.07. 2009* [Russian features in German discourses, German features in Russian discourses]. Tomsk, 2009, pp. 36–46.

4. Sologub O. P. *Russkiy delovoi text v funkcionalno-geneticheskom aspekte* [Russian business text in functional and genetic aspect]. Novosibirsk, 2008. 330 p.

5. Eremeev Y. N. *Direktivnye vyskazyvaniya kak komponent kommunikativnogo processa.* [Directive statements as communicative process element. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2001. 223 p.

6. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost' : evoliuciya kommunikativnoi kompetencii* [Discourse and person: communicative competence evolution]. Moscow, 2004. 320 p.

7. Popova E. S. *Struktura manipulativnogo vozdeistviya v reklamnom diskurse* [Structure of manipulative influence in PR discourse.]. *Izvestia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of Ural State University]. Ekaterinburg, 2002, no. 24, pp. 276–288.

8. Demeshkina T. A. *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya: aspekty semantiki* [Theory of dialectal statement: semantics aspects]. Tomsk, 2000. 184 p.

9. Formanovskaya N. I. *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikaciya i pragmatika* [Communicative interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007. 480 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 82.09-22

ББК ББК 81.2Рус-5+81.2Англ-5

В. И. Карасик
(Волгоград, Россия)

V. I. Karasik
(Volgograd, Russia)

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КОМИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЕ

POETIC REFLECTION IN A COMIC MINIATURE

Аннотация. Рассматриваются комические короткие стихотворения разных типов. Установлено, что эти миниатюры в их жанровых границах избирательно выражают разновидности смехового отношения к действительности, при этом авторские произведения охватывают весь диапазон видов комического – юмор, иронию, сатиру, в то время как фольклорные тексты воплощают юмор и насмешку. Описаны основные приемы создания комического эффекта в поэтических миниатюрах (стилевое рассогласование между началом и завершением текста, языковая игра со звуковыми совпадениями и преобразованиями слов, с каламбурами и окказиональными образованиями, аллюзии). Выделены две разновидности юмора: смеховое обыгрывание нонсенса как невозможного положения дел и абсурда как алогичного сопряжения разных позиций участников комической ситуации. Нонсенс характерен для англоязычных смеховых текстов, комический абсурд типичен для русской лингвокультуры.

Ключевые слова: комическое стихотворение, юмор, ирония, сатира, нонсенс, абсурд.

Abstract. The article deals with comic short poems of various types. It is found that these miniatures in their genre borders selectively express varieties of comical attitude to reality: authorial texts comprise the all comic types (humour, irony, satire) whereas folklore texts express humour and mockery. Main means of comical effect in poetic miniatures are described including style incongruences between the beginning and end of a poem, language play with sound form coincidences, nonce words and allusions. Two types of humour are discussed, nonsense and absurdity, the former being a comical representation of something impossible, the latter being an illogical combination of comic situation participants different positions. Nonsense is typical of English speaking cultures and absurdity is habitual for a Russian attitude to life.

Key words: a comic poem, humour, irony, satire, nonsense, absurdity.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, doctor of Philology, Professor, Chair of the English Philology Department.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Комические стихотворные миниатюры – органическая часть поэтической картины мира. Эти произведения бывают фольклорными и индивидуально-авторскими, они строятся по определенным жанровым канонам, у них есть периоды расцвета и упадка. Жанровые каноны, этнокультурная специфика и тенденции развития таких текстов еще недостаточно освещены в научной литературе, хотя определенные характеристики вербализации комического привлекали к себе внимание исследователей [1–13].

Эпиграмма – короткое сатирическое стихотворение, колкая насмешка, обращенная к определенному лицу – была известна еще в античности:

В ночь пред кончиной своей явился ты, Кан, за подачкой,

Умер ты, Кан, оттого, что лишь одну получил.
(Марк Валерий Марциал).

Эпиграммы высмеивают человеческие пороки, при этом степень язвительности может быть различной [14–16]. Примером острой язвительной насмешки является приписываемая М. Ю. Лермонтову эпиграмма:

*Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре!*

Чем вызвана насмешка? Вряд ли ее источником является внешность той особы, которая подошла к поэту с распахнутым альбомом (умение экспромтом сочинить остроумную эпиграмму считалось обязательным для каждого светского человека). Вероятно, причиной для язвительной на-

смешки послужила уверенность дамы в том, что поэт обязан сделать ей тонкий комплимент под видом колкости.

Классическим образом саркастической эпиграммы является характеристика графа М. С. Воронцова, данная А. С. Пушкиным:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

В этом тексте отражено то, что герой эпиграммы, сын русского посла в Лондоне, смелый и опытный офицер и весьма образованный человек, будучи Новороссийским генерал-губернатором, руководил некоторыми коммерческими проектами. Неприязнь поэта к вельможе выражена в прямом оскорблении, причиной которого считают недостойное поведение ревнивого графа по отношению к А. С. Пушкину.

Эпиграммы обличают не только пороки людей, но и недостатки вкуса:

*Без музыки не может жить Парнас.
Но музыка в твоём стихотвореньи
Так вылезла наружу, напоказ,
Как сахар прошлогоднего варенья.*

(С. Маршак).

Опытный поэт критикует своего коллегу, по-видимому, начинающего, за отсутствие меры в использовании определенных технических приемов в поэтическом тексте – аллитерации, звуко-символических повторов, либо размера, не соответствующего стилю и тематике стихотворения.

В наши дни эпиграммы значительно сузили аудиторию своих адресатов. Если в XIX веке в России этот жанр был своего рода камертоном для настройки тональности светской беседы, необходимым компонентом которой была строго дозированная колкость, то для наших современников эпиграмма ассоциируется с творческими вечерами, капустниками. Не случайны поэтому эпиграммы в актёрской среде. Мастером таких произведений считается В. Гафт, которому принадлежит целая серия миниатюр, посвященных товарищам по сцене. Например, известному актеру Л. Броневому, блестяще сыгравшему роль шефа гестапо Мюллера в культовом советском сериале «Семнадцать мгновений весны», дана такая характеристика:

*От славы одуревший,
Теперь на все горазд,
И сам себе завидует,
И сам себя продает.*

В данном случае на актера перенесены характеристики персонажа – хитрого, жестокого и беспринципного политика Третьего рейха.

То обстоятельство, что эпиграммы стали менее колкими, чем в прежнее время, в определенной мере отражает сходство их эволюции с карикатурой, переходящей в дружеский шарж.

Эпиграмма носит подчеркнуто личностный характер – мы знаем, как правило, авторов этих текстов и можем догадываться о том, кто является объектом насмешки. Эти объекты могут быть названы прямо (обычно в посвящении), их имена могут быть зашифрованы в инициалах, понятных современникам, но, тем не менее, могут относиться к людям, которые не только нам, но и их современникам были неизвестны. В определенной мере эпиграмма – это сугубо личное послание, и поэтому их герои – конкретные личности. У эпиграммы нет канонического размера или жесткой жанровой формы.

Заслуживают внимания польские фразки (польск. *fraszki* от итал. *frasci* – пустяки, вздор) – остроумные стихотворные миниатюры различного содержания. Признанным мастером этого жанра, который развивался несколько столетий, был известный афорист Станислав Ежи Лец. Приведу несколько миниатюр этого автора.

*Ты не одинокий: рядом за углом
Ждут тебя с надеждой человек и лом.*
(Перевод С. Черфаса).

Горький комизм в приведенном тексте построен на эффекте обманутого ожидания: последнее слово резко меняет тональность этого стихотворного афоризма.

*Всяк тем живёт, что рок ему принёс:
Один кропает стих, другой – донос.
А если два таланта есть в руках,
То можно накропать донос в стихах.*
(Перевод С. Черфаса).

Этот текст ироничен: умение писать доносы вряд ли можно назвать талантом. Вместе с тем мы понимаем, что некоторые стихотворцы могут сочинить тексты, попадающие под определение доноса.

Вызывает улыбку сожаление, высказанное в следующей миниатюре:

*Сколько ж ты мыслей моих, Сократ,
Присвоил двадцать веков назад?*
(Перевод С. Черфаса).

Предшественник не может украсть идею у последователя. Элемент самоиронии про-

слеживается и в том, что автор якобы на равных беседует с великим философом.

Заслуживает внимания философская миниатюра Феликса Кривина:

*Подложили насадке змеиные яйца.
Удивляйся, насадка, горюй, сокрушайся!
Ну и дети пошли! Настоящие змеи!
Может быть, мы воспитывать их не умеем?
А змею посадили на яйца насадки.
У змеи получились примерные детки.
Потому что змея относилась к ним строго.
До чего же ответственна роль педагога!*

Перед нами многомерная пародия – на нравучительность, на жанр басни, на известные споры о роли среды и наследственности. В этом тексте даны два нарратива в контрасте, при этом повествователь активно включается в рассказ, выражая сочувствие насадке и похвалу змее. Завершающая строка звучит как издевательство над расхожей банальной истиной.

В авторских поэтических миниатюрах порой трудно различима грань между горьким вздохом и насмешкой. В этом плане показательны четверостишия Игоря Губермана, названные автором «гарики» (Гарик – одна из уменьшительных форм имени Игорь). Ироническая оценка является его доминирующей тональностью. Например:

*Я прочел твою книгу. Большая.
Ты вложил туда всю свою силу.
И цитаты ее украшают,
как цветы украшают могилу.*

Первые три строки этой эпиграммы звучат, как положительный отклик о книге, которую нужно было прочитать, но заключительная строка парадоксальным образом перечеркивает то, что было сказано ранее: в этой книге, как можно видеть, нет живого чувства. Ирония в миниатюрах И. Губермана весьма часто обращена на самого себя:

*В неусыпном душевном горении,
вдохновения полон могучего,
сочинил я вчера в озарении
все, что помнил из Фета и Тютчева.*

Поэт активно использует прием резкого снижения тональности стихотворения. Это выражается как в виде понижения стилистического регистра (от книжно-поэтического до просторечного и даже вульгарного), так и путем содержательного контраста (в приведенном примере сталкиваются концепты творчества и имитации). Обычно в фольклорных текстах самоирония не встречается, это психологи-

чески сложная позиция. Авторским текстам свойственны аллюзии:

*Моим стихам придет черед,
когда зима узду ослабит,
их переписчик перевернет
и декламатор испохабит.*

В первой строке содержится отсылка к строкам стихотворения Марины Цветаевой «Моим стихам, как драгоценным винам, придет черед». Но в отличие от цитируемого стихотворения, автор которого пророчески уверен в том, что его по достоинству оценят в свое время, И. Губерман иронически относится к последующей оценке своего творчества.

В отличие от эпиграммы русская народная частушка имеет дело не с конкретными людьми, а с типажам – носителями определенных качеств. Не все частушки относятся к смеховой культуре, хотя их доминирующая тональность – лихое озорство [17 ; 18]. Эти миниатюры являются песнями, их поют под аккомпанемент гармонии или баяна. Как правило, герои частушек – задорная девушка и ее ухажер. Отметим, что в гендерном ролевом распределении текстов мужские частушки большей частью содержат сниженную и вульгарную лексику, женские тексты в меньшей мере отмечены такой акцентированной непристойностью. Предметом насмешки в этих текстах является чье-либо глупое, претенциозное, недостойное или несостоятельное поведение:

*Мой милёнок, как телёнок,
Только венчики жевать.
Проводил меня до дому,
А забыл поцеловать.*

Юмористически охарактеризована жизненная ситуация. Персонаж сравнивается с глупым домашним животным. Зоологические параллели типичны для таких текстов:

*Я любила сокола,
Ему носочки штопала.
А он, проклятый крокодил,
С другими шашинами заводил.*

На протяжении короткого текста персонаж назван соколом и крокодилом, в первом случае перед нами стандартная номинация героя, во втором – резко сниженное обозначение осуждаемого человека, который, как оказалось, не хранил верность подруге.

Большой частью тематика комических частушек связана с гуляньем и выбором

спутника жизни и различными несоответствиями в этой ситуации:

*Задумевшая подруга,
На свиданье не спеши.
На гуляньице остались
Только кильки да ерши!*

Девушки критически оценивают своих возможных кавалеров, сравнивая их с мелкой рыбешкой. Игра на понижение – типичный прием в частушке:

*На столе стоит гармонь,
Под столом – гитара.
Нынче парни дорогие –
Три копейки пара.*

Смеховым приемом является контраст с эффектом обманутого ожидания: парни дорогие, но цена им невелика. Заслуживает внимания традиционный прием фольклорной смеховой культуры – смысловое несогласование между первым и вторым двустишиями.

Основное содержание комической частушки – констатация неприятного положения дел:

*Дорогой ты мой товарищ,
Тебе в жизни не везет:
То клопы тебя кусают,
То жена тебя грызет.*

Смеховой эффект возникает из рассогласования некоторого положения дел и насмешкой по этому поводу. В приведенном тексте сопоставляются жена и клопы как источники неприятностей. Вместе с тем эта ситуация представляется смешной – ведь этот герой позволил обстоятельствам сложиться именно таким образом.

Частушка представляет собой свернутое повествование, в котором говорится об определенном развитии событий, часто констатируется их положительное качество, а затем внезапно следует критическое уточнение:

*Как родители мои
Меня замуж выдали.
Он – красивый паренек,
Только много придури.*

Обратим внимание на то, что предметом описания и юмористической оценки в частушке являются не фантастические, а вполне реальные обстоятельства. Главный прием частушек – контраст между двумя положениями дел, первое является возвышенным либо нейтральным, а второе – резко

сниженным. Этот прием активно используется в комических миниатюрах, имитирующих канон частушек:

*Мне бы крылья большие, сильные,
Мне бы крылья, как у орла,
Полетела тогда б я к милому –
Всю бы морду разодрала.*

Приведенный текст не относится к жанру частушек, об этом свидетельствует неканонический размер стихотворного текста, но системообразующий принцип его содержательной организации четко прослеживается.

Частушка обладает характерными формальными признаками и поэтому легко поддается пародийной стилизации:

*Течет речка Амазонка,
крокодилы плещут в ней.
Съели третьего миленка
За последние пять дней.*

(Сергей Сатин).

По сюжетным и ритмическим признакам этот текст соответствует жанру частушки, но обстоятельства этого комического нарратива (Амазонка и крокодилы) свидетельствуют о его пародийности.

Комические стихотворные миниатюры отражают приверженность того или иного этноса доминирующему способу когнитивного рассогласования изображаемого и реального миров, такими способами обычно являются абсурд либо нонсенс. В первом случае смеховой эффект возникает из-за несоответствия установок участников общения в отношении оценки события, во втором случае – вследствие несоответствия явления реальности. Упрощая положение дел, можно сказать, что суть комического абсурда – в карнавальном переворачивании модуса высказывания, а суть нонсенса – в соответствующем переворачивании диктума (есть и другое понимание соотношения между нонсенсом и абсурдом: Е. В. Падучева [19] полагает, что нонсенс относится к сфере языка, а абсурд – к сфере психики). Русские частушки (как и русский юмор в целом) часто сориентированы на модусные несоответствия, для английских коротких юмористических текстов характерно диктальное несоответствие.

Примером диктального рассогласования, вызывающего комический эффект, выступают лимерики, написанные анапестом короткие смеховые тексты, построенные по жесткому формальному и содержательному канону: это пятистишия, в первых двух строках говорится о каком-то забавном положении дел, во вторых обычно предлагается уточ-

нение этого события, заключительная строка содержит комментарий автора по этому поводу либо показывает неожиданное развитие событий [20–24]. В лимерике нечто невозможное показано обычно в гротескном виде, т.е. смехотворно непропорционально [25 : 93]:

*There was a Young Lady whose nose
Was so long that it reached to her toes;
So she hired an Old Lady,
Whose conduct was steady,
To carry that wonderful nose.*
(Edward Lear).

*Жила-была леди, чей нос
До кончиков туфель дорос.
Во время гулянья
Специальная няня
Несла этот редкостный нос.*
(Перевод Генриха Варденги).

Переводчику удалось точно передать тональность оригинального текста, но пришлось пожертвовать некоторыми нюансами ради сохранения рифмы: вместо пальцев на ногах речь идет о кончиках туфель (смысл от этого не меняется), при этом исчезло уточнение «старая леди», которую наняли, приняв во внимание очень важную характеристику – «чье поведение было безупречным». Переводчик внес уточнение в исходный текст: «во время гулянья».

Предметом юмористической оценки в лимерике выступает невозможное положение дел:

*There was a young maid who said, "Why
Can't I look in my ear with my eye?
If I put my mind to it,
I'm sure I can do it,
You never can tell till you try."*
(Anonymous author).

*«Почему бы, – сказала мисс Кром, –
Мне не тронуть свой нос языком?
Я за две-три недели
Достигла бы цели,
Отдав ей себя целиком!»*
(Перевод Генриха Варденги).

С детства известно, что невозможно укунить себя за локоть или без зеркала заглянуть в своё ухо. Героиня приведенного лимерика ставит это под сомнение, и юмористический эффект возникает вследствие аллюзии к известной норме поведения, зафиксированной в пословице: *If at first you don't succeed try, try again – Если сразу не добился успеха в каком-либо деле, не отчаивайся, а продолжай пытаться*. Переводчик удачно передал комическую суть этой миниатюры –

дотронуться языком до кончика носа практически невозможно. Для рифмы героиня события получает имя, уточняется срок действия (в оригинальном тексте просто сказано, что этому следует посвятить все усилия). Заслуживает внимания финальная строка оригинального текста – «*Нельзя утверждать, пока не попробуешь*». В этом примере в смеховом плане осмысливается не только поведение этой странной особы, но и ее стремление аргументировать правильность своих поступков.

Гротеск в поведении персонажей лимериков всегда является весёлым:

*There was an Old Man of the North,
Who fell into a basin of broth;
But a laudable cook,
Fished him out with a hook,
Which saved that Old Man of the North.*
(Edward Lear).

*Глупый парень из штата Бенгал
В бак с ухой однажды упал;
Но крючком повариха
Его вынула лихо –
Спасся парень из штата Бенгал!*
(Перевод С. Шоргина).

Некий старик упал в большую миску с бульоном, но достойный похвалы повар вытащил его крючком оттуда, и это спасло старика. Переводчик для рифмы поменял место действия – Север превратился в некий штат Бенгал (связанный, очевидно, с Бенгалией), вместо бульона перед нами уха, герой помолодел (в переводе это – глупый парень), и вместо повара мы видим повариху. Несмотря на некоторое нарушение эвфонии в тексте лимерика, следует признать удачным найденное переводчиком наречие «лихо», придающее живость нарративу.

Изобретатель лимериков Эдвард Лир стал примером для подражания не только в Англии, но и за рубежом. В интернете представлено множество примеров русских лимериков, более или менее удачных:

*Говорили про Сомса Форсайта,
Что не пьет он ни колы, ни спрайта
И твердит: «Русский квас –
Вот напиток для нас!
Жалко, нет на него копирайта!»*
(Анатолий Белкин).

Обратим внимание на то, что в этом шутовском тексте с аллюзией на известного персонажа Дж. Голсуорси нонсенс – невозможное положение дел – меняется на абсурд – нелепость излагаемой ситуации как таковой. Сожаление в устах британского собственни-

ка по поводу отсутствия авторского права на популярный русский напиток превращает всю ситуацию в абсурд.

Лимерики органически связаны с английскими детскими смешными считалками, дразнилками, загадками и другими рифмованными текстами, в которых существует неузнаваемый, предельно искаженный, но очень симпатичный мир. Например:

There was a crooked man, and he went a crooked mile,

He found a crooked sixpence against a crooked stile;

He bought a crooked cat, which caught a crooked mouse,

And they all lived together in a little crooked house.

Этот текст был прекрасно трансформирован по-русски в изложении Корнея Чуковского:

Скрюченная песня

Жил на свете человек, скрюченные ножки,

И гулял он целый век по скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой в скрюченном домишке

Жили летом и зимой скрюченные мышки.

И стояли у ворот скрюченные ёлки,

Там гуляли без забот скрюченные волки.

И была у них одна скрюченная кошка,

И мяукала она, сидя у окошка.

А за скрюченным мостом скрюченная баба

По болоту босиком прыгала, как жаба.

И была в руке у ней скрюченная палка,

И летела вслед за ней скрюченная галка.

Этот свободный пересказ сильно отличается от исходного текста. В оригинальном повествовании речь идет о скрюченном человеке, который ходил по кривой дороге, нашел возле кривой калитки кривую монетку (шесть пенсов – самая маленькая по размеру английская монетка), купил скрюченную кошку, которая поймала скрюченную мышку, и они все вместе жили в маленьком скрюченном домишке. Перевод оказался в три раза длиннее оригинального четверостишия, появились новые скрюченные персонажи – волки, баба с палкой, жаба, галка, новые скрюченные декорации и антураж – река, мост, ёлки. Это стихотворение вошло в золотой фонд русской детской поэзии.

Нонсенс и абсурд дополняют друг друга, но у них разные цели: нонсенс позволяет освоить реальный мир, показывая границу между действительностью и вымыслом, при этом вымысел, каким бы он страшным ни был, надёжно удалён от данного мира, в то время как абсурд в его комической ипостаси призван примирить человека с неприятными и порой невыносимыми обстоятельствами,

имеющими место здесь и сейчас. Инструментарием нонсенса является звуковая ткань текста, рифма ведёт смысл:

Anna Maria she sat on the fire;

The fire was too hot, she sat on the pot;

The pot was too round, she sat on the ground;

The ground was too flat, she sat on the cat;

The cat ran away with Maria on her back.

Буквальный перевод: Анна-Мария села на огонь, огонь был слишком горячим, она села на котелок, котелок был слишком круглым, она села на землю, земля была слишком плоской, она села на кошку, кошка убежала с Марией на спине.

Нет смысла искать в этом тексте закодированные символы, хотя при желании можно наделить особыми функциями огонь, котелок, землю и кошку. Иницирующая роль этого текста состоит в демонстрации того, что человек меняет обстоятельства своего местонахождения, если они его не устраивают. Не менее важно и то, что этот урок преподается в забавной и запоминающейся форме. Иногда нонсенс облекается в элегическую тональность, при этом возникает противоречие между началом и завершением миниатюры:

I know a house, and a cold old house,

A cold old house by the sea.

If I were a mouse in that cold old house

What a cold cold mouse I'd be!

Буквальный перевод: Я знаю один дом, холодный старый дом, холодный старый дом у моря. Если б я был мышкой в том холодном старом доме, какой же холодной, холодной мышкой я бы был!

Сослагательное наклонение акцентирует вывод: но ведь я нахожусь здесь, а не там, и мне тепло. Холодный дом, заметим, имеет особый смысл для англичан, в традиционном миропорядке которых дом не отапливается, а лишь немного согревается посредством камина. Холодный старый дом у моря – концентрированное воплощение пронизывающей сырости. Образ съезжившейся замерзающей мыши поддержан звуковыми повторами (*know – cold – old, house – mouse*). Урок, который с детства получает носитель английской культуры, знакомясь с приведенным текстом, сводится к тому, что нужно с долей самоиронии относиться к невзгодам.

Комические стихотворные миниатюры обладают определенными национальными, тематическими и жанровыми особенностями, при этом существует определенная сфера общения, в которой подобные тексты

активно циркулируют вне зависимости от этнической принадлежности коммуникантов – это детские забавные стишки.

Типичные тексты этого жанра – дразнилки:

*Ябеда-корябеда,
Зеленый огурец.
На полу валяется,
Никто его не ест.*

Назначение таких текстов – высмеять кого-либо за неподобающее поведение либо просто посмеяться над кем-то (таковы дразнилки, привязанные к тому или иному имени). В приведенной дразнилке мы видим фольклорные элементы частушки: аналогия высмеиваемого человека с конкретным предметом, имеющим отрицательную оценку. Значимой является и рифмованная поддержка значимого слова окказиональным звукосоотнесением, вызывающим неприятные ассоциации. В таких текстах развитие сюжета непредсказуемо: трудно сказать, почему ябеду сравнили с зеленым огурцом, подошел бы любой предмет, который не нужен. Слово, находящееся в сильной финальной позиции, определяет свой предшествующий коррелят (*не ест – огурец*). Занятно то, что вторая строка (*зеленый огурец*) фигурирует и в других дразнилках (*Жадина-говядина, Вовка-морковка* и др.), хотя у этих текстов есть и иные варианты (*турецкий барабан, пустая шоколадина*). Такова логика дразнилки:

*Рёва-корова, дай молочка!
Сколько стоит? Три пятачка.*

Плачущего ребенка в этой дразнилке сравнивают с мычащей коровой. Последующий текст говорит нам, что плач недорого стоит. В смешных детских стишках принципиально нет логики, такой алогизм лежит в основе комического абсурда и имеет многочисленные параллели в фольклорном юморе. Вместо логики в ряде случаев мы сталкиваемся с нарастанием признака. Например, в известной английской дразнилке про обжору:

*Robin the Bobbin, the big-bellied Ben,
He ate more meat than fourscore men;
He ate a cow, he ate a calf,
He ate a butcher and a half;
He ate a church, he ate a steeple,
He ate the priest and all the people!*

Подстрочный перевод: *Робин Боббин* (букв. катушка), *толстопузый Бен*, он съел больше мяса, чем четыре дюжины мужчин, он съел корову, он съел теленка, он съел

мясника и еще половину, он съел церковь, он съел колокольню, он съел священника и всех людей!

Есть несколько переводов этой дразнилки на русский язык. Приведу перевод Корнея Чуковского:

*Робин Бобин Барабек скушал сорок человек,
И корову, и быка, и кривого мясника,
И телегу, и дугу, и метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом, и кузницу с кузнецом,
А потом и говорит: «У меня живот болит!».*

В оригинальном тексте имеет место значимая аллитерация в первой строке, которая в известной мере поддержана окказиональным словом Барабек (для носителей русского языка слово Боббин лишено содержательных ассоциаций, его назначение – только быть рифмой, такова же функция окказионализма Барабек). Английский текст включает нонсенс – обжора поедает церковь с колокольней, а также множество людей. Корней Чуковский усилил этот нонсенс, добавив в меню телегу, дугу, метлу, кочергу и кузницу с кузнецом. В более полной версии оригинального текста Робин жалуется, что не наелся, в русском варианте содержится дидактический смысл – у обжоры живот болит.

В контексте всего сказанного выше представляет интерес новый стихотворный жанр, недавно появившийся и распространившийся в интернете – пирожок [26]. Это четверостишие, написанное четырехстопным ямбом, в нем принципиально нет знаков препинания, часто нет рифмы. Пирожки (или «перашки») публикуются в сети под никами их авторов и представляют собой лишенный пафоса живой взгляд на мир. Например:

*поэт не может быть счастливым
тогда он сразу не поэт
и он от этого несчастен
и снова он поэт тогда
© i-mel*

В основе приведенного текста лежит логическое переверачивание суждения, отражающего распространенное мнение о внутреннем мире поэта. Такое переверачивание делает текст комичным. Моделируемый конфликт внутри пирожкового сюжета обычно носит сниженный характер:

*семен успел на электричку
и там ему сломали нос
и он сидит понять не может
так он везучий или нет
© shuvovse*

Такой сюжетный ход характерен для фольклорного комического нарратива. В некоторых пирожках в качестве пуанта используется каламбур:

*ты молока купил пьянчуга
жена владимиру кричит
икнув владимир отвечает
нет молокаку я не пил*

Содержательным фактором комического эффекта выступает рассогласование позиций участников описываемого события.

У пирожков есть разновидность, получившая название «порошок», этот формат отличается от пирожка тем, что заключительная строка состоит из двух слогов, а не восьми, и в ней в концентрированном виде выражен смысл текста. Весьма часто пирожки построены на акцентированном несоответствии первой и второй половины стихотворения:

*войди в мой дом порой осенней
развей тоску создай семью
куда ж ты в обуви то прѣшься
убью
© Дей*

Элегическая тональность первых строк контрастирует с бытовой агрессивностью вторых.

Для пирожков типичны различные аллюзии:

*пусть карл и клара постарели
но пронеся сквозь годы страсть
всѣ смотрят что бы друг у друга
украсть
© колик*

Приведенный текст сразу же вызывает в памяти известную скороговорку «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет». Отметим высокую стилевую тональность первых двух строк. Аллюзии могут носить многомерный характер:

*матроскин кто был твой хозяин
с которым ты объездил мир
я называл его обычно
мессир
© Лось Иноостровский*

В этом тексте сталкиваются два сюжета: популярный мультфильм «Каникулы в Простоквашино», в котором действует кот Матроскин, и книга М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Мессир – это обращение к Воланду («мэтр» было обращением к духовному лицу, «мессир» – к светскому). Кот Мат-

роскин оказывается одновременно и котом Бегемотом.

Сравнив приведенные тексты, мы можем сделать следующие выводы.

Поэтические комические миниатюры в их жанровых границах избирательно выражают разновидности смехового отношения к действительности, при этом авторские произведения охватывают весь диапазон видов комического – юмор, иронию, сатиру, в то время как фольклорные тексты воплощают юмор и насмешку. Основным приемом создания комического эффекта является стилевое рассогласование между началом и завершением текста. В фольклорных текстах и их имитациях активно используется языковая игра со звуковыми совпадениями и преобразованиями слов, с каламбурами и окказиональными образованиями. В авторских юмористических текстах типичны аллюзии как способ создания комического эффекта. Выделяются две разновидности юмора: смеховое обыгрывание нонсенса как невозможного положения дел и абсурда как алогичного сопряжения разных позиций участников комической ситуации. Нонсенс характерен для англоязычных смеховых текстов, комический абсурд типичен для русской лингвокультуры. Динамика комических поэтических миниатюр состоит в трансформации сатирических эпиграмм в дружеские шаржи, в игровом пародировании традиционных фольклорных жанров частушки и лимерика, в постмодернистском карнавальном переворачивании прецедентных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М. : Худ. лит.-ра, 1965. 527 с.
2. Вартамян В. Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
3. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: монография / Ин-т языкознания РАН. М., Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. 264 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
5. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара : Изд-во Самарск. гос. пед. ун-та, 2004. 264 с.
6. Почепцов Г. Г. Язык и юмор. Киев : Вища шк., 1976. 112 с.
7. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М. : Лабиринт, 1999. 288 с.
8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки русской культуры, 1999. 544 с.

9. Симашко Т. В. Речевые приемы юмористических текстов // Речевые приемы и ошибки : типология, деривация, функционирование : сб. науч. тр. / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1989. С. 99–109.

10. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

11. Chiaro D. *The Language of Jokes : Analysing Verbal Play*. London ; N.Y. : Routledge, 1992. 129 p.

12. Milner G. B. *Homo Ridens : Towards a Semiotic Theory of Humor and Laughter* // *Semiotica*. 1972. № 5. P. 1–30.

13. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht : Reidel, 1985. 284 p.

14. Новикова Е. В. Поэтика русской эпиграммы пушкинской эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 21 с.

15. Новиков В. И. Непобедимый жанр // Эпиграмма. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 41. М. : Эксмо, 2005. С. 11–18.

16. Соколова Т. В. Языковая картина мира в текстах английских эпиграмм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.

17. Мешкова О. В. Эстетическая природа частушки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2000. 22 с.

18. Муть И. Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах (На материале скороговорки и частушки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 22 с.

19. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М. : ВИНТИ, 1982. С. 76–119.

20. Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика текстов преедентного жанра «лимерик» : На материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 23 с.

21. Демурова Н. М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // Мир вверх тормашками (английский юмор в стихах). М. : Прогресс, 1974. С. 5–22.

22. Павлова Н. В. Межкультурное движение жанра лимерик как текстовая реализация жанра комического : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 17 с.

23. Соболева Н. В. Английская абсурдная поэзия: проблемы поэтики и перевода: на примере творчества Э. Лира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

24. Шкурская Е. А. Лингвокультурные характеристики нонсенса в английском детском фольклорном и авторском текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.

25. Геллер Л. Из древнего в новое и обратно : О гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг : сб. статей / отв. ред. О. Буренина. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 92–131.

26. Дымарский М. Я. Между жанром и творчеством, или к становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. статей. Вып. 8. Памяти Константина Федоровича Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 385–390.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo François Rablais i narodnaya kultura srednevekovyia i renessansa* [Creative work of François Rablais and Medieval and Renaissance Folk Culture]. Moscow, 1965. 527 p.

2. Vartanyan V. L. *Fragmenty psikholingvističeskoj teorii yumora* [Fragments of psycholinguistic theory of humour. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1994. 20 p.

3. Zheltukhina M. R. *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki: monografija* [The comical in political discourse of the end of the XX century. Russian and German politicians]. Moscow, Volgograd, 2000. 264 p.

4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004. 390 p.

5. Kulinich M. A. *Lingvokulturologia yumora (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic and cultural foundation of humour]. Samara, 2004. 264 p.

6. Pocheptsov G. G. *Yazyk i yumor* [Language and humour]. Kiev, 1976. 112 p.

7. Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha. Ritualniy smekh v folklore (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of comicality and laughter. Ritual laughter in folklore (with reference to the fairy tale about Nesmeyana)]. Moscow, 1999. 288 p.

8. Sannikov V. Z. *The Russian language in the mirror of language play*. [Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry]. Moscow, 1999. 544 p.

9. Simashko T. V. *Rechevye priemy yumorističeskikh tekstov* [Speech methods of humour texts]. *Rechevye priemy i oshibki: tipologia, derivatsia, funkcionirovanie* [Speech techniques and error: typology, derivation, the operation]. Moscow, 1989, pp. 99–109.

10. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; New York, 1994. 426 p.

11. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. London; New York, 1992. 129 p.

12. Milner G. B. *Homo Ridens: Towards a Semiotic Theory of Humor and Laughter*. *Semiotica*. 1972, no. 5, pp. 1–30.

13. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, 1985. 284 p.

14. Novikova E. V. *Poetika russkoy epigrammy pushkinskoy epokhi* [Poetics of Pushkin epoch Russian epigram. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1998. 21 p.

15. Novikov V. I. *Nepobedimiy zhanr* [An invincible genre]. *Epigramma. Antologia satiry i yumora Rossii XX veka* [Epigram. Anthology of Russian satire and humor of the twentieth century]. Vol. 41. Moscow, 2005, pp. 11–18.

16. Sokolova T. V. *Yazykovaya kartina mira v tekstakh angliyskikh epigram* [Linguistic picture of the world in the texts of English epigrams. Cand. philol. sci. thesis diss.]. St.-Petersburg, 2012. 24 p.

17. Meshkova O. V. *Esteticheskaya priroda chastushki* [Aesthetic nature of Chastushka. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Chelyabinsk, 2000. 22 p.

18. Moul I. L. *Mekhanizmy yazykovoy igry v mal'kikh folklornykh zhanrakh (na materialeskorogovorki I chastushki)* [Linguistic play mechanisms in small folklore genres (on the material of Tongue twister and Chastushka). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2000. 22 p.

19. Paducheva E. V. Tema yazykovoy kommunikatsii v skazkakh Lewis'a Carroll'a [Linguistic communication topic in fairy tales by Lewis Carroll]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Vol. 18. Moscow, 1982, pp. 76–119.

20. Artemova O. Ye. *Lingvokulturnaya spetsifika tekstov pretsedentnogo zhanra «limerick»: na material angliyskogo yazyka* [Linguocultural text specificity of a precedent genre «limerick». Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ufa, 2013. 23 p.

21. Demurova N. M. Eduard Lear i angliyskaya poezia nonsense [Eduard Lear and the English nonsense poetry]. *Mir vverkh tormashkami (angliyskiy yumor v stikhakh)* [World upside down (English humor in verse)]. Moscow, 1974, pp. 5–22.

22. Pavlova N. V. *Mezhkulturnoe dvizheniye zhanra limerick kak tekstovaya realizatsiya zhanra komicheskoe* [Intercultural movement of the genre «Limerick» as text realization of the genre «Comical». Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tver', 2005. 17 p.

23. Soboleva N. V. *Angliyskaya absurdnaya poezia: problemy poetiki i perevoda: na primere tvorchestva E. Lear'a* [English absurd poetry: problems of poetics and translation: as exemplified by creative work by E. Lear. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2008. 22 p.

24. Shkurskaya Ye. A. *Lingvokulturnye kharakteristiki nonsensa v angliyskom detskom folklornom i avtorskom tekstakh* [Linguistic and cultural features of nonsense in English authorial and folklore texts for children. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2012. 22 p.

25. Geller L. Iz drevnego v novoye i obratno: o groteske i koe-chno o John Ruskin [There and back from the ancient to the new: On grotesque and something about sir John Ruskin.]. *Absurd i vokrug: sb. statei* [Absurd and around: collection of articles. Ed. O. Burenina]. Moscow, 2004, pp. 92–131.

26. Dymarsky M. Ya. *Mezhdru zhanrom i tvorchestvom, ili k stanovleniyu pirozhkovogo myshleniya yazykovoy lichnosti* [Between genre and creativity, or to linguistic personality «pirozhok» mentality making]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres : collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov, 2012, pp. 385–390.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 821.161.1.09-1+929
ББК 81.2Рус-5

И. А. Тарасова
Саратов, Россия

I. A. Tarasova
Saratov, Russia

ЖАНР ФРАГМЕНТА В ПОЭЗИИ
«ПАРИЖСКОЙ НОТЫ»

THE GENRE OF FRAGMENT
IN THE POETRY OF THE PARIS NOTE

Аннотация. Фрагмент является одним из основных жанров современной поэзии. В статье рассматривается функционирование этого жанра в поэзии «Парижской ноты». Автор устанавливает различия между четырьмя типами фрагментов – в зависимости от контекста интерпретации: библейскими, историческими, литературными и автобиографическими. Выделяются характерные признаки каждого из типов фрагментов, в том числе базовые механизмы интерпретации. Отмечается связь поэтики фрагмента со стилистическими принципами «Парижской ноты». Исследование выполнено на материале поэзии Г. Адамовича и Г. Иванова.
Ключевые слова: фрагмент, «Парижская нота», Г. Адамович, Г. Иванов.

Abstract. The fragment is the main genre of contemporary poetry. The article focuses on the functioning of the genre in the poetry of the Paris Note. The author suggests to distinguish between the four types of fragments, according to the context of interpretation: biblical, historical, literary and autobiographical. The characteristic features of these types are highlighted here, including basic mechanisms for interpreting. The connection between the poetics of the fragment with the stylistic principles of the Paris notes is shown in the article. The research is based on the poetry of G. Adamovich and G. Ivanov.
Key words: fragment, "Paris Note", G. Adamovich, G. Ivanov.

Сведения об авторе: Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования. Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: tarasovaia@mail.ru

About the author: Tarasova Irina Anatolievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Primary Linguistic and Literary Education.
Place of employment: Saratov State University.

Лирический фрагмент, сочетающий мгновенность переживания с установкой на отражение образа мироздания в целом, является одной из важнейших составляющих жанрового мышления современной поэзии [1]. В литературоведческих исследованиях утверждается, что «в жанре фрагмента заложено то, что составляет существо новой лирики» [1 : 142]: повышенная суггестивность, сочетание подчеркнутой конкретности и лирической всеобщности, единичного и универсального.

Мы хотим проследить функционирование этого жанра в поэзии эмиграции, показать его органичность для идеологии, поэтики и прагматики русской литературы «в изгнании». Материалом нашего исследования являются лирические миниатюры русских поэтов, примыкавших к литературному направлению, получившему образное наименование «Парижская нота».

Центральной фигурой «ноты» являлся Георгий Адамович. Под его непосредственным влиянием сформировались литературные взгляды А. Штейгера, Л. Червинской, И. Чиннова. Известный специалист по литературе русского зарубежья В. Крейд счел возможным включить в сборник стихотворений «Поэты "парижской ноты"» «произ-

ведения Б. Заковича, Ю. Мандельштама, П. Ставрова, Ю. Терапиано [2]. Кроме того, по мнению В. Крейда, в контексте «ноты» могут быть рассмотрены стихотворения Г. Иванова тридцатых годов.

По словам О. А. Коростелева, «нота» не была кружком или литературной школой: это было, скорее, духовное объединение поэтов на основе общего мировоззрения, своеобразной «философии поэзии» [3 : 5]. Борис Поплавский, которому «нота» обязана своим названием, определял ее звучание как «метафизическое». О «трансцендентальном вентерке» как необходимом качестве настоящей поэзии писал идеолог «ноты» Г. Адамович [4 : 163].

И все же, кроме мировоззренческих установок, парижских поэтов отличало и некоторое стилевое единство. основополагающим формообразующим принципом стихов, написанных поэтами «парижской ноты», О. А. Коростелев считает *выразительный аскетизм*. «Аскетизм во всем: в выборе тем, размеров, в синтаксисе, в словаре» [3 : 36]. К стилистическим признакам «ноты» относят фрагментарность, недоговоренность, дискретность, осколочность, этюдность. Глубокий анализ мировоззренческих истоков подобной формы творческого дискурса проделан в

статье В. Хазана. Исследователь отмечает, что «в этой «обходной», «окольной» поэтике, не в самих словах, а в том, что располагалось «около слов», по ту сторону ясных и четких, но поэтому нередко и упрощенных экспрессий и значений более всего сказало ощущение невозможности однозначно передать размытый строй нового бытия, его катастрофальную семантику» [5 : 124].

Образ разрушенного, раздробленного мира нашел для своего поэтического воплощения в стихах «Парижской ноты» идеальный жанровый аналог – жанр лирического фрагмента.

Одним из первых к исследованию жанра фрагмента обратился Ю. Тынянов, который указал на системный, жанрообразующий характер фрагментарности Ф. Тютчева [6]. Выделенные Тыняновым жанрообразующие признаки лирического фрагмента были уточнены в последующих работах. Так, Р. Лейбов указывает на краткость, композиционную и образную компактность; открытость зачинов и текстов в целом; внутреннюю связность макроконтеста и семантическую недостаточность отдельных текстов; отсылку к широкому ряду культурных контекстов [7]. Р. Лейбов считает ключевым для определения природы жанра тыняновское замечание о том, что «фрагмент узаконяет как бы внелитературные моменты» [7: 44], иными словами, сдвигает соотношение текста и контекста. Думается, что именно опора на макроконтекст делает жанр фрагмента столь популярным в поэзии эмиграции – поэзии в значительной мере интертекстуальной, или, говоря словами В. Маркова, цитатной.

Мы полагаем, что внутрижанровая типология фрагментов может быть построена с опорой на стратегию интерпретации, которая, в свою очередь, определяется типом межтекстовых связей, типом интертекстуальности.

Так, в лирических фрагментах Г. Адамовича актуализируются различные типы контекстуальных рядов:

библейский («Но смерть была смертью. А ночь над холмом..»);

исторический («Граф фон дер Пален! Руки на плечах...»);

литературный («О, если правда, что в ночи...», «Когда успокоится город...»);

автобиографический («Нам Tristia – давно родное слово...», «Там, где-нибудь, когда-нибудь..»).

Механизмы восприятия каждого из типов фрагментов различны. Наиболее очевидны они для миниатюр, отсылающих к историческому контексту. Это фрагменты, воплощающие жанр в его генетически наиболее

«чистом» варианте. Именно в тютчевских фрагментах этого типа Ю. Н. Тынянов обнаруживал актуализацию внелитературного ряда. Восходящие к одической традиции XVIII века, они опирались на читательские знания о реалиях политической и придворной жизни.

Примером этого типа служит стихотворение Г. Адамовича «Граф фон дер Пален! Руки на плечах...». По замыслу автора, оно должно актуализировать в воспринимающем сознании культурно значимый фрейм русской истории «Убийство императора Павла»:

Граф фон дер Пален! Руки на плечах.
Глаза в глаза, рот иссиня-бескровный.
Как самому себе! Да сгинет страх!
Граф фон дер Пален! Верю, безусловно.

Все можно искупить: ложь, воровство,
Детоубийство и кровосмешенье,
Но ничего на свете, ничего
На свете нет для искупленья
Измены¹.

Первая строфа имитирует предполагаемый диалог Павла I с графом фон дер Паленом, генералом-губернатором Санкт-Петербурга, который по должности отвечал за охрану императора. Известно, что Пален был одним из вдохновителей заговора. Не участвуя лично в царевубийстве, он своим личным распоряжением снял в Михайловском замке караулы Конной гвардии и выставил караулы Преображенского полка, командир которого состоял в заговоре, сделал дворцовый переворот возможным.

Г. Адамович реконструирует ситуацию уверения графом императора в своей безусловной преданности. Ключом для понимания фрагмента служит слово «измена», вынесенное в сильную позицию конца стихотворения и образующее отдельную строфу.

По другим законам организуется восприятие фрагмента, опирающегося на библейский контекст:

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
Светилась каким – то нездешним огнем,
И разбежавшиеся ученики
Дышать не могли от стыда и тоски.

А после... Прозрачную тень увидал
Один. Будто имя свое услышал
Другой... и почти уж две тысячи лет
Стоит над землею немеркнувший свет.

¹ Здесь и далее стихотворения Г. Адамовича цитируются по сборнику: В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты». – М. : Мол. гвардия, 2003.

Строго говоря, К Евангельскому источнику восходит только мотив разбежавшихся учеников. В услышавшем свое имя угадывается апостол Павел (Савл), но, как известно, в число первых учеников Христа он не вошел и в Гефсиманском саду быть не мог. Об увидавшем «прозрачную тень» Евангелие тоже ничего не сообщает. По всей вероятности, значимыми для интерпретации оказываются не конкретные бытовые реалии, зафиксированные священным Писанием, а их символический смысл. Мы полагаем, что ключевым для интерпретации фрагмента является символ «немеркнувшего света», традиционно ассоциирующегося с христианским учением. Световая символика «окольцовывает» фрагмент (*ночь светилась – не меркнувший свет*), придавая ему определенную идеологическую завершенность, несмотря на «осколочность» представленной ситуации. Таким образом, механизмы интерпретации этого фрагмента опираются не только на культурно-исторический фрейм «Предательство и взятие Иисуса» (Мтф. 26: 56), но и на когнитивные механизмы символизации.

Символика света, сияния, восходящая к библейскому контексту, чрезвычайно актуальна как для Г. Адамовича, так и для полемизирующего с ним Г. Иванова, что подтверждает внутреннюю связность сверхтекста эмигрантской поэзии. Оба поэта интерпретируют Божественный свет как источник поэтического вдохновения:

... Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет. (Г. Адамович «Без отдыха
дни и недели...»)

Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.
Боже! И глаза я закрываю
От невыносимого огня.
Падаю в него... и понимаю,
Что глядят соседи по трамваю
Странными глазами на меня. (Г. Иванов «В глубине,
на самом дне сознания...»)

В то же время в поэзии обоих авторов этот образ обнаруживает свою антиномичность.

Сохраняя свое божественное происхождение, «сияние» Г. Адамовича приобретает эпитет «обманувшее» («Ну, вот и конечно теперь. Конеч...»). В ряде стихотворений Г. Иванова образ сияния трансформируется в символ вечности и смерти. Именно такая интерпретация релевантна для образа сия-

ния в поэтическом фрагменте Г. Иванова, отнесенного нами к литературному типу:

Сиянье. В двенадцать часов по ночам,
Из гроба.
Все – темные розы по детским плечам.
И нежность, и злоба.

И верность. О, верность верна!
Шампанское взоры туманит...
И музыка. Только она
Одна не обманет.

О, все это шорох ночных голосов,
О, все это было когда-то –
Над синими далями русских лесов
В торжественной грусти заката...
Сиянье. Сиянье. Двенадцать часов.
Расплата¹.

Стихотворение было впервые опубликовано в составе цикла «Из книги «Ночной смотр», навеянного одноименной балладой В. Жуковского. Ее вольный перевод из И. Х. Цедлица начинался словами «В двенадцать часов по ночам/ Из гроба встает барабанщик...». Оборванная Г. Ивановым на форме «из гроба» цитата усиливает некрологическую семантику фрагмента, а опознание претекста читателем «размыкает» фрагмент в широкий литературный и исторический контекст.

Литературные источники стихотворения детально прокомментированы А. Ю. Арьевым [8 : 605]. Литературоведческие комментарии позволяют прояснить поэтическую логику появления образов детских плеч, музыки и русских лесов. Они мотивированы интертекстуальными переключками с стихотворениями Жуковского и Лермонтова («Воздушный корабль»). Иными словами, интерпретация фрагментов этого типа невозможна без знания литературного контекста. С другой стороны, символы сияния, музыки и синих далей являются индивидуально-авторскими, отсылают к единому тексту творчества Г. Иванова, где они приобретают устойчивый экзистенциальный смысл [9].

В стихах Г. Иванова и Г. Адамовича литературные и автобиографические контексты тесно переплетены и «уложить» их в однозначную классификацию порою весьма непросто. Так, в указанном фрагменте Г. Иванова «*русские леса*» – не только отсылка к судьбе наполеоновских солдат, но и в значительной степени – маркер мотива воспо-

¹ Стихотворения Г. Иванова цитируются по изданию: Иванов Г. В. Собр. соч. В 3 т. Т.1. М.: Согласие, 1993.

минаний об оставленной родине; музыка – не только оркестровое сопровождение верных императору полков, но и символ поэтической судьбы лирического героя, источник его вдохновения. Завершающее стихотворение слово «расплата» – безусловный знак трагической судьбы самого лирического героя. Иными словами, поэтика фрагмента опирается на систему поликонтекстуальных отсылок.

Восприятие поэтической цитаты как имеющей непосредственное отношение к собственной судьбе характерно и для стихов Г. Адамовича. Напряженный диалог с А. С. Пушкиным определяет поэтическую семантику фрагмента «О, если правда, что в ночи...». Стихотворению предпослана усеченная цитата из «Пира во время чумы»: ... *может быть залог* (у Пушкина: «Всё, всё, что гибелью грозит,/ Для сердца смертного таит/ Неизъяснимы наслажденья/ – Бессмертья, может быть, залог»). Паратекстуальная переключка с эпиграфом, отчасти восста-навливающая цитату, находится в завершающих строках:

«О, если правда, что в ночи...»
Не правда. Не читай, не надо.
Все лучше: жалобы твои,
Слез ежедневные ручьи,
Чем эта лживая услада.

Но если... о, тогда молчи!
Еще не время, рано, рано.
Как голос из-за океана,
Как зов, как молния в ночи,
Как в подземельи свет свечи,
Как избавление от бреда,
Как исцеленье...видит Бог,
Он сам всего сказать не мог,
Он сам в сомненьях изнемог...
Тогда бессмер...молчи! ...победа,
Ну, как там у него? «залог».

Как и при восприятии других интертекстов, в сознании читателя возникает своеобразная структура бленда – смешанного ментального пространства, в котором взаимными проекциями объединяются поэтические миры А. Пушкина и Г. Адамовича. Так, первая закавыченная цитата – из стихотворения Пушкина «Заклинание», ритмически совпадающего с песней Вальсингама из «Пира во время чумы»: «О, если правда, что в ночи, /Когда покоятся живые,/ И с неба лунные лучи/ Скользят на камни гробовые,/ О, если правда, что тогда/ Пустеют тихие могилы/ – Я тень зову, я жду Леилы:/ Ко мне, мой друг, сюда, сюда!» Высказанная Пушкиным мысль о бессмертии любовного чувства используется Адамовичем как форма выра-

жения мысли о бессмертии поэтического творчества – «залог» победы над смертью. Так литературный фрагмент оказывается «входом» в сверхтекст русской поэзии, демонстрируя ее ценностные установки, «культурные» имена и ключевые мотивы.

По справедливому замечанию В. И. Хазана, «интертекстуальность «парижской ноты» была по-особенному избирательной: в поле зрения ее авторов попадали, как правило, произведения, отмеченные сильным эсхатологическим началом» [5 : 129].

Эсхатологические мотивы во многом определяют семантику самой известной книги Г. Иванова – «Розы» (1931). Ее заключительное стихотворение – типичный фрагмент, содержащий почти полный каталог индивидуально-авторских образов, обладающих некрологическими коннотациями и аккумулирующих энергию авторского гипертекста:

Все розы, которые в мире цвели,
И все соловьи, и все журавли,

И в черном гробу восковая рука,
И все паруса, и все облака,

И все корабли, и все имена,
И эта, забытая Богом, страна!

Так черные ангелы медленно падали в мрак,
Так черною тенью Титаник клонился ко дну,
Так сердце твое оборвется когда-нибудь – так
Сквозь розы и ночь, снега и весну...

К автобиографическому типу относится нами следующий фрагмент Г. Адамовича. Посвященный Зинаиде Гиппиус <З.Г.>, он развивает один, но чрезвычайно важный для поэтов эмиграции мотив (невозможного) возвращения:

З. Г.
Там, где-нибудь, когда-нибудь,
У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащей телегой,
Бредя привычно под косым дождём,
Под низким, белым, бесконечным небом,
Иль много позже, много, много дальше,
Не знаю что, не понимаю как,
Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно...

Неопределенность семантики создается грамматическими средствами: инициальным указательным наречием «там», неопределенными наречиями времени, отрицательными конструкциями с частицей «не» и относительными местоимениями «что» и «как». Незавершенность фрагмента усиливается многоточием и модальным словом

«наверно». На этом намеренно «затуманенном» фоне выделяются национально окрашенные образы дребезжащей телеги и косого дождя, а также глагольная форма с семантикой передвижения «бредя». Попадая в фокус читательского восприятия, эта форма актуализирует целый ряд глаголов направленного движения, обладающих в поэзии Г. Адамовича, да и других поэтов эмиграции, значением «вернуться на родину»:

Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда? –

Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,

Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,

Но только наверно знать бы, что вовремя мы добредем...

Аскетизм мотивики и образов позволил русским парижанам «закодировать поэтический лексикон, ставший выражением усложненного словаря внутренней жизни» [5: 128], повысить суггестивность стиха.

Жанр автобиографического фрагмента широко представлен в стихах младшего поколения «ноты». В миниатюрах Л. Червинской угадываются традиционные моменты любовной драмы:

Все не о том. Помолчи, подожди,
Месяцы. Память. Потери....
В городе нашем туманы, дожди,
В комнате узкие двери.
В городе... нет, это все не о том.
В комнате... нет, помолчим, подождем.
Что же случилось?
Стало совсем на мгновенье светло
– Мы не для счастья живем –
Сквозь занавеску чернеет стекло,
Вспомнилось снова такое тепло.
Вспомнилось... нет, помолчим, подождем.

Неполные и односоставные предложения, самоперебивы, многоточия, имитирующие спонтанность речи, являются типичными маркерами разговорности и в то же время органически вписываются в поэтику фрагмента с его сосредоточенностью на сиюминутном переживании, мгновенной реальности происходящего.

Опыт любовного переживания превращается под пером А. Штейгера в экзистенциальное размышление о смысле человеческого существования:

У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,

Мы скажем горько: – Да, увы,
Любили... как ещё любили!...

Прагматика жанра может быть охарактеризована через параметры коммуникативной цели, образа автора и образа адресата.

Коммуникативная цель фрагмента, говоря словами Г. Иванова, «поговорить о самом важном» («Стоят сады в сияньи белоснежном...»).

Требования к образу автора афористично выражены в одном из фрагментов А. Штейгера: «Но только без позы, / Трезво, бесцельно и очень всерьез». Ключевое слово здесь – «без позы». По замечанию О.А. Коростелева, поэты «ноты» «скорее согласились бы простить некоторую неуклюжесть стиха, в котором выражалось подлинное чувство, чем неискренность. Как любил говорить Адамович: «Кто поверит словам, которым не совсем верю я сам?» [3 : 35]. Провозглашаемая поэтическая честность и ответственность за свои слова коррелируют с таким стилевым приемом, как дневниковость.

Требующий для своей адекватной интерпретации знания широкого контекста (исторического, культурного, литературного, а иногда и личностного), фрагмент ориентирован на «идеального» читателя, являющегося alter ego автора, и в пределе стремится к автокоммуникативности. Наиболее явно эта тенденция просматривается в стихотворениях Г. Адамовича, созданных по коммуникативной модели с эксплицитным адресатом, близким автору:

Ни музыки, ни мысли – ничего.
Тебе давно чистописанья мало,
Тебе давно игрой унылой стало,
Что для других – и путь, и торжество.

Но навсегда вплелся в напев твой сонный, –
Ты знаешь сам, – вошел в слова твои,
Бог весть откуда, голос приглушенный,
Быть может, смерти, может быть, любви.

Как справедливо отмечает Л.О. Бутакова, коммуникативная адресная модель выступает здесь средством акцентуации доминантных эмотивных смыслов [10 : 219].

«В поэзии главная забота, сущность сущности ее – не литературная, а жизненная, и только при некотором пренебрежении к литературе она – эта литература – и не превращается в пошлость и чушь», – утверждал Г. Адамович [2 : 29], полагавший, что в стихах должно быть больше человеческого, нежели поэтического. Жанр лирического фрагмента, с его обращенностью к внелитературному ряду, сохранил для нас челове-

ские страдания, надежды и разочарования в наиболее адекватной, по своему совершенной художественной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов В. Жанровое мышление современной поэзии // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 137–159.
2. Крейд В. П. «В линиях нотной страницы...» // В Россию ветром строчки занесет... : Поэты «парижской ноты». М. : Молодая гвардия, 2003. С. 5–30.
3. Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50.
4. Адамович Г. В. Одиночество и свобода М. : Республика, 1996. 447 с.
5. Хазан В. И. Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146.
6. Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 38–51.
7. Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева : жанр и контекст. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html> (дата обращения: 28.10.2013).
8. Арьев А. Ю. Примечания // Иванов Г. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2005. С. 483–713.
9. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И. А. Тарасова. Саратов : Наука, 2008. 208 с.
10. Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2001. 283с.

REFERENCES

1. Kozlov V. Zhanrovoye myshlenie sovremennoy poezii [Genre-based thinking of contemporary poetry]. *Russian Studies in Literature*. 2008, no. 5, pp. 137–159.

2. Kreyd V. V liniyakh notnoy stranitsy [In music paper lines]. *V Rossiyu vetrom strochki zaneset* [This lines will be brought to Russia by a wind]. Moscow, 2003, pp. 5–30.

3. Korostelev O. Parizskaya Nota i protivostoyanie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoj literaturnoj emigracii [Paris Note and the opposition of the youth schools of poetry of the Russian literary emigration]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary magazine]. 2008, no. 22, pp. 3–50.

4. Adamovich G. V. *Odinchestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Moscow, 1996. 447 p.

5. Khazan V. Iz nabljudeniy nad emigrantskoy poetikoy [Some observations on the poetics of emigration]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary magazine]. 2008, no. 22, pp. 123–146.

6. Tynyanov Ju. N. Vopros o Tyutcheve [The question about Tyutchev]. *Poetica. Istorija Literatury. Kino* [Poetics. The History of Literature. Cinema]. Moscow, 1977, pp. 38–51.

7. Leybov R. *Liricheskij fragment Tyutcheva: tekst and kontekst* (Lyrical fragment by Tyutchev: text and context). Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html> (accessed 28 October 2013).

8. Aryev A. Ju. Primechanija [Notes]. *Ivanov G. Poems* [Ivanov G. Stikhotvorenija]. S.-Peterburg, 2005, pp. 483–713.

9. Tarasova I. A. *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [The Dictionary of keywords of Georgiy Ivanov's poetry]. Saratov, 2008. 208 p.

10. Butakova L. O. *Avtorskoye soznaniye v poezii i proze: kognitivnoye modelirovaniye* [The Author's consciousness in poetry and prose: cognitive modelling]. Barnaul, 2001. 293 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 821.161.1.09+929

ББК 81.2 Рус-5

Е. А. Пономаренко
Симферополь, Россия

E. A. Ponomarenko
Simferopol, Russia

**КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО (МЕДИЦИНСКО-
ГО) ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕ-
ДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ)**

**THE CLASSIFICATION OF SPEECH GENRES
USED IN THE SPHERE OF INSTITUTIONAL
(MEDICAL) DISCOURSE (BASED ON WORKS
BY RUSSIAN WRITERS-DOCTORS)**

Аннотация. В статье предлагается типологическая классификация речевых жанров, обслуживающих сферу институционального (медицинского) дискурса, обосновывается применимость понятия «парадигмы» в медицинском дискурсе. Отмечается, что дисциплинарная матрица, которая представляет собой совокупность парадигм и парадигмальных отношений внутри какой-либо научной дисциплины, структурирует модель институционального дискурса.

Ключевые слова: типологическая классификация, институциональный дискурс, анамнез, парадигмальный, речевой жанр.

Abstract. In the article the typological classification of speech genres used in the sphere of institutional (medical) discourse is first presented. In the article the applicability of concept “paradigms” in the medical discourse is substantiated. It is marked that paradigmatic units stipulating paradigmatics of medical discourse can be subdivided into two types: 1) basic paradigms functioning in the common model of anamnesis, and 2) highly specialized patterns related to certain aspects of common paradigms. Based on the concept of disciplinary matrix, which is a set of paradigms and paradigmatic relations in some scientific discipline, its leading role in patterning the model of institutional (medical) discourse is stated. It is marked that paradigmatics as a methodological basis of clinical discourse is revealed at a level of speech as well.

Keywords: typological classification, institutional discourse, paradigm, anamnesis, paradigmatic, speech genre.

Сведения об авторе: Пономаренко Елена Аликовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского.

E-mail: altai2005@yandex.ru

About the Author: Ponomarenko Elena Alikovna, Ph.D., Associate Professor of Department of Russian Language. Place of employment: Crimean State Medical University named after S. I. Georgievsky.

Цель настоящей статьи – предложить типологическую классификацию речевых жанров институционального дискурса, основанную на парадигмальном подходе к теории речевых жанров, а также продемонстрировать связанность и взаимообусловленность речевых жанров в рамках диалогического единства. Статья выполнена на материале художественных произведений писателей-врачей конца XIX – первой четверти XX вв. (А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова). Поскольку материалом исследования являются фрагменты институционального медицинского дискурса, зафиксированные в художественных произведениях избранного периода, появляется возможность анализировать речевые жанры в культурно-исторической динамике, обнаруживая их типологическую стабильность.

Одним из главных путей к уточнению понятия *речевого жанра* является создание типологии жанровых форм. О необходимости создания наиболее полной классификации речевых жанров говорили и говорят

многие отечественные и зарубежные исследователи (В. В. Дементьев, Ф. С. Бацевич, А. А. Кибрик, Т. В. Шмелёва): «Проблема классификации РЖ, выделения типов РЖ, наряду с вопросами, что такое речевой жанр, что является и что не является речевым жанром и где границы между речевым жанром и смежными, более или менее генетически близкими явлениями, относится к наиболее важным и актуальным проблемам теории речевых жанров. В то же время классификация речевых жанров – одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений современной ТРЖ» [1 : 155]. В настоящее время данная проблема остается по-прежнему нерешённой, поскольку *речевые жанры* по своей сути трудно поддаются систематизации в виду их многообразия, а также текучести их границ: «До сих пор не существует общепринятой типологии РЖ – в лучшем случае это списки РЖ, по возможности подробные» [1 : 156].

Несмотря на отсутствие единой общепринятой типологии речевых жанров, многие

лингвисты внесли свой индивидуальный вклад в разработку проблемы классификации речевых жанров (Н. Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, А. Вежбицкая, В. В. Дементьев, М. В. Панов, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва и др.). Детальный обзор типологии речевых жанров представлен в работе В. В. Дементьева «Теория речевых жанров». Глубокий анализ существующих точек зрения по этому вопросу свидетельствует о том, что типология речевых жанров в современной лингвистике сводится к трём концепциям: 1) коммуникативно-речевой (интенциональной), ориентированной на признаки коммуникации, целеустановку; 2) функционально-стилистической; 3) социо-прагматической.

Разграничение речевых жанров по принадлежности к определённым типам дискурса (лично-ориентированного и статусно-ориентированного) помогает классифицировать всё многообразие коммуникативных ситуаций в потоке повседневного общения. Поддерживая идею М. М. Бахтина, В. В. Дементьева, В. И. Карасика о том, что за разными сферами речевого взаимодействия коммуникантов закреплён определённый репертуар жанров, предложим собственную классификацию речевых жанров, в основе которой лежит **парадигмальный подход**.

Парадигмальность, выступая методологической основой клинического дискурса, обнаруживает себя и на уровне речи. Иллокутивная направленность медицинского дискурса заключается в сборе анамнеза. В медицинской науке **анамнез** (от греч. *anamnesis* – воспоминание), определяется как «совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого и / или знающих его лиц. Изучение анамнеза, как и расспрос в целом, не просто перечень вопросов и ответов на них. От стиля беседы врача и больного зависит та психологическая совместимость, которая во многом определяет конечную цель – облегчение состояния пациента» [2 : 15]. Как видно из представленного определения, основополагающим для составления картины заболевания и достижения терапевтической цели выступает медицинский дискурс, то есть живое непосредственное речевое взаимодействие врача и пациента.

По анамнезу можно установить, как реагировал организм больного на все те внешние условия жизни и вредности, которые были в его прошлом. Анамнез включает показания самого больного, его близких и окружающих. Ценность анамнеза субъективна и различна в зависимости от индивидуальности опрашиваемого. «Анамнез врачу не-

обходимо вести активно, то есть, дав больному высказать свои основные жалобы, в дальнейшем самому вести опрос, пользуясь какой-нибудь **схемой** (выделено нами)» [3 : 594]. Анамнез включает в себя четыре обширных информационных блока: отдалённый анамнез, ближайший анамнез, профессиональный анамнез и социальный анамнез. Все они реализуются «в порядке **последовательности** (выделено нами)» [3 : 594–595], причём «профессиональный анамнез **без резких границ** (выделено нами) переходит в анамнез социальный» [3 : 596], обнаруживая этим одну из основных характеристик дискурса – непрерывность.

Собственно клиническим дискурсом (в рамках медицинского) является ближайший анамнез. Он «отвечает на вопросы, при каких условиях и каких симптомах развивалась настоящая болезнь до обращения к врачу, каковы основные жалобы, как функционировали главные органы и каково было лечение. <...> Большое место в анамнезе занимают жалобы на боль, поэтому **нужно отметить** (выделено нами) характер болей, иррадиацию их, локализацию, стойкость, время их появления» [3 : 594]. При профессиональном анамнезе «обращается особое внимание на то, чтобы опрашиваемый <...> подчеркивал условия, специально характеризующие лично его работу, так как опрашиваемый далеко не всегда может правильно отметить и оценить специфические профессиональные вредности, то его **следует заставить тщательно изложить** (выделено нами) весь производственный процесс <...>, чтобы самому сделать необходимые заключения <...>. Собирая профессиональный анамнез, врач должен **выяснить мнение опрашиваемого** (выделено нами) о связи между тем или иным вредным моментом или вообще условиями профессионального труда с отдельными жалобами больного или отмечаемыми им функциональными изменениями» [3 : 597].

Таким образом, перед врачом стоит задача получить максимум информации о патологическом статусе, используя для этого определённые иллокуции. Поскольку диалогическое единство является основной структурной единицей дискурса, – вопросно-ответные единства, используемые в медицинском дискурсе, представляют собой последовательность иллокутивных актов. Содержание каждого иллокутивного акта определяется той единицей информации, подтверждение или неподтверждение которой хотят получить соотносимо с нозологической «сеткой» симптомов. Логические принципы конъюнкции или дизъюнкции, лежащие в ос-

нове такого расспроса, формируют схему, или структуру, и эта «комбинаторная изменчивость простых форм образует эмпирическое разнообразие» [4 : 225] патологической картины.

В парадигматике медицинского дискурса можно выделить два типа парадигмальных единиц: 1) базовые парадигмы, которые «используются в качестве моделей или примеров, могут заменять эксплицитные правила» [5 : 17], – они функционируют в общей модели анамнеза (отдалённого и ближайшего) и могут быть определены как стереотипные; 2) узкоспециальные шаблоны, относящиеся к отдельным аспектам общих парадигм. Как отмечается, «ближайший анамнез акцентируется на той системе заболевших органов, с жалобами на которые пришёл больной, и здесь различные специалисты имеют свой углубленный анамнез по каждой специальности (офтальмологи, отиатры, невропатологи, урологи и т. д.)» [3 : 597]. Учитывая более узкое понимание явления, его можно обозначить термином паттерн (англ. *pattern* — образец, шаблон). Паттерн характеризуется более узкой, специальной сферой применения и восходит к работам М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филипс, понимающим дискурс как «идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Известные примеры – „медицинский дискурс“» [5 : 17]. Под паттернами в нашем случае следует понимать частные, конкретизирующие, парадигмальные структуры внутри дисциплины.

Для обозначения различных парадигмальных элементов Т. Куном был предложен термин «дисциплинарная матрица»: «„дисциплинарная“ потому, что она учитывает обычную принадлежность учёных-исследователей к определённой дисциплине; „матрица“ – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я <...> называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое» [4]. В интересующем нас медицинском дискурсе диалогические единства продуцируются в соответствии с дисциплинарной матрицей научного медицинского знания согласно нозологической классификации и в соответствии со стадиями дискур-

сивного события (патологического процесса).

Иллокуция диалогического единства определяет концептуальное наполнение речевого жанра, оформляющего диалог, как более крупной, чем речевой акт, единицы. Так, например, *квеситив* как иллокутивный акт определяет речевой жанр *врачебного вопроса*, *реквестив* – РЖ *просьбы*, *инъюнктив* – РЖ *медицинского предписания*, *констатив* – РЖ *диагностирования и постановки диагноза* и т.д. При этом речевые жанры, обслуживающие сферу институционального дискурса, мы можем представить в виде следующей типологической классификации:

1) **аутентичные РЖ**, то есть соответствующие логико-смысловым моделям дисциплинарной матрицы (в речевом взаимодействии врача и больного это РЖ *жалобы*, *профессионального медицинского вопроса*, *указания при объективном исследовании*, *постановки диагноза*, *медицинской рекомендации*). Например: ***Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдёт... Часа два потреплет и отпустит*** (М. Булгаков. Тьма египетская); – ***Вот что, голубчик, – говорил я, постукивая по широчайшей тёплой груди, – у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка...*** (М. Булгаков. Тьма египетская); – ***Разденьтесь. Поскорей, пожалуйста!.. – сказал Топорков и взял в руки молоточек*** (А. Чехов. Цветы запоздалые); – ***Ну, вот что, Черкасов: всё-таки нужно будет комнату от заразы очистить. Все подушки, одеяло, которым вы вчера покрывались, дайте нам; мы их вам завтра отдадим. И комнату нужно будет хорошенько полить и обрызгать*** (В. Вересаев. Без дороги).

2) **комплементарные РЖ**, то есть жанры, непосредственно не относящиеся к институциональному дискурсу, но взаимно дополняющие его и составляющие некое функциональное единство. Подобные РЖ связаны с эмоционально-психологическим компонентом интеракции и с социальным анамнезом. «В этом процессе специального исследования человеческой личности врачу, наряду с клиническим материалом, неизбежно приходится расследовать также те стороны в положении больного, которые имеют социальное значение (то есть оказывают влияние на личность, как на единицу общественной среды)» [3]. В отличие от видов институционального дискурса, где коммуниканты являются равнокомпетентными, медицинский дискурс есть форма, в которой

комбинируются статусно-ролевая позиция врача и личностно-ролевая позиция пациента. В процессе диалогического единства эти ролевые отношения тесно переплетаются, благодаря чему становится возможным включение в институциональный дискурс жанров неинституционального дискурса, таких как РЖ просьбы, мольбы, убеждения. Например: *Маруся пошла навстречу Топоркову и, ломая перед ним руки, начала просить. Ранее она никогда и ни у кого не просила. – Спасите его, доктор! – сказала она, поднимая на него свои большие глаза. – Умоляю вас! На вас вся надежда!* (А.Чехов. Цветы запоздалые); *– Слушайте, дядя, – продолжал я вслух, – глотка дело второстепенное. Глотке мы тоже поможем, но, самое главное, нужно вашу общую болезнь лечить. И долго придётся лечиться – два года* (М. Булгаков. Звёздная сыпь).

3) **периферийные РЖ** – все РЖ, кроме комплементарных, которые необязательно могут появляться в институциональном дискурсе (например, РЖ предостережения, угрозы, инвективы, обвинения). Например: *Доктор осмотрел его локоть, подавил, вздохнул, чмокнул губами, потом опять подавил. – Бить тебя, баба, да некому, сказал он. – Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропащая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит!* – Вам лучше знать, батюшка... – вздохнула баба (А. Чехов. Беглец).

4) **экстернальные, или внеположные РЖ**, то есть принципиально невозможные для данного типа дискурса или как минимум для одного из коммуникантов. Например, в речевой модели «врач – пациент» не может присутствовать РЖ осуждения, хвастовства и т.п. со стороны врача, так как это противоречит принципам медицинской этики; невозможен РЖ светской беседы как лишённый институциональных признаков или РЖ соболезнования, в случае, если объектом является сам пациент, ввиду отсутствия диалогического единства.

В качестве характерного примера связанности и взаимообусловленности речевых жанров можно привести следующие контексты: 1) жанр жалобы → жанр постановки диагноза → жанр рекомендации (может быть жанр обвинения, убеждения) → жанр благодарности; 2) жанр постановки диагноза → жанр рекомендации → (жанр отказа от лечения) → (жанр отказа от лечения). Например: 1) – *В чём дело? Снимите шубу. Откуда вы?* → (жанр жалобы) *Лихорадка замучила, ответил больной и скорбно глянул. Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдет... Часа*

*два потреплет и отпустит. «Готов диагноз» – победно звякнуло у меня в голове → (жанр постановки диагноза) – Вот что, голубчик, – говорил я, постукивая по широчайшей теплой груди, – у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка... → (жанр рекомендации/совета) – У меня сейчас целая палата свободна. Очень советую лечиться ко мне. Мы вас как следует понаблюдаем. Начну вас лечить порошками, а если не поможет, мы вам впрыскивания сделаем. Добьемся успеха. А? Ложитесь? → (жанр благодарности) – Покорнейше вас благодарю! – очень вежливо ответил мельник. – Наслышаны об вас. Все довольны. Говорят, так помогаете... (Булгаков, Тьма египетская); 2) – *Когда же это случилось? – С неделю, батюшка, с неделю, милый... Выперло... И баба захныкала. Годовалого мальчишку она держала на руках, как полено, и у мальчишки этого левого глаза не было. Вместо глаза из растянутых, истонченных век выпирал шар желтого цвета величиной с небольшое яблоко. Мальчишка страдальчески кричал и бился, баба хныкала → (жанр постановки диагноза) «Что это такое...Мозговая грыжа...Гм...он живет... Саркома. Гм...мягковата...Какая-то невиданная, жуткая опухоль...Откуда же она развилась... Из бывшего глаза...А может быть, его никогда и не было...Во всяком случае сейчас нет» → (жанр рекомендации/совета) – Вот что, – вдохновенно сказал я, – нужно будет вырезать эту штуку...→ (жанр отказа от лечения) – Что резать? – спросила баба, бледнея. – На глазу резать? Нету моего согласия...→(жанр постановки диагноза) – Никакого глаза у него нету, – категорически ответил я, – ты гляди, где ж ему быть. У твоего младенца странная опухоль... (Булгаков, Третий глаз).**

Возникновение «нестандартной» ситуации способно вызвать отступление от общепринятого канона, разрушить профессионально заданную систему жанровых взаимодействий. Колебания в использовании тех или иных речевых жанров в речи врача и пациента, от жанров мольбы, просьбы, отказа от лечения в речи пациента к жанрам убеждения, утешения, обвинения в речи врача обусловлены различными экстралингвистическими обстоятельствами.

В пропорциональном соотношении набор аутентичных жанров уступает многообразию других, комплементарных и периферийных. Однако именно парадигма жанров, подчинённых целевым установкам медицинского дискурса, продиктованным дисциплинарной матрицей, является сдерживающим факто-

ром, конституирующим институциональный дискурс. Она позволяет врачу выстраивать диалогическую структуру в рамках заданной темы. Обусловленность речевых жанров клиническими (анамнезическими) парадигмами, имеющими логико-смысловой алгоритм, позволяет констатировать явление связанности и взаимообусловленности речевых жанров между собой, продуцирования жанровых цепочек в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. Б. В. Петровский. М. : Советская энциклопедия. Т. 1. 1982. 350 с.
3. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Н. А. Семашко. Т. 1. А – ANSA. М. : Советская Энциклопедия, 1928. 796 с.
4. Кун Т. Структура научных революций М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.
5. Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Киселёвой. 2-е изд., испр. Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2008. 352 с.

6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teoriya rechevikh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.
2. Enciklopedicheskiy slovar medicinskih terminov [Encyclopedic Medical Terminology dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1982. 350 p.
3. Bolshaya Medicinskaya Enciklopediya [Great Medical Encyclopedia]. Vol. 1. A – ANSA. Moscow, 1928. 796 p.
4. Kun. T. *Struktura nauchnih revoluciy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, 2002. 796 p.
5. Yorgensen M. Filips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method. Ed. A.A. Kiseleva]. Kharkov, 2008. 352 p.
6. Karasik V. I. O tipah discursa [About types of discourse]. *Yazikovaya lichnost: instituzionalny i personalny discurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000, pp. 5–20.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.111'38:32:004.738.5
ББК 81.2Англ-5

Е. И. Горошко, Л. В. Павлова
Харьков, Украина

O. Ig. Goroshko, L. V. Pavlova
Kharkov, Ukraine

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА СЕРВИСОВ КОММУНИКАТИВНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ САЙТОВ)

TEXT TRANSFORMATION UNDER THE INFLUENCE OF THE GENRE SYSTEM OF COMMUNICATIVE INTERNET SPACE SOCIAL MEDIA SERVICES (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL SITES)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы компьютерно-опосредованной коммуникации, конвергентные свойства коммуникативного пространства Интернет, способствующие становлению и развитию системы жанров 2.0, что существенным образом трансформировало ключевое для лингвистики понятие «текста». Уточняется понятие политического медиатекста применительно к новым медиа и выделяются его основные свойства, а также предпринимается попытка типологии медиатекстов и выявления их структурных характеристик на материале персональных сайтов американских политиков.

Ключевые слова: жанры 2.0, новые медиа, политический дискурс, персональный политический сайт, медиатекст, типология

Abstract. The article addresses the problems of computer-mediated communication and convergent characteristics of Internet contributing to genres 2.0 system formation and development, which has essentially transformed the basic notion of the text. The notion of political media text is specified within new media context, main characteristics of media texts are defined and an attempt of media texts typology building as well as linguistic analysis on their lexical, morphological and syntactical levels is made. The problem of text transformation is researched on the basis of American politicians' personal sites.

Key words: genres 2.0, new media, political discourse, personal political site, media text, typology.

Сведения об авторах: Горошко Елена Игоревна, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка, профессор, доктор филологических наук, доктор социологических наук.

Павлова Лариса Васильевна, преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка.

Место работы: Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина.

E-mail: olena_goroshko@yahoo.com; larchik.pavlovoy@gmail.com

About the authors: Goroshko Olena Igorevna, Chair of the Department of Cross-Cultural Communication and Modern Languages, Professor, Doctor of Philology, Doctor of Sociology.

Pavlova Larisa Vasil'evna, lecturer at the Cross-Cultural Communication and Modern Languages Department.

Place of employment: National Technical University «Kharkov Polytechnic Institute»(Kharkov, Ukraine).

Texts are important as a result of their ubiquity and because there is widespread belief that they contribute to the production of our «common sense» understandings of the world. As such, media texts are thought to affect, in a very real sense, the way in which we understand ourselves/others and the way we lead our lives.
A. Briggs. and P. Cogley.

Актуальность. В современной политике происходят изменения, требующие переосмысления тех сфер деятельности, которые существенно влияют на формирование общественного мнения. Одной из таких сфер является политический интернет-дискурс, представленный достаточно большим коли-

чеством жанров и текстов. Более того, доля политических интернет-коммуникаций и их влияние на все политические процессы как в локальном, так и глобальном масштабе увеличивается. Эти изменения отражаются и на терминологическом уровне. Такие слова, как: «киберполитика», «компьютерно-опосредованная политическая коммуникация», «сетевая политика», «кибердемократия», «цифровая демократия», «электронный парламент», «электронное правительство» и др., были введены в академический дискурс для описания особого сегмента Глобальной паутины – это «политический Интернет» или *политический сектор Интернета*, определяемый нами как

сектор коммуникативного пространства Сети, функционирующий на основе принципов интерактивности и объединяющий всё многообразие дискурсивных политических практик, используемый политическими субъектами (или институтами) для информирования граждан, оказания на них воздействия, а также мобилизации целевой аудитории в свою поддержку и вовлечения её в активный диалог с представителями власти с целью выработки и принятия совместных политически важных решений посредством электронного канала коммуникаций, а именно посредством сети Интернет.

Эти изменения в политических коммуникациях, обусловленные именно интернетизацией политики, нашли свое отражение и в лингвистике, где фактически возникает новое направление – *политическая интернет-лингвистика*. Это направление находится на пересечении двух дисциплин – *интернет-лингвистики* и *политической лингвистики* – и изучает функционирование языка в политическом секторе Интернета. Таким образом, его объектом являются политические коммуникации, реализуемые с помощью интернет-технологий, а предметом – языковые процессы, происходящие в данном секторе.

Более того, по мере развития сети Интернет и его концепций (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0) стало ясным, что все ключевые лингвистические понятия – «слово», «текст», «жанр», «дискурс» и т.д. в коммуникативном пространстве Интернет, включая и его политический сегмент, начинают переосмысливаться и переопределяться.

Так, вербальное общение, выражаемое средствами письменной речи (электронными текстами), является *системообразующим признаком Интернета* как социальной реальности, а сам человек оказывается практически редуцированным до набора вербальных сообщений [1], что четко показывает и политический сегмент Сети. Одновременно любое политическое действие является действием языковым, и политический Интернет – как и любой другой сектор Сети – это пространство, заполненное текстами, находиться в этом пространстве – значит писать, говорить – значит набирать текст.

Значительно диверсифицировались и жанры, функционирующие в Сети, что обусловило кардинальные изменения в определении и восприятии одного из таких ключевых исследовательских объектов лингвистики, как *текст*. Особенно пристальный интерес вызывает изучение функционирования текстов в новых коммуникативных средах,

например *в среде веб 2.0* или, как его еще называют, *в социальном вебе* или *в новых медиа* [2].

Анализ последних исследований показывает, что проблема функционирования текста в условиях новой коммуникативной среды и те изменения, которые происходят в его структурных характеристиках, стали объектом изучения как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [1–12].

В основном это изучение идет по таким направлениям:

- лингвостилистическое [13 ; 14];
- психолингвистическое [1];
- лингвокультурологическое [11 ; 15];
- исследование гипертекстовой структуры текста [16; 17];
- изучение коммуникативных свойств текстов [8];
- изучение проблемы семиотически осложнённого текста [18].

Однако коммуникация в сети Интернет с появлением новых жанровых форм и изменениями принципов функционирования канала распространения информации расширила границы текста, добавив к его традиционному пониманию как «...*объединённой смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность*» новое измерение. Текст стал терпеть в Сети ряд изменений, которые можно метафорически определить как «пантекстуальность», при которой «...тексты всех мастей покидают свою бумажную вотчину и захватывают ранее семиотически нетронутые земли» [19 : 85]. Мы предполагаем, что это происходит за счёт наращивания ресурсного потенциала Сети и развития технологий веб 2.0, в основу функционирования которых заложены принципы *синдикации, социализации, сотрудничества, интерактивности и открытости контента* [1].

В связи с этим развитием технологий текст эпохи веб 2.0 становится более креолизованным, усиливается уровень его гипертекстуальности, а ограничение на длину сообщений некоторых коммуникативных сервисов веба 2.0, например сервиса микроблогов Твиттер, накладывает отпечаток на структуру всего текста [20]. Кардинальное изменение претерпевает категория *авторства*, которая преобразуется в категорию *соавторства* и *соредактирования* (автор текста становится его редактором при одновременном авторстве других, например тексты, функционирующие в форматах разнообразных Википедий в сети Интернет, и прочее) [2 ; 21–23].

Одним из результатов «работы» этих технологий в лингвистике стало возникновение конвергентных («конвергентный» от лат. *convergo* – «сближаю») жанровых форм или жанров 2.0, а также трансформация под их влиянием понятия «текст» и создание нового типа текста, которое как раз и происходит непосредственно под воздействием формирующихся и развивающихся в Сети жанров 2.0 [5].

Заметим, что в настоящий момент в социокоммуникативном пространстве Сети существует огромное количество форм электронной межличностной коммуникации, которые учёные разделяют на *гипержанры* (сайт, блог, социальная сеть, электронная библиотека) и *жанры* (электронное письмо, чат, рекламный баннер, форум, коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, пост и комментарий в блоге) [14 ; 24]. Однако с интегрированием в коммуникативный процесс технологий веб 2.0 и социальных медиа, поддерживаемых данной веб-концепцией, стали возникать новые жанры, которые сегодня обозначаются как *жанры 2.0* или *конвергентные жанровые макрообразования смешанной природы*, в рамках которых происходит конвергенция:

- технических устройств, стационарных и мобильных, объединяющих в себе средства связи;
- средств отображения, редактирования и распространения информации;
- различных видов СМИ, то есть прессы, радио, телевидения, Интернет, когда происходит соединение и объединение в одном издании различных способов донесения контента до потребителя;
- медиа – различных отраслей информационно-коммуникативной деятельности: журналистики, пиар, рекламы, и т.п. [4].

Кроме того, сегодня становится очевидным, что конвергентные процессы происходят не только в технологиях и в медиа, но и в языке, их обслуживающем, поэтому наблюдается конвергенция:

- письменной и устной форм речи (письмо через говорение (англ.: *writing talking*);
- вербальной и невербальной информации за счет синхронного использования нескольких семиотических систем;
- между тематической целостностью сообщения и формальной связностью (англ.: *convergence of media and message*);
- языков, что выражается в конвергенции кодов, алфавитов, и прочее (англ.: *code switching and code mixing*);
- коммуникативных ролей и размывание дистанции между автором сообщения и его читателем;

- (сближение) монологической и диалогической форм речи, а вернее конвергенции монолога, диалога и полилога;

- текста как продукта коммуникативного процесса и дискурса как способа выражения коммуникативных стратегий;

- синхронных и асинхронных форм коммуникации [4].

Конвергентные в техническом и языковом смысле жанры 2.0 существенно повлияли на структуру *текста*, отдалив его от традиционного понимания, когда текст определяют, во-первых, как «...произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [25 : 18]; во-вторых, как «...сложную, иерархически организованную структуру, представляющую собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [26 : 15]; в-третьих, как «...выраженное в письменной или устной форме упорядоченное и завершённое словесное целое, заключающее в себе определённое содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [27 : 65].

Постановка проблемы. Исходя из сказанного, мы полагаем, что проблема взаимосвязи текста, функционирующего в среде новых медиа, и тех жанров и жанровых образований, которые возникают в ней, остается недостаточно изученной, особенно в рамках политических коммуникаций, что и обусловило проведение нижеописанного исследования.

Целью работы стал анализ изменений, происходящих в тексте под воздействием конвергентных жанров, функционирующих в коммуникативном интернет-пространстве, выявление и описание свойств и характеристик интернет-текста, позволяющих определить его как *медиа-текст*, попытка разработки типологии медиатекстов и выявления их структурных характеристик применительно к новым медиа.

Эмпирической базой исследования послужил корпус текстов, находящихся на персональных сайтах американских политиков, размещённых на официальном портале Верхней палаты представителей Конгресса

США (www.senate.gov/general/contact_information/senators_cfm.cfm). Тексты для анализа были отобраны с каждого десятого сайта портала (выборку составили десять сайтов, на каждом из которых с помощью метода генерации случайных чисел были отобраны 16 текстов). Таким образом, общее количество проанализированных текстов составило 160 единиц. На наш взгляд, именно персональные сайты политических лидеров представляют собой один из самых ярких образцов политических коммуникаций и являются своеобразной виртуальной платформой, в рамках которой функционируют разнообразные жанры 2.0.

Анализ результатов исследования. Текст в рамках новой конвергентной информационной медиасреды меняет свой «формат», приобретает новые характеристики, лишается завершенности, становится более диалогичным, объёмным, полимодальным, динамичным и многослойным, что происходит за счёт совмещения вербальной части текста с медийными свойствами среды, поэтому мы видим целесообразность в использовании термина *медиа́текст*, концепция которого стала активно разрабатываться в англоязычной научной литературе ещё в конце прошлого века [28–30], а в русскоязычный научный лексикон была впервые введена в 2000 году Т. Г. Добросклонской.

Проанализируем существующие в литературе толкования данного термина. Исходя из семантики термина *медиа* (от лат. *media, medium* – «средство», «способ», «посредник»), мы можем назвать медиатекстом любой носитель информации, начиная от настенных рисунков, традиционных книг, произведений искусства и заканчивая последними техническими достижениями. В словаре А. В. Федорова «*медиа́текст*» (*media text, media construct*) определяется как сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, видеоклип, фильм и т.д.) [31].

В научной литературе медиатекст интерпретируется как:

1) сложная полифункциональная гетерогенная система, которая одновременно является продуктом вербализации когнитивной деятельности индивида-производителя по познанию реальности и объектом и результатом целенаправленного конструирования смыслов посредством вербально-авербальных кодов в соответствии с прагматической ориентацией конкретного СМИ [32];

2) «...новый коммуникационный продукт», особенностью которого является его способность быть вмонтированным в различные

медийные структуры: газету, радио, телевидение, Интернет, мобильную связь» [7 : 6];

3) многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда [6];

4) интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные), демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях и обладающий такими ведущими признаками как:

- *медийность* (воплощение текста с помощью медиасредств, детерминация форматными и техническими возможностями канала);

- *массовость* (как в сфере создания, так и в сфере потребления);

- *поликодовость* текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов) [8].

Таким образом, приведённые определения позволяют нам сделать вывод, что медиатекст представляет собой информационный и воздействующий институциональный дискурс, в котором фактически отражены технологии, используемые для его производства и распространения, и который «присваивает» себе свойства новой информационно-коммуникативной среды: интерактивность, модульность, дигитальность, гипертекстуальность, конвергенцию, приводящую к созданию гибридных форм текстов и интеграции различных технологий.

В структуре политического сегмента Интернета медиатекст может «функционировать» (быть расположенным) на сайте, контент которого – это конгломерат текстовой информации, изображений, мультимедиа, механизмов поддержания интерактивности, анимации, графики и звука. Подчеркнем, что под *контентом* (англ. *content* – «содержимое») мы понимаем любое информационно значимое наполнение информационного ресурса (например веб-сайта): тексты, графику, мультимедиа – всю ту информацию, которую пользователь может загрузить на диск компьютера с соблюдением соответствующих закономерностей, как правило, только для личного пользования.

Мы считаем, что в парадигмальных рамках как нашего исследования, так и развития интернет-лингвистики важно обосновать различие между понятиями «контент» и «медиатекст». На наш взгляд, контент сайта соотносится с артефактами, фиксированными

ми моделями обозначаемых смыслов, в то время как медиатекст (как и текст вообще) соотносится с процессом конструирования смыслов и значений, актуализируемых адресатом только во время чтения. При этом дисциплинарные рамки лингвистики, социологии коммуникаций и коммуникативистики также накладывают некоторые ограничения на особенности понятийного наполнения и использования данных двух терминов, закрепляя собственно понятие «контент»

никаций в сети Интернет, является понятие «интерактивность» [33 ; 34].

Интерактивность можно рассматривать и как процесс коммуникации, и как процесс какого-либо действия или воздействия, т.е. *способность человека активно влиять на содержание, внешний вид и тематическую направленность компьютерной программы или электронных ресурсов*, что касается взаимодействия «человек-компьютер» и реализуется, например, в системе внутри-

Рис. 1. Стартовая страница персонального сайта сенатора Дж. Тьюна.

более за социологическим анализом текстов.

Теперь рассмотрим, каким образом в медиатексте персонального политического сайта реализуются гипертекстовые, интерактивные, мультимедийные свойства среды.

Проведённый анализ позволил выделить следующие компоненты персональных сайтов политиков, которые «определяют» его *мультимедийный* параметр: высокая степень информативности стартовой страницы (панель меню, приветственное обращение (*Welcome message*), ссылки на пресс-релизы), которая достигается за счет размещения на ней фото- и видеоматериалов, дополняющих содержание вербального текста или дублирующих его в другом формате, например размещение на сайте слайд-шоу с функцией управления воспроизведением (рис. 1).

Наиболее значимым в коммуникации в новых медиа, как с точки зрения лингвистического анализа, так и политических комму-

текстового поиска, возможности выбора языка веб-страницы или изменения внешнего вида текста.

Кроме того, интерактивность можно рассматривать как *возможность общаться, высказывая свое мнение и узнавая мнение партнера по общению*, что коррелирует с очень близким понятием «*обратной связи*», которое, с точки зрения И. Д. Фомичевой, является частным случаем «интерактивности», поскольку обратная связь – это реакция, отклик субъекта на информационное воздействие, что находит своё проявление в виде комментариев на форумах, записей в гостевых книгах, показателях посещаемости сайта. «Интерактивность же предполагает и другие возможности: контроля пользователя над содержанием (запрос, оценка), участие его в формировании через постановку проблем для освещения и убеждения, инициативу в обсуждении, авторство, обмен мнениями с другими пользователями и т.п.» [35 : 19].

Этот взгляд И. Д. Фомичевой разделяют и другие учёные, выделяя два подхода к пониманию интерактивности: *функциональный* (англ.: *functional view*) и *ситуационный* (англ.: *contingency view*). Согласно первому подходу, интерактивность понимается как способность ведения диалога и обмена информацией между пользователем и интерфейсом. В рамках второго подхода интерактивность интерпретируется как процесс, в который интегрируются пользователи, среда и сообщения, и для которого обязательной

ждения и настаивает на том, чтобы их принимали в расчет» [37].

Именно категория *интерактивности* обеспечивает обратную связь политиков со своим электоратом, что усиливает интенсивность политических коммуникаций, реализуемых в рамках политического сегмента Интернета, а также влияет на структурные характеристики политического медиатекста, функционирующего в этой среде.

На персональном сайте политика интерактивность реализуется через возмож-

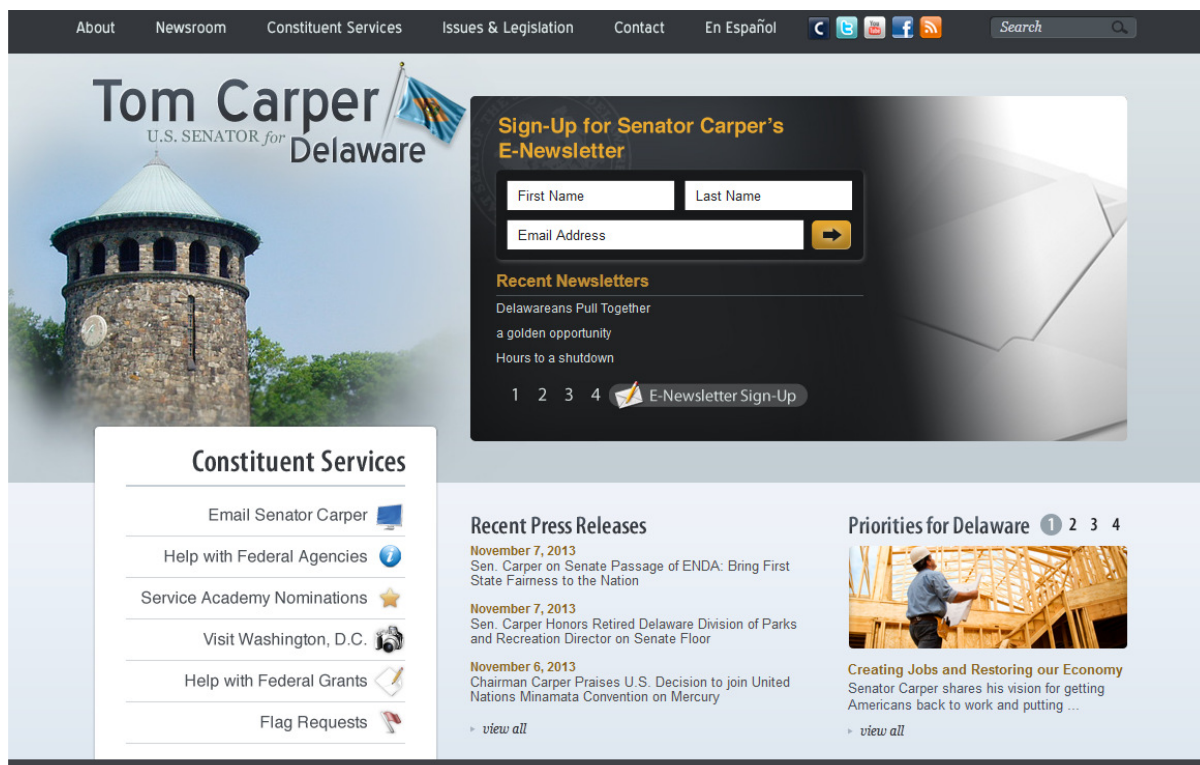

Рис. 2. Механизмы интерактивности, представленные на стартовой странице сайта сенатора Т. Карпера.

является мена коммуникативных ролей так, чтобы все последующие сообщения были связаны с предыдущими [36]. Именно интерактивность такого рода, эксплицирующая особенности межличностного общения, представляет интерес для лингвистического анализа.

По мнению Е. Е. Прониной, психологическое содержание интерактивности состоит в реализации глубинных стремлений личности к самовыражению и к самоутверждению посредством массовой коммуникации. «Эффект присутствия» достигает предельных значений и перерастает в «эффект участия». И человек уже не поглощает сведения пассивно, а оперирует информацией, сам находит информацию для сравнения в других источниках, в собственном образовании и личной ментальности. При этом он высоко ставит свои су-

ность:

- присоединиться к социальным сетям (*Facebook, Twitter, YouTube, Flickr*);
- отправить сообщение по электронной почте (*E-mail Senator...*);
- подписаться на обновление через e-mail (*Newsletters*) и др.;
- использовать опцию «понравилось»;
- зарегистрироваться на сайте для получения возможности встретиться с политиком (*Meeting Request Form*);
- заказать экскурсию по Вашингтону с посещением государственных учреждений – Капитолия, здания Верховного Суда, Библиотеки Конгресса (*Visiting Washington, D.C.*);
- приобрести флаг страны (*Flag Request*);
- подать заявку и получить работу интерна в команде сенатора (*Internships*);

- подписаться на ленту новостей в формате RSS;

- выбирать язык общения (т.к. для части американского населения (свыше 12%) родным является испанский язык, некоторые политики поддерживают персональный сайт и на испанском языке) (рис. 2).

Одним из ключевых понятий при анализе медиатекста в сети Интернет является понятие *гипертекстуальности*, под которой понимается когнитивная и семантико-прагматическая генерализация гипертекста [38].

Рис. 3. Способы текстовой презентации, представленные на персональном сайте сенатора Т. Карпера

На сайте политиков к гипертекстуальности мы относим:

- расширенную навигацию по сайту (*Search*);

- ссылки на внешние источники, функции внутреннего (архив записей) и внешнего (по сети) поиска;

- возможность сортировать материалы по дате публикации и темам;

- возможность ознакомления с релевантными материалами (англ.: *Related Links*) и др. (рис. 3).

В настоящее время в лингвистике существует множество мнений на то, какие критерии должны составлять основу типологии медиатекста [39 ; 10]. Особую значимость для достижения цели нашего исследования имела концепция медиатекста, предложенная Т. Г. Добросклонской, которая строит типологию медиатекстов, как нам кажется, на наиболее диверсифицированной системе параметров, позволяющей дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвистических признаков. Данная система включает следующие параметры:

- способ производства текста (авторский – коллегиальный);

- форма создания (устная – письменная);

- форма воспроизведения (устная – письменная);

- канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);

- функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, тексты-очерки (features), реклама);

- тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [6].

Основываясь на данной системе, мы попытались «приложить» данные параметры к изучению медиатекстов персональных сай-

тов политиков.

Способ производства текста. По мнению некоторых исследователей, такое название параметра недостаточно точно определяет его суть. Мы согласны с Н. В. Чичериной, что более правильным представляется назвать данный параметр «категория автора» [40].

Для политического сайта характерно коллективное (коллегиальное) авторство, так как в разработке сайта принимают участие сами политики, спич-райтеры, веб-разработчики, потребители (потенциальный электорат), поскольку «...их ожидания и желания оказываются «вмонтированными» в политическое сообщение» [41 : 142], а также пользователи сайта, которые оставляют свои сообщения на форумах и в социальных сетях. Например, обращение сенатора Б. Боксер к своей аудитории относительно предложенного ею законопроекта вызвало неоднозначную реакцию пользователей, о чём можно судить из приведённых на сайте отзывов (примеры 1 и 2).

Friday, June 13, 2013

Dear Friend:

This week I introduced the Pay Your Bills or Lose Your Pay Act of 2013, which would prevent Members of Congress from being paid if they fail to raise the debt ceiling. America is not a deadbeat nation. It is an American value to pay our bills. If Members of Congress refuse to honor that responsibility and do our

jobs, we should not be paid our salaries. My legislation would help prevent a catastrophic default – a self-inflicted wound that would harm our economy and our country.

Sincerely,

U.S. Senator Barbara Boxer

(1) Congratulations on introducing the Pay Your Bills or Lose Your Pay Act of 2013. It took courage, and there will be opposition from those who want to hold the country and the President hostage to their dogma, but please, for all the rest of us, continue to fight the fight. We'll be behind you.

Pieter, San Mateo

*(2) While I am a big supporter of my beloved Senator, but your latest proposal to withhold pay until Congress agrees to pay it's bills, sounds reasonable but is a clear violation of the XXVII Amendment to the United States Constitution, to wit: "No law, varying the compensation for the services of the Senators and Representatives, shall take effect, until an election of representatives shall have intervened." Your oath is to the Constitution of the United States. **You should withdraw this proposal** which will only serve to make political points but cost everyone in defending a clearly unconstitutional bill.*

Jeffrey, San Jose

Форма создания и воспроизведения. Однозначного определения формы текстов политической интернет-коммуникации пока не существует, и чаще всего разграничение текстов по способу создания и воспроизводства основывается на типологической дихотомии «устная речь – письменная речь». Так, форма создания текста может быть устной, например интервью с политиком, а формой воспроизводства будет являться предложенный на странице сайта текст. Или письменный по форме создания текст будет устно воспроизводиться политиком в предлагаемом на сайте аудиофайле. Однако данное разделение указывает скорее не на характер коммуникации, а на *способ презентации текста*. Например, приветственное обращение сенатора Т. Карпера пред-

ставлено письменным текстом, но в то же время предлагается устная форма воспроизведения этого текста, размещённая в аудиофайле (рис. 3).

Кроме того, мы видим целесообразность деления медиатекстов по *способу создания и воспроизводства* на одномерные и многомерные (см. также [40]). И политический сайт является наглядным примером многомерного медиатекста, поскольку комбинирует в своём смысловом пространстве средства разных семиотических систем (вербальные, визуальные, аудиальные).

Тематическая доминанта персонального сайта политика или его содержательный параметр как медиатекста определяется его принадлежностью к политическому дискурсу, который мы вслед за Е. И. Шейгал интерпретируем как «... любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [42: 34]. Так, проявлением политического дискурса на сайте можно считать политические выступления сенаторов (*Floor Statements*), выражение своей позиции на социально-политические темы, представленные в рубрике *Issue Statements*, пресс-релизы с комментариями и замечаниями сенаторов (*Press-releases, Recent Editorials and Columns*).

Что касается *функционально-жанровой типологии*, то проведенный анализ показал, что на пространстве персонального сайта политика представлены тексты различных жанров, объединённых между собой по смыслу и интенционально. Как видно из примера, на одном и том же сайте размещаются биография политика, приветственное обращение, новости, политические документы, пресс-релизы, заметки в Твиттере и т.п.

Исследование также показало, что канал распространения информации имеет определяющее значение, поскольку характеризуется набором медийных признаков, оказывающих существенное влияние на структурные свойства текста. Так, на рассматриваемом персональном сайте сенатора Дж. Хувена (см. Рис. 4) вербальная часть усилена графикой, цветом, слайдовыми вставками, фотоматериалом и т.п., таким образом, трансляция смысла в коммуникативной среде происходит с помощью наборов знаков

рассматривались нами на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Поскольку политика находит свое вербальное проявление именно в политическом дискурсе, и каждое политическое действие, как мы уже упоминали выше, является языковым, то особую необходимость мы видим в анализе функционально-политической лексики, оформляющей текстовое пространство сайта и выступающей в роли «языка убеждения» (англ.: *language of persuasion*), свойственного как политическому, так и дру-

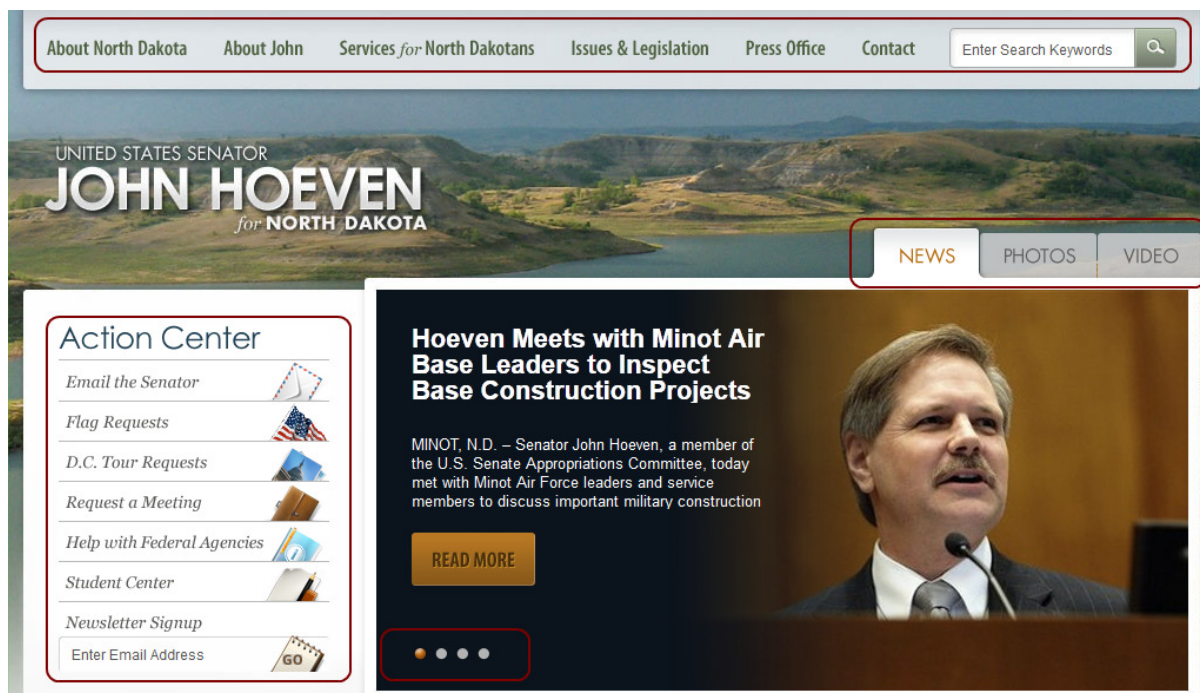

Рис. 4. Стартовая страница персонального сайта сенатора Дж. Хувена как демонстрация усиления уровня креолизованности текста 2.0.

нескольких семиотических систем, представляющих собой коммуникативный код, формирующий текстовую неоднородность, которая определяет его поликодовость – один из ключевых признаков сайта как медиатекста. Кроме того, канал меняет и способ прочтения текста, поскольку посетители в первую очередь просматривают, сканируют содержимое сайта, а уже потом останавливаются на более внимательном чтении интересующей их информации. Поэтому, как советуют специалисты, веб-страницы надо наполнять так, чтобы их было легко просматривать, и при этом не возникала когнитивная перегрузка адресата. Для этого, как видно из примера, способами представления информации (её компрессии) на сайте являются пиктограммы, списки, панель меню с наименованиями тематических блоков, что усиливает уровень креолизованности всего текста.

Лингвостилистические средства, оформляющие персональный сайт политика,

гим типам институционального и бытийного дискурса.

В текстах, размещённых на сайте, присутствует неявная «апелляция» к фонду общих знаний, к чувствам и эмоциям граждан через топосы или «общие места», отражающие универсальные, национальные и государственные ценности; выражается стремление политика позиционировать себя как члена данного социума, отождествляя свои интересы с интересами простых граждан и своей страны; подчёркивается исключительность, уникальность, превосходство американской речи пафос, высокую степень эмоциональности и создаёт у адресата необходимый адресанту эмоциональный настрой в восприятии текста:

«As a world leader, America must continue to defend our interests around the world from the threat of extremist governments, radical leaders, and terrorism. America is the most powerful country in the world

and we can and must act when our vital national interests and values are threatened» (J. Session).

«There is much work to be done if we are to maintain our standing as a world leader and keep the American people safe» (T. Carper).

Исследование показало, что политики, выражая свою позицию, часто прибегают к использованию приёма «размыwania смысла», который заключается в употреблении абстрактных понятий без точного понятийно-логического содержания. К ним могут быть отнесены так называемые «лозунговые слова» (*national defense, freedom, democracy*) и «пустые формулы», которые не несут чётко выраженной положительной оценки, однако, употребляются в контексте так, как будто имеют в нем какой-то точный смысл, создавая у посетителя сайта иллюзию «сопричастности» к политической жизни и активности владельца страницы, «сопереживания» его коммуникативному (политическому) опыту.

«Our rights and liberties come from our Creator, and, to protect them, the Constitution established clear limits on the power of government» (O. Hatch).

«We should propose common sense, free-market ideas to make health care more accessible and affordable.» (M. Rubio).

Следуя своим первоочередным целям информировать и убеждать, политик, создавая сообщение на сайте, использует следующие лексические приёмы:

1) апелляция к рациональной сфере пользователей посредством реализации стратегий аргументативного воздействия и определения порядка следования аргументов:

1) *«Senator Begich recognizes the challenge of achieving national fiscal responsibility, and believes we need a three-pronged approach to solving our nation's fiscal challenges:*

First, we need to get serious about cutting spending;

Second, we need comprehensive tax reform to simplify the tax code and bring down the deficit;

Finally, we need to look to the future and make investments in critical areas like energy, education, and infrastructure to pave the way for a strong future for our state and country» (M. Begich);

2) использование цифровых данных, поскольку конкретные цифры (особенно большие) вызывают у адресата уверенность в достоверности, надёжности и тщательной проверке информации:

«Over the past two years to help Alaska recover from the worst economic crisis since the Great Depression, Senator Begich helped secure the biggest single federal payout in memory with the American Recovery and Reinvestment Act. This historic legislation is delivering about \$1.6 billion to our state and creating and protecting about 8,000 Alaskan jobs» (M. Begich);

3) апелляция к авторитетному источнику, в основе которого лежит концепция диалогизма М. М. Бахтина, а именно его идея несобственно-прямой речи, позже ставшая основой изучения понятия интертекстуальности:

«Mark Twain said that whiskey is for drinking and water is for fighting over...», «President Ronald Reagan always spoke with great admiration and appreciation of the incredible accomplishments of our nation's military» (M. Enzi);

4) маскировка под референциальную неопределённость:

«Some people seem to think we have to choose between having a cleaner, stronger environment and having a robust, growing economy. I disagree» (T. Carper);

5) избегание прямого названия предметов или явлений. Для этого используется риторический троп метонимии (перенос названия по смежности предметов или явлений) с ее разновидностью — синекдохой (целое называется по его части или часть по целому):

«America needs to end our dependence on foreign oil» (J. Sessions).

6) использование сложных слов нестойкого типа, основанного на лексическом способе соположения основ, соединения корневых морфем, нанизывания составляющих элементов, в результате чего происходит конструирование смысла целого.

«Given our state's unique relationship with aviation, a one-size-fits-all approach to regulation seldom works», «Comprehensive immigration reform must be fair to taxpayers by eliminating the under-the-table economy which allows people to evade taxes» (M. Begich).

В ходе исследования нами было выявлено использование разговорной лексики и коллоквиализмов (пример 1) (призванных как бы снизить социальную дистанцию между владельцем сайта и его посетителем), аббревиатур и сокращений (пример 2), эвфемизмов (пример 3), метафор (пример 4), политической лексики (пример 5):

(1) *«This undoubtedly has a chilling effect on investment and is detrimental to job creation not just in coal mining»;*

(2) *FY* (Fiscal Year), *UC* (Unemployment compensation); *ENDA* (Employment Non-Discrimination Act), *Press Contact Info*;

(3) *Even in this country of abundance, the sad reality is that many families lack the necessary resources to feed themselves (are starving) and their families»;*

(4) *«Our accumulated national debt has grown to an unacceptable level»;*

(5) *«The United States needs immigration legislation which can realistically solve the problem, while being fair to taxpayers and tough on enforcement».*

Относительно выбора средств на морфологическом уровне проведенный анализ показывает, что текстам сайта как асинхронному виду электронной коммуникации свойственно соблюдение грамматической нормы. Мы выделили частое использование инклюзивных местоимений *we, our*, что создаёт атмосферу сотрудничества, работы в команде, формирует у пользователей чувство единения (реализация консолидирующей функции). Мы-высказывания манифестируют «свой круг», организуют стратегию солидарности с целевым адресатом и предлагают его противопоставленность другим [43]:

«*We need to ensure that our intelligence and law enforcement officials at every level of government have the resources they need to keep America safe...*» (T. Carper).

Нами было отмечено и частое использование модальных глаголов *must, can* и глаголов в будущем времени, что способствует, на наш взгляд, созданию перспективы, придаёт убедительность высказыванию, вызывает уверенность, и определённую (реализация персуазивной функции):

«*I will continue fighting for good, effective regulations that balance consumer protection and allow for sustainable economic growth*», «*As the war in Afghanistan draws down, I will continue working to ensure the U.S. military remains the best trained and best equipped fighting force in the world*» (T. Johnson);

«*We can achieve a quality education for all students with the help of quality teachers who play an integral part in a child's education*» (Mike Enzi).

Кроме того, мы выделили достаточно большое количество прилагательных и существительных, используемых в атрибутивной функции), которые реализуют сему «улучшения, новаторства»: **advanced technologies, innovation and smart policies, strong, high quality education programs**.

Описывая сайт на синтаксическом уровне, можно сделать вывод о соответствии текстов, размещённых на них, нормам письменной речи, что находит свое отражение в использовании сложных, полных, развёрнутых предложений с применением параллельных конструкций (пример 1), синтаксической конвергенции (перечисления) (пример 2), парентезы и антитезы (примеры 3 и 4):

(1) «*America is currently facing a significant choice when it comes to the future of our economy and national security. It's a choice between spending a billion dollars a day on red, white, and blue American clean energy jobs or spending a billion dollars a day buying oil from countries who all too often don't share our interests*;

It's a choice between a strong, secure, energy-independent America and a weaker, oil-addicted America;

It's a choice between American technological leadership, selling American technologies and services overseas, or losing the clean energy race and buying technology from other countries» (J. Merkley).

(2) «*I have focused my efforts on improving housing, fixing the Indian healthcare system, and promoting employment*» (M. Enzi).

(3) «*Consumers and patients – not government bureaucrats – must be in charge of health care decisions for themselves and their families*» (O. Hatch).

(4) «*In Alaska, aviation is not a luxury, it's a way of life*», «*He believes these programs should be protected and strengthened, not cut or privatized*» (M. Begich).

Выводы. Таким образом, проведенный анализ персонального сайта политика как одного из форматов политических коммуникаций в сети Интернет даёт нам право на основании приведённых типологических признаков определить его как политический медиатекст, отражающий влияние технологических характеристик Сети и воплощающий в себе разнообразные конвергентные характеристики жанровых макрообразований 2.0 или гипержанров.

В ходе проведенного исследования стало ясно, что новый тип текста, возникающий в политической интернет-коммуникации, становится конвергентным, мультимедийным, более интерактивным, креолизованным, динамичным и открытым (в силу усиления его свойства могут быть положены в основу разработки типологии медийных текстов, функционирующих в пространстве политических коммуникаций в новых медиа).

Дальнейшая перспектива. Исследование также показало перспективность изучения медиатекстов, функционирующих в Интернете, и обозначило ряд вопросов для дальнейшего рассмотрения, а именно:

во-первых, стало очевидным, что необходимо посмотреть как реализуются в медиатексте традиционные текстовые категории (связность, целостность и прочее), и какие видоизменения с ними происходят под влиянием новых технологических характеристик среды; как соотносятся вербальные и невербальные средства, какие характеристики политического медиатекста в Сети отличают его от других типов политических медиатекстов.

Во-вторых, крайне актуальным, с точки зрения уже психолингвистического анализа, является дальнейшее изучение того, от каких факторов и в какой степени зависит эффективность восприятия сетевого медиатекста, и какие функционально-смысловые способы передачи политических смыслов характерны именно для сетевого политическо-

го медиатекста и усиливают его воздействие на электорат.

В идеале эти две задачи, сформулированные нами, должны рассматриваться одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И.* Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. М. : ИЯ РАН, 2009. Вып.9. С. 108–124.

2. *Горошко Е. И.* Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М. : Наука ; Флинта, 2012. С. 9–57.

3. *Горошко Е. И., Жигалина Е. А.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. М., 2010. 2 (12). С. 105–123.

4. *Горошко Е. И.* Функционирование текста в среде конвергентных медиа // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы II междунар. конф. 18–20 октября 2011 / отв. ред. С. А. Стройков. Самара : ПГСГА, 2011. С. 22–40.

5. *Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л.* Жанры 2.0 : проблема типологии и категоризации на примере коммуникативного сервиса «Твиттер» // Жанры речи : сб. науч. статей. Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. Вып. 8. Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. С. 344–357.

6. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие М. : Флинта, 2008. 264 с.

7. *Засурский Я. Н.* Медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского ун-та. Серия 10 : «Журналистика». М., 2005. № 2. С. 3–6.

8. *Казак М.Ю.* Специфика современного медиадискурса / М. Ю. Казак // Современный дискурс-анализ. [Электронный журнал]. № 6, 2012. С. 30–41. URL: www.discourseanalysis.org (дата обращения: 20.06.14).

9. *Саенко А. Н.* Коммуникативные характеристики немецкоязычных текстов электронного жанра «Профиль компании» : дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007. 253 с.

10. *Чичерина Н. В.* Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов: монография. М. : Эдиториал УРСС, 2008. 232 с.

11. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.

12. *Crystal D.* Language and the Internet Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 272 p.

13. *Гульшина А. Е.* Лингвостилистические особенности текста веб-сайта: проблема смыслового восприятия: на материале презентационных текстов веб-сайта : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 155 с.

14. *Землякова Е. А.* Лингвостилистические характеристики жанра англоязычного корпоративного блога : дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2010. 236 с.

15. *Смирнов Ф. О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 224 с.

16. *Дедова О. В.* Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 525 с.

17. *Компанцева Л. Ф.* Интернет-лингвистика : когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск : Знание, 2008. 528 с.

18. *Дьякова Е. Ю.* Поликодовый текст в Британском рекламном дискурсе сферы образования : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 219 с.

19. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

20. *Горошко О. И.* Новый конвергентный жанр 2.0 – твиттинг // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Загальне мовознавство : зб. наук. пр. 2011. Вип. 52. Львів. С. 210–223.

21. *Горошко Е. И.* Гипертекст 3.0 : лингвистический анализ // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Гипертекст как объект лингвистического исследования». Самара : ПГСГА, 2010. С. 14–16.

22. *Горошко Е. И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского гос. ун-та. Тверь, 2011. № 3. С. 210–223.

23. *Callahan, E., Herring, S. C.* Cultural bias in Wikipedia articles about famous persons. Journal of the American Society for Information Science and Technology, 62(10), 1899–1915, 2011. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/callahan.herring.2011.pdf> (дата обращения: 20.06.14).

24. *Рогачёва Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 252 с.

25. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.

26. *Солганик Г. Я.* К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского ун-та. Серия 10 : «Журналистика». М., 2005. № 2. С. 7–15.

27. *Горшков А. И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М. : Астрель, 2006. 367 с.

28. *Bell A.* The Language of News Media. Oxford : Blackwell, 1991. 277p.

29. *Dijk van T. A.* Discourse and communication : New approaches to the analysis of mass media discourse and communication. Berlin : de Gruyter. 1986, pp. 295–323.

30. Meinhof U., & Smith, J. Intertextuality and the media : From genre to everyday life. Manchester, UK : Manchester University Press, 2000. 159p.

31. Федоров А. В. Словарь терминов по медиа-образованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с.

32. Rogozina I. V. Медиа-картина мира : когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003 430 с.

33. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с.

34. Turnšek M., Jankowski N.W. Social Media and Politics : Theoretical and Methodological Considerations in Designing a Study of Political Engagement. Paper presented at Politics : Web 2.0. An International Conference. University of London, 2008. URL: http://newpolcom.rhul.ac.uk/politics-web-20-paper-down-load/Turnsek_and_Jankowski_Social_Media_and_Politics.pdf (дата обращения: 20.06.14).

35. Фомичева И. Д. Социология интернет-СМИ : учеб. пособие. М. : Фак. журн. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. 79с.

36. Sundar S. S. Explicating Web Site Interactivity : Impression Formation Effects in Political Campaign Sites // Communication Research. Vol. 30, № 1, 2003, pp. 30–59.

37. Пронина Е. Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака net-мышления // Вестник МГУ. М., 2001. Серия 10. Журналистика. № 6. С. 74–80.

38. Давыдова К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста : на материале английских художественных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. 22с.

39. Мельник Г. С. Mass Media : психологические процессы и эффекты СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 160 с.

40. Чичерина Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Серия : Общественные и гуманитарные науки (филология, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). СПб., 2007. № 9(47). С. 159–166.

41. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики. Киев : Академия, 2004. 344 с.

42. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

43. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. № 1. Вып. 31. С. 34–38.

2. Goroshko E. I. *Sovremennaja internet-kommunikacija: struktura i osnovnye parametry* [Modern internet-communication: structure and principal parameters], Moscow, 2012, pp. 9–57.

3. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe [Study of virtual genres: settled and disputable aspects]. *Voprosy psiholingvistiki* [Psycholinguistic problems], Moscow, Iss. 2 (12), 2010, pp. 105–123.

4. Goroshko E. I. Funkcionirovanie Giperteksta v srede konvergentnyh media: lingvisticheskij analiz [Hypertext functioning in the medium of convergent media: linguistic analysis]. *Materiali III mezhdunar. konf.* [Materials of the 3-d International Conference, 18-20 October 2011], Samara, 2011, pp. 22–40.

5. Goroshko E. I., Zemljakova E. A., Poljakova T. L. Zhanry 2.0 : problema tipologii i kategorizacii na primere kommunikativnogo servisa «Twitter» [Genres 2.0: the problem of typology and categorization based on Twitter as a communicative service], *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov, 2012, pp. 344–357.

6. Dobrosklonskaja T. G. *Medialingvistika. Sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: uchebnoe posobie* [Media linguistics. A systemic approach to mass media language studying]. Moscow 2008. 264 p.

7. Zasurskij Ja. N. Mediatekst v kontekste konvergencii [Media text in the convergence context]. *Vestnik Moskovskogo un-ta* [Bulletin of Moscow university], no. 2, 2005, pp. 3–6.

8. Kazak M. Ju. Specifika sovremennoego media-diskursa [Specificity of modern media discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz* (Modern discourse-analysis), no. 6, 2012, pp. 30–41. Available at: www.discourseanalysis.org (accessed 20 June 2014).

9. Saenko A. N. *Kommunikativnye harakteristiki nemeckojazychnyh tekstov jelektronnogo zhanra «Profil' kompanii»* [Communicative characteristics of German-language texts in «Company Profile» digital genre. Cand. philol. sci. thesis diss.], Kharkov, 2007. 253 p.

10. Chicherina N. V. *Mediatekst kak sredstvo formirovanija mediagramotnosti u studentov jazykovyh fakul'tetov : monografija* [Media text as a means of language department students' media literacy formation], Moscow, 2008. 232 p.

11. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Motion-picture text: experience of linguo-cultural analysis], Moscow, 2004. 153 p.

12. Crystal D. *Language and the Internet Language and the Internet*. Cambridge, 2004. 272 p.

13. Gul'shina A. E. *Lingvisticheskie osobennosti teksta veb-sajta: problema smislovogo vosprijatija: na materiale prezentacionnih tekstov veb-sajta* [Linguo-stylistic characteristics of the web-sites text: the problem of semantic perception based on presentation texts of the web-site. Cand. philol. sci. thesis diss.], Moscow, 2006. 155 p.

14. Zemljakova E. A. *Lingvisticheskie harakteristiki zhanra anglojazychnogo korporativnogo bloga* [Linguo-stylistic characteristics of the English corpo-

REFERENCES

1. Goroshko E. I. *Tekst jepohi veb 2.0: psiholingvisticheskij analiz* [Text of era web 2.0: psycholinguistic analysis]. Iss. 9. Moscow, 2009, pp. 108–124.

- rate blog genre. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kharkiv, 2010. 241 p.
15. Smirnov F. O. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti jelektronnoj kommunikacii na anglijskom i russkom jazykah* [National-cultural characteristics of English and Russian languages electronic communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Jaroslavl', 2004. 224 p.
16. Dedova O. V. *Lingvosemiotik analysis of electronic hypertext: thesis for a Doctor's degree* [Lingvosemioticheskiy analiz elektronnoho hypertexta. Dr. philol. sci. thesis diss.], Moscow, 2006. 525p.
17. Kompanceva L. F. *Internet-lingvistika: kognitivno-pragmaticheskij i lingvo-kul'turologicheskij podhody* [Internet-linguistics: cognitive-pragmatic and linguo-cultural approaches]. Lugansk, 2008. 528 p.
18. D'jakova E. Ju. *Polikodovyy tekst v Britanskom reklamnom diskurse sfery obrazovanija* [Polycode text in the British advertising discourse of the services sector. Cand. philol. sci. thesis diss.], Voronezh, 2011. 219 p.
19. Chernjavskaja V. E. *Lingvistika teksta : polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text Linguistics: polycoding, intertextuality, interdiscourse], Moscow, 2009. 248 p.
20. Goroshko E. I. Novij konvergentnij zhanr 2. 0 – twitting [A new convergent genre 2. 0 – twitting]. *Visnik L'viv'skogo universitetu* [Bulletin of Lviv University]. Iss 52. Lviv, 2011, pp. 210–223.
21. Goroshko E. I. Gipertekst 3.0: lingvisticheskij analiz [Hypertext 3.0: linguistic analysis]. *Materialy vsrossijskoj nauch.-prakt. konf. «Gipertekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Materials of the all-Russian scientific-practical conf. «Hypertext as an object of linguistic research»], Samara, 2010, pp. 14–16.
22. Goroshko E. I. «Chirikajushhij» zhanr 2. 0 Twitter ili chto novogo pojavilos' v virtual'nom zhanrovedenii [The twittering genre 2. 0 Twitter or what's new in the study of virtual genres]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tverskoy state university], 2011, no. 3, pp. 210–223.
23. Callahan, E., & Herring, S. C. Cultural bias in Wikipedia articles about famous persons. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 62(10), 1899–1915, 2011. Available at: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/callahan.herring.2011.pdf> (accessed 20 June 2014).
24. Rogachjova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnyh rechevyh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 252 p.
25. Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike anglijskogo jazyka* [English stylistics studies], Moscow, 1958. 459 p.
26. Solganik G. Ja. K opredeleniju ponjatij «tekst» i «mediatekst» [Defining «text» and «media text» notions] *Vestnik Moskovskogo un-ta* [Bulletin of Moscow University], no 2, Ser. 10. Moscow, 2005, pp. 7–15.
27. Gorshkov A. I. *Russkaja stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naja stilistika* [Russian stylistics. Text stylistics and functional stylistics]. Moscow, 2006, 367 p.
28. Bell A. *The Language of News Media*. Oxford, 1991. 277p.
29. Dijk van T. A. *Discourse and communication: New approaches to the analysis of mass media discourse and communication*. Berlin, 1986, pp. 295–323.
30. Meinhof U., & Smith, J. *Intertextuality and the media: From genre to everyday life*. Manchester, 2000. 159 p.
31. Fedorov A. V. *Slovar' terminov po mediaobrazovaniju, mediapedagogike, mediagramotnosti, media-kompetentnosti* [The Dictionary of media education, media pedagogy, media literacy, media competence terms]. Taganrog, 2010. 64 p.
32. Rogozina I. V. *Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspekt* [Media world image: cognitive-semiotic aspects. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Barnaul, 2003. 430 c.
33. Shhipicina L. Ju. *Kompleksnaja lingvisticheskaja harakteristika komp'juterno-oposredovannoj kommunikacii (na materiale nemeckogo jazyka)* [Complex linguistic characteristic of computer-mediated communication (based on Gemarn language). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Voronezh, 2011. 40 p.
34. Turnšek M., Jankowski N. W. *Social Media and Politics: Theoretical and Methodological Considerations in Designing a Study of Political Engagement*. Paper presented at Politics: Web 2.0. An International Conference. University of London, 2008 Available at: http://newpolcom.rhul.ac.uk/politics-web-20-paper-download/Turnsek_and_Jankowski_Social_Media_and_Politics.pdf (accessed 20 June 2014).
35. Fomicheva I. D. *Sociologija internet-SMI: ucheb. posobie* [Sociology of Internet mass media: study guide]. Moscow, 2005. 79 p.
36. Sundar S. S. *Explicating Web Site Interactivity: Impression Formation Effects in Political Campaign Sites*. *Communication Research* 30 (1), 2003, pp. 30–59.
37. Pronina E. E. «Zhivoj tekst»: chetyre stilevyh priznaka net-myshlenija [Live text: four style features of net-thinking]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State Universit]. Moscow, no. 6, 2001, pp. 74–80.
38. Davydova K. V. Gipertekstual'nost' kak svojstvo hudozhestvennogo teksta: na materiale anglijskih hudozhestvennyh tekstov [Hypertextuality as characteristics of a feature text: based on English feature texts. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Armavir, 2006. 22 p.
39. Mel'nik G. S. *Mass Media: psihologicheskie processy i jeffekty* [Mass media: psychological processes and effects]. St.-Petersburg, 1996. 160 p.
40. Chicherina N. V. Tipologija mediatekstov kak osnova formirovannaja mediagramotnosti [Media texts typology as a foundation for media literacy formation] *Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena. Serija: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki (filosofija, jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, jeconomika, pravo, istorija, sociologija, pedagogika, psihologija)* [Proceedings of Gercen Russian state pedagogical university. Ser. Social Studies and the Humanities]. St.-Petersburg, 2007, no. 9 (47), pp. 159–166.

41. Bacevich F. S. *Osnovi kommunikativnoj lingvistiiki* [Communicative Linguistics Foundations]. Kiev, 2004. 344 p.

42. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2000. 431 p.

43. Sineľnikova L. N. Kommunikativnye modeli oppozitsionnogo politicheskogo diskursa [Communicative models of opposition political discourse]. *Političeskaya lingvistika* [Political linguistics]. Ekaterinburg, 2010, no. 1 (31), pp. 34–38.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

«ЛУРКОМОРЬЕ» VS. «ВИКИПЕДИЯ» =
«НЕФОРМАЛЬНО» VS. «ФОРМАЛЬНО»?

“LURKMORE.RU” VS. “WIKIPEDIA” =
“INFORMALLY” VS. “FORMALLY”?

Аннотация. В статье рассматриваются две принципиально разные разновидности популярного в современном русскоязычном Интернете жанра анонимной коллективной энциклопедии – Википедия и Луркоморье. Изначально создаваемая как карнавальная, постмодернистская пародия на Википедию, Луркоморье развивает черты оценочности, субъективности, проистекающие из стремления авторов продемонстрировать не только свою креативность, но и искренность, смелость, свободу.

Главной же отличительной особенностью Луркоморья, по мнению автора, выступает неформальность. Данная характеристика рассматривается автором как жанрообразующая и связывается с традиционными типологическими характеристиками русской культуры, такими как неофициальность, персональность.

Через призму данной характеристики подробно рассматриваются два аспекта текстовой структуры энциклопедии Луркоморье: оценочность (включая содержание конкретных оценочных шкал) и особенности языка Луркоморья (в частности, интертекстуальность, проистекающая, с одной стороны, из сюжетов японских сказок аниме, поклонниками которых были первые авторы Луркоморья, с другой – из обусловленности Луркоморья жанровыми особенностями имиджбордов, участниками которых являются почти все данные авторы).

Ключевые слова: интернет-энциклопедия, Википедия, Луркоморье, неформальность, оценочность, имиджборды, интертекстуальность.

Abstract. In the article two fundamentally different varieties of well-known in the modern Russian-language Internet genre of anonymous collective encyclopedia – Russian Wikipedia and Lurkmore.ru – have been discussed. Originally created as a carnival, a postmodern parody of Wikipedia, Lurkmore.ru develops some new traits, such as judgmental subjectivity, arising from the desire of authors to demonstrate not only their creativity, but also sincerity, courage and freedom.

But the main feature of Lurkmore.ru, according to the author, appears to be informality. This characteristic is considered by the author as genre-forming and has been associated with traditional typological characteristics of Russian culture, such as informality and personality.

Through the prism of these characteristics two aspects of text structure of encyclopedia Lurkmore.ru have been discussed: evaluative features (including the contents of specific rating scales) and language features (such as intertextuality, which stems, on the one hand, from the stories of Japanese fairy tale anime, whose fans were the first authors of Lurkmore.ru, and on the other, from the conditionality Lurkmore.ru by genre features of imageboards, whose participants are almost all these authors).

Key words: online encyclopedia, Wikipedia, Lurkmore.ru, informality, evaluation, imageboard, intertextuality.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Очень широко известная «Википедия» и относительно молодое и малоизвестное «Луркоморье» представляют собой два разных типа интернет-энциклопедий, рассмотрение и сравнение которых интересно и поучительно как для культуролога, так и лингвиста.

Поставленный в заглавии статьи вопрос в какой-то степени проистекает из целей создания проекта «Луркоморье» как неформальной энциклопедии, авторы которого в 2007 начали с того, что заявили о своих принципиальных разногласиях с правилами «Википедии».

Проект был основан, когда несколько участников Википедии (по совместительству – ярых фанатов имиджбордов) не приняли правил проекта. ... У нас нет сколь-либо вменяемой политики значимости, цензуры, толерантности и вообще царит полный административный произвол вперемешку с анархией.

(Материал с Луркоморья – неформальной энциклопедии)

Так была декларирована главная цель Луркоморья – рассмотрение сабжей (субъектов), отобранных по степени их меметично-

сти (заинтересованной обсуждаемости в Интернете) и *доставления лулзов* (смеха) (или *доставления* просто).

Луркоморье (Лукоморье, Луркмоар, Лурк, Лурка, от англ. жарг. lurk moar; lurk значит «таить», в интернет-контексте – читать форумы или другой контент, создаваемый пользователями, не участвуя в его создании (например, не создавая постов), moar – искажённое more) – **неформальная энциклопедия на движке MediaWiki**, позиционирующая себя как «энциклопедию мемов, фольклора и Всего Остального». Начало работы: **30 июля 2007 года**. По состоянию на 13 февраля 2014 года *Луркоморье* содержит **6 533 статьи**. По данным Alexa rating от 9 ноября 2013 года сайт *Lurkmore.to* входит в 3000 самых популярных сайтов в мире и является 143-м по популярности среди российских сайтов.

(Материал из Википедии – свободной энциклопедии)

В какой степени соответствуют действительности заявленные цели, мы и попытаемся разобраться в этой статье; забегая несколько вперед, в некоторых случаях, как это бывает, на практике заявленные «высокие» цели обернулись мифами и разочарованиями. Тем не менее, думается, можно утверждать, что содержание оппозиции «Луркоморье ~ Википедия» составляют два противоположных аспекта: в природе обеих энциклопедий есть ряд принципиальных различий, но есть и общие качества.

Начнем с **общего**.

1) Статьи в обеих анонимны и коллективны (а значит, в значительной степени разноплановы, хотя есть и «стандарт» – некоторые ориентиры, проистекающие из декларируемых целей), есть возможность их обсуждения и исправления, редактирования, дополнения новой информацией и т.д.;

2) есть общее и в структуре статей: текст автора сопровождается ссылками, иногда – картинками, диаграммами, видеороликами и т.д.; информация группируется по «категориям»;

3) авторы обеих по сути стремятся к объективности (например, приводят противоположные мнения/цитаты). Следует признать, что, хотя полностью достичь объективности, конечно, невозможно ни в какой энциклопедии, в целом на Луркоморье гораздо больше, чем в Википедии, возможностей для пристрастности и субъективизма.

К главным **отличиям** Луркоморья от Википедии следует отнести:

1) возможность оценочных высказываний (положительно- и отрицательно-оценочных, хотя в целом, как и следовало ожидать, доля

отрицательной оценки значительно преобладает; высоко ценятся всевозможные разоблачения); много прямых, грубых, неполиткорректных и т.д. номинаций, характеристик, определений: даже когда в этом как будто бы нет необходимости, авторы спешат продемонстрировать свою смелость, свободу. У всех таких средств, как правило, есть своя определенная функция – подробные примеры и комментарий будут приведены ниже;

2) общая значимость формы текста: если целью Википедии является только передача информации, у Луркоморья передача информации часто отходит на второй план по отношению не только к прямой оценке сообщаемой информации (как было сказано выше), но и к, так сказать, оценке опосредованной – эстетической. Тексты многих статей Луркоморье представляют собой по сути художественные произведения и предполагают именно такое восприятие;

3) по этой причине представляет интерес сам язык Луркоморья: он неофициальный и часто оригинальный и включает, с одной стороны, языковую игру, окказионализмы и неологизмы (обычно обыгрывается русский язык, но нередко и английский), с другой – жаргонизмы и мат;

4) что касается собственно передачи информации на Луркоморье – здесь обращает на себя внимание много подробностей, мелких, бытовых деталей (в этом отношении Луркоморье воспользовалось идеей рубрики Википедии «*интересные факты*», но значительно расширило ее возможности), при этом подчеркнута много внимания уделяется фактам низким и стыдным, нередко и смакование грязи;

5) подчеркнутая современность («модность») точки зрения и текста: активное использование молодежного языка, интернет-сленга (включая *кащенизмы* и *падонковский язык*), как и частотное упоминание «молодежных реалий»; с другой стороны, иногда *Анонимусы*, наоборот, выступают как «пожившие, много повидавшие люди», подчеркнуто отдают предпочтение «старому» – произведениям, отношениям между людьми, нормам, моде и т.д., нередко и демонстрация неприятия «падонковского языка».

Все эти отличия, думается, являются следствием из главной отличительной особенности Луркоморья – позиционируемого **образа автора – Анонимуса** и его точки зрения.

Анонимус (англ. Anonymous, лат. Anonymus) – безлик, и имя ему – Легион! Чаще всего так называют посетителей анонимных борд, которые почти

все (исключая использующих трипкоды и сознательно деанонимизирующихся) являются анонимами. Любой Анонимус может высказывать самые сокровенные и смелые мысли, не боясь последствий и преследований IRL со стороны обиженных, униженных и оскорблённых им конкретных личностей. Для существования Анонимуса достаточно хотя бы двух вещей из списка: возможность свободно писать, не регистрируясь; дружественная атмосфера интеллектуальной развязности; *Tog* или *I2P*¹.

Как нам представляется, рассмотрение оппозиции «Луркоморье ~ Википедия» актуально не только для «лингвистики Интернета», но и для коммуникативной лингвистики, русистики, лингвистики в целом.

Во-первых, уже само по себе обретение данным интернет-проектом некоторых новых, по сравнению с Википедией, языковых и неязыковых, текстовых и нетекстовых качеств (одни из них стали прямым следствием из заявленных принципов Луркоморья, другие же как будто бы не программировались заранее, но, тем не менее, представляются достаточно показательными) интересно для лингвиста, тем более что до сих пор, к сожалению, Луркоморье не могло похвастаться большим вниманием к себе со стороны специалистов по языку, речи, коммуникации, т.е. лингвистов.

Во-вторых, данное явление соответствует некоторым общим тенденциям коммуникативной интернет-реальности (и коммуникативной неинтернет-реальности), свойственным современной смеховой / карнавальной коммуникации, прежде всего молодежной. Луркоморье по отношению к Википедии – типичный карнавал и в этом смысле достаточно объективно отражает некоторые важные закономерности и «карнавала по-новому, по-компьютерному», и «карнавала вообще».

В-третьих, сама оппозиция «неформально ~ формально» в высокой степени значима для общего русского коммуникативного и культурного пространства. В этом отношении сегодняшнее русскоязычное Луркоморье (хотя изначально это и заимствованное явление, подобно многим другим «неформальным», «юмористическим Википедиям» типа *Noobtype Wiki*, *Uncyclopedia*, *Абсурдопедии*) может и должно рассматриваться как феномен современной русской культуры, в котором отражаются важные особенности и тенденции последней. Сама по себе карнавальная сущность Луркоморья универ-

сальна: на всех (точнее, конечно, – на всех известных нам) национальных «юмористических Википедиях» объектами карнавального снижения, разоблачения и осмеяния становятся власть (включая власть денег), официальная идеология, стереотипы и предрассудки; всем таким текстам присущи непочтительность к авторитетам, вызов (иногда – запальчивость). Но на русскоязычном Луркоморье довольно большая доля карнавала сосредоточивается на явлении, которое обычно не является мишенью английской, немецкой и т.д. «альтернативных Википедий», – на некой «формальности вообще». Это соответствует одной из базовых характеристик русской культуры, где социальное, психологическое, коммуникативное противопоставление официальности и не-официальности оформляется в целом ряде аксиологических шкал («неформально ~ формально», «лично ~ безлично», «персонально ~ имперсонально»), в том числе на языковом уровне.

В нашей книге [1] было показано, как данная оппозиция отражается в системе русского языка: лексике, фразеологии, паремиологии – и речевой систематике: речевых жанрах, прагматических сценариях культуры, а тем самым – восходит к базовым характеристикам традиционной русской культуры. Очень многие факты современной жизни, коммуникации убеждают, что данная оппозиция остается актуальной и сегодня, а в некоторых аспектах (например, с появлением и активизацией ряда новых сфер коммуникации) даже значительно усиливается. Отличия Википедии и Луркоморья также хорошо иллюстрируют данную тенденцию.

На русскоязычном Луркоморье эта «формальность вообще», порождающая карнавал особого рода, предстает как некая общая абстрактно-формально-обезличенная точка зрения и те вещи, на которые данная точка зрения распространяется: качество отношений автора текста с предполагаемым адресатом; психологические, социальные и статусные характеристики автора, которые подлежат обнародованию; предлагаемая система оценочных шкал (включая сами принципы оценивания качеств личности, прежде всего нравственных, и межличностных отношений); особенности языка и стиля. Кроме того, на Луркоморье данное явление порождает целый ряд более частных, но заметных карнавальных оппозиций, которые будут рассмотрены ниже. Забегая вперед, именно это обусловливает и подчеркнутую, как правило, большую личностность и субъективность текстов русскоязычного Луркоморья, и большую противопоставленность Википедии.

¹ Здесь и далее: материал с Луркоморья – неформальной энциклопедии.

В настоящей статье в связке «Луркоморье ~ Википедия» больше внимания будет уделено Луркоморью по следующим причинам: 1) данный феномен меньше изучен (собственно говоря, почти не изучен); 2) «более коммуникативен», поскольку и образ автора, и образ адресата, и средства контакта, такие как обращения, *нетикет*, здесь выражены более прямо и ярко); 3) имеет более личностный характер, а следовательно, больше возможностей для творчества; но и 4) гораздо меньше по объему (как уже говорилось, объем Луркоморья – 6 533 статьи, тогда как русской Википедии – 1 194 435 статей), а следовательно, обозримее – хотя нами рассмотрены и из них далеко не все, много очень интересных текстов, статей, явлений мы с неизбежностью упустили. В целом наш **материал** составили около **1 000** статей с «Луркоморья», выбранных произвольно, при текстовом объеме одной статьи от **5 000** до **100 000** знаков (не считая картинки).

Темы

Даже поверхностное знакомство с Луркоморьем дает представление о богатстве и разнообразии содержащейся здесь информации, как и некоторых наиболее актуальных темах. События отечественной и мировой культуры, ставшие *мемами*, отображены подробно (хотя, естественно, избирательно) и по-своему ярко.

«Отсутствие выраженного деления на “центр” и “периферию” Интернета позволяет существовать “на равных” в едином культурно-языковом виртуальном пространстве в качестве мемов представителям массовой культуры, политическим деятелям, рекламным слоганам, крылатым выражениям, отражающим современную российскую действительность или недавнее прошлое, а также специфическим “интернетовским” выражениям» [2: 416].

Так, много внимания уделяется **политике** (иногда – даже до чрезмерной политизации), **истории** (статьи о войнах, революциях, массовых движениях, идеологиях и т.д.). Есть отдельные статьи и абзацы в неспециальных статьях о различных **странах, городах, национальностях** (нередко это изложение национальных стереотипов: как уже говорилось, авторы «спешат быть неполиткорректными»), о различных общественных, особенно молодежных **движениях и организациях**, например интернет-сообществах (вплоть до обсуждения отдельных интернет-жанров, например *блога* и личности *блогера*). Выделяются многочисленные социальные и психологические **типы личностей**,

«типажи», которым посвящены специальные статьи: *алконавты; анонимусы; аудиофилы; ахтунги; битарды; быдло (и небыдло); веганы; гламурные кисо; говнари (фанаты русского говнорока); гопники; дохлые герои; дрочеры; еврейские расовые жиды; жлобы; журнализды; илита; кремлядь; либерасты; лохи; луркоёбы; малолетние долбоёбы; мобилодрочеры; мыдло; наркоманы; национал-гомосексуалисты; нищевроды; олдфаги, пиндосы; поцреоты; представители 95%; рэперы; сказочные долбоёбы; стрэйтэджеры; страдающие завышенным ЧСВ; страдающие ФГМ; субкультурщики; фошысты; ТП (тупые пёзды); школота; эмо* и т.д. Нередко сообщается большое количество информации об отдельных **личностях** – как реальных, так и вымышленных (*Фредди Крюгер*). Довольно много внимания уделяется **литературе** (как старым, ставшим классикой произведениям, так и новым, «модным»; особенно популярны *фантастика* и *фэнтези*), **кино, мультфильмам** (особенно – японским *аниме*), **телепередачам** (Что? Где? Когда?, Дом-2), **музыке** (в основном более-менее современной), **спорту** (футбол, хоккей), **астрологии** (гороскопам), включая статьи и абзацы об отдельных писателях, артистах, режиссерах, исполнителях, спортсменах, мультипликаторах, астрологах и т.д.

Обсуждаются также **автомобили, оргтехника** (компьютерные программы, мобильная связь, айфоны, смартфоны и т.д.), **бытовая техника** и отдельные приборы (есть и откровенно курьезные тексты, например большая статья про бензопилу «*Дружба*» – при явно не случайном отсутствии «*дружбы*» просто), например:

*Маздай (англ. must die – «должен умереть»; алсо: форточки, Вынь. Да, венда, винда) – общее жаргонное название операционных систем семейства Microsoft® Windows® Windows®, которое они получили в народе за свою **глупость и убежденность** стабильность и надежность. Фраза происходит от боевого клича "Lamers must die!", который выдавал Червь Морриса. Вначале так называли Виндоус 9х/МЕ...*

Как и следовало ожидать, подчеркнуто много внимания уделяется «смелым», «дерзким» темам, в т.ч. прямо табуированным, «непечатным»: гомосексуализму, педофилии, наркомании и подробностям употребления наркотических средств, моче- и калоиспускания и т.д., каковые подробности чаще всего «прямо» и «непечатно» же названы. Нередко дается подробный пересказ фильмов, книг и т.д., на что обычно в ан-

лоязычных и русскоязычных интернет-энциклопедиях налагается запрет – как на спойлеры.

Оценка

Оценочный аспект является важнейшим для нашего исследования. Как уже говорилось, именно наличие оценок прежде всего отличает Луркоморье от Википедии. В целом система оценок на Луркоморье производна от его идеологии – а это, вообще говоря, **свобода**. Причем свобода особая: требующая активных действий, б о р ь б ы со всем тем, что этой свободе мешает. При ближайшем рассмотрении это идеологическая борьба с двумя сильнейшими авторитетами в сегодняшней России (и, видимо, мире): властью (*Анонимусы* подчеркнуто непочтительны к власти, немало и прямых политических обвинений) и деньгами («проплаченность» тех или иных деятелей на Луркоморье разоблачается особенно активно, с готовностью – притом, что заказных или рекламных статей на самом Луркоморье как будто бы нет вовсе).

Это вновь возвращает нас к оппозиции, вынесенной в заглавие статьи. Дело в том, что и Википедия тоже позиционирует себя как *свободная* энциклопедия. Но там свобода, в общем, понимается только как возможность сообщения информации независимо от власти (притом, что, как уже было сказано, Википедия старается избегать давать оценки – любые). Ср. недавний конфликт с властью РФ из-за статьи *Курение каннабиса*, где Википедия победила:

5 апреля 2013 года ФГУП НТЦ «Информрегистр» направил в адрес «Викимедиа РУ» уведомление о внесении статьи «Курение каннабиса» в «Единый реестр запрещённых сайтов».

Руководство «Викимедиа РУ», действуя в соответствии с принципом открытости, передало письмо Роскомнадзора на суд сообщества русской Википедии, а также сообщило, что только участники проекта могут решать, что делать со статьёй. Ни «Викимедиа РУ», ни Wikimedia Foundation, Inc. не вправе решать судьбу этой статьи. В сообществе Википедии на русском языке разгорелась ожесточённая дискуссия, участники которой явно заявляли, что ни удалять статью, ни изменять её в нарушение собственных правил сообщество не будет.

Уже с 7 апреля 2013 года власти начали пытаться гасить конфликт, распространяя через проправительственные СМИ не соответствующую действительности информацию о том, что редакторы Википедии редактируют «запрещённую» страницу с целью привести её в соответствие с требованиями чиновников. 8 апреля 2013 года

аккуратные формулировки превратились в откровенную ложь. Так представитель Роскомнадзора Владимир Пиков заявил «Интерфаксу»: «Нам прислали статью о курении каннабиса в новой редакции. Наши эксперты ей удовлетворены, претензий к Википедии мы теперь не имеем».

Тем не менее, сообщество Википедии снисходительно отнеслось к попытке чиновников сохранить лицо и в последовавшем обсуждении не высказало намерения раздуть конфликт, так как надеется, что позиция сообщества Википедии и фонда Wikimedia Foundation, Inc. до всех сторон была донесена достаточно ясно: «Подчиняться давлению слабых и трусливых политиков – тех, которые боятся распространения знаний, – это не путь Википедии».

(Материал из Википедии – свободной энциклопедии)

На Луркоморье свобода понимается значительно шире. В общем, свобода на Луркоморье означает, что *Анонимус* выражает оценку – причем исходя только из своих внутренних убеждений.

В этом отношении интересно, что Википедия, представляющая далеко не всегда лояльную к власти (верноподданную, сервильную) точку зрения, идеологию, на какую идеологию традиционно направлен карнавал в чрезмерно статичных, «окостенелых» социумах [3], но не дающая оценки, стремящаяся к объективности, «значимости» и т.д., с точки зрения Луркоморья тоже понимается как в каком-то смысле *н е с в о б о д н а я*, потому что «формальная», а значит, в чем-то с неизбежностью недостаточно правдивая:

В отличие от Википедии, мы не ставим своей целью написать обо всем на свете сразу и не руководствуемся мифическими критериями «значимости» и «энциклопедичности».

Сходство с Википедией забавным образом воспринимается *Анонимусами* как оскорбление:

*Эту статью или раздел следует **развикифицировать**. Эта статья выглядит как или даже является **копипастой из википедии**. Здесь полностью отсутствуют **лулзы**, описание драм и прочие **ништяки**, зато присутствуют **нейтральная точка зрения**^{TM} и унылая **спискота**, или в ней много узкоспециализированной информации сомнительной ценности и энциклопедических терминов. Необходимо срочно привести статью в удобоваримый вид, пока не случилось страшное.*

Названное отличие от Википедии подтверждает то, что неформальность и ее противопоставление формальности, соответствующее выделяемой в [1] оппозиции [P] ~ [-

Р], является для Луркоморья определяющим (жанрообразующим) признаком на содержательном уровне; точно так же обстоят дела и на формальном уровне – см. ниже.

Кроме «отстаивания свободы», как и следовало ожидать, немаленькая часть деятельности *Анонимусов* приходится на полемику с необъективно завышенными (с их точки зрения) оценками – а это прежде всего *фанаты*: их *Анонимусы* подвергают *троллингу* – насмешкам и издевательствам, выражаясь при этом иногда очень грубо и агрессивно (некоторое исключение делается, пожалуй, только для фанатов *аниме* – притом, что фанатов самого Луркоморья чаще всего *троллят* нещадно: ср. статьи *луркоёб* и *битард*). Сюда же следует отнести преодоление некоторых «неверных» стереотипов и предрассудков (того, что подается в качестве таковых).

Интересны соображения о, так сказать, жизненных позициях и идеале *Анонимуса*, которые находим в некоторых статьях:

Хаус являет собой некий идеал Анонимуса, который не прощает и доставляет: являясь асоциальным по своей сути, он, тем не менее, неплохо ориентируется среди этих ваших людишек и практически всегда оказывается победителем. Отсюда и повальная любовь к циничному доктору на имиджбордах.

Захватили школу в Беслане, а мы смеемся. Подrostки подожгли сверстника за отказ дать денег, а мы смеемся. Три школьницы прыгнули с крыши 16-ти этажного дома, взявшись за руки, а мы смеемся и просим еще. Самоубийства, убийства, геноцид – мы смеемся. Расизм, сексизм, дискриминация, ксенофобия, изнасилования – мы смеемся. Мы бездушно подпишемся под чем угодно, наши предпочтения не основаны на здравом смысле, бесцельные споры – наша стихия, мы – истинное лицо интернета. Мы – анонимус. Мы не прощаем и не забываем. И имя нам – легион.

Моральный кодекс Битарда

В то же время, провозгласив свободу в качестве высшей ценности и главного принципа Луркоморья, *Анонимусы* в некоторых случаях сами «оказываются в плену» у этой установки. Так, они явно избегают давать положительные оценки чему-либо, что угодно власти (или хотя бы одной из провластных или просто влиятельных групп, например «денежным мешкам» или «патриотам»), или просто когда положительная оценка является слишком распространенной, «*полсовою*». Боятся вызвать подозрение в написании текстов на заказ или за плату. Например, ругают Солженицына (он прямо назван

лжецом) и Сергея Лукьяненко (специально для него ввели термин *пейсатель*), весьма критично подается информация о Высоцком, Окуджаве и Викторе Цое, у которых много фанатов, КСП и т.п.

Ср. статью «барды»:

Вокруг бардов всегда имеется небольшой кружок прихлебателей, чуть более, чем полностью состоящий из таких же умудрённых жизненным опытом джентльменов и духовно богатых леди, неустанно засирающих эти ваши интернет-одами и прочим хвалебным менстряком в адрес своих кумиров, заодно совершая жуткое количество вбросов в адрес всех других музыкальных культур вплоть до классики. Любые возражения в комментариях вызывает гарантированное бурление говни, после чего вам вменяется то, что вы «ничего не понимаете в настоящем искусстве», и вы автоматически записывается в быдло. Троллинг этих личностей, как и любые споры и холивары с ними, также приносит немало веселья.

В целом, если какая-то оценка является массовой, сам этот факт воспринимается авторами Луркоморья чаще всего подозрительно, и велика вероятность, что с этой оценкой также будут полемизировать, как бы заслуженна она ни была. Так, настоящие баталии иногда разгораются по поводу конкретных авторов и персонажей *аниме* – продолжение дискуссий, доставшихся Луркоморью от *имиджбордов*:

Более же задротствующие атаку частенько дедушку Хаяо (Миядзаки) не любят, ибо общеизвестный, а значит, попса и вообще не аниме. Ни тебе фансервиса, понимаешь, ни мозейных цундере;

Последующие поколения младоанимешников про NGE даже не слышали. По мнению разных анонимусов – одно это делает их быдло-кунами. И делает ведь! Приобщились к аниме путем церебральной деструкции онгоингами и прочими представителями новой волны аниме. Нарутофаги, блячеры, котгейассеры, харухисты – это про них. Питаются исключительно фандабом.

Наоборот, в цене похвала менее известным или забытым авторам, фактам (ср. такие небесспорные по художественным достоинствам произведения, как фильм «Вокзал для двоих» (*Лютый вин, пронзительный и честный*)), «Живет такой парень» (*Молодой Куравлев доставляет на отлично!*)). Вот пример из статьи о практически забытом сегодня детском фильме «Сказка странствий»:

...В итоге, знание оказывается похеренным и утраченным, но такой ценой бобро в очередной раз побеждает осло. Чёрт побери, финальная сцена

победы разума над человеческими пороками, где бывший принц рисует на обломках своего замка силуэт «рукотворного нетопыря, поднимающего в воздух человека», **выбивает слезу, сколько раз ни смотри этот фильм. Кто сейчас сможет снять такое кино?!**

Кстати, последний пример, содержащий столь сентиментальную оценку, опровергает точку зрения А. В. Шульгина о том, что взгляд Анонимуса исключительно «цинично-постмодернистский» [2 : 417].

Эмоциональность вообще вступает в противоречие с установкой на цинизм, даже если эмоции отрицательные, злые:

...рынок около вокзала выглядит совсем не европейски и лютейше бесит, особенно когда приходится искать выход на платформы, с тяжёлым чемоданом проходя сквозь галдящую толпу по убитому асфальту в тридцать градусов жары, пиздец.

Оригинальность и индивидуальность (часто понимаемая совершенно наивно, «подетски» – причем с уверенностью решить, «маска» это или нет, можно далеко не всегда), противопоставленная традиционному, общепринятому, «попсовости», – одна из наиболее очевидных оппозиций, в которые Лукоморье встает к Википедии.

Негативная оценка, как и полагается карнавалу, основой которого является «перевертывание верха и низа», имеет почти конвенционально закреплённые формы выражения с упоминанием гениталий, фекалий и т.д: **говно(актер), говнопесня, унылое говно, высер, срach, хуита, тупая пизда, менстрьяк...** Обилие таких сверхгрубых «прямых номинаций», иногда доходящее до безвкусицы, по-видимому, должно производить впечатление искренности, неформальности, а значит, «правды невзирая на лица». Ср.:

«Королева бензоколонки» (1962) – неплохая в целом комедия о том, как **расовая укрская тья** по фамилии ДобрыйВечер, потерпев фейл при поступлении в балет на льду, устраивается работать заправщицей АЗС и начинает снабжать топливом грузовики, мусоровозы и прочие **говнопёрки**. Поначалу едва не **просирает** все полимеры, но затем осваивается, и вся водительская **пиздобратия** проникается к ней любовью и нежностью.

Как и следовало ожидать, «низ» выступает популярным средством «разоблачений»:

...Это было первое реалити-шоу <<За стеклом>>, где несколько **тупых пёзд и не менее тупых хуёв жили, жрали и срали** в режиме онлайн...;

Если с кем <гламурное кисо> и встречаются, то это, как правило, наноклерки. Кисы готовы каждый день делать им **минет** за то, чтобы они раз в неделю водили их в какой-нибудь **говноклуб**. Гламурные кисы будут **ебаться** только с теми, у кого, по их мнению, крутая тачка. По приблизительным выкладкам, чтобы заработать на Mazda-3 кисо должно **сосать мужской половой хуй** следующим образом: при цене на минет 500 р., что и так **дохуя** для кисо, получается 1256 довольных обладателей **хуйцов**...;

Быдло любит «использовать» всякие хорошо пахнущие жидкости – одеколоны и т. д. Но по какой-то причине выливают на себя столько этих жидкостей (чтобы не мыться «лишний раз»), что хочется взять и **убать НАХУЙ**, когда в нескольких метрах пронесется такое облако **смада**.

Использование экспрессивно-оценочной лексики на Лукоморье смыкается с использованием прямых эмоционально- и нравственно-оценочных (иногда прямо-таки морализаторских) высказываний, рефлексии, советов:

...Все это неправда. Конечно же...;

Нужно помнить, что анализируя талантливое произведение, можно легко впасть в ересь и возмнить себя пророком, единственным, кто понял, о чём это на самом деле. **Так делать не нужно**;

Такого рода фильмы (например, малобюджетные «Зубы») здорово пахивают феминизмом, **который ничего хорошего из себя так не представляет**;

... Целью данных мероприятий <Pussy Riot>, судя по текстам песен, является толстый троллинг носителей МПХ, в особенности представителей власти и лично царя-батюшки. **На деле же перед нами банальный случай вниманиеблюдства**.

Личностный характер оценки (субъективность, эмоциональность, искренность) иногда подчеркивается прямым выражением авторского «я» (несмотря на то, что автор – «анонимус»):

Окончательным и бесповоротным, необратимым, клиническим мудаком, **на мой взгляд**, является тот, кто, к примеру:... ;

<Брюс Уиллис> породил за это время немало вина и еще собирается – **я гарантирую это** (прямой перевод англоязычного мема *I guarantee it*).

В целом оценочная деятельность Анонимусов, как и следовало ожидать, распро-

страняется не только на *сабжи* как таковые, но и на **чужую оценку**, с которой не согласны (особенно – претендующую на общепринятость и объективность), а как результат – на тех людей или целые сообщества, которые разделяют эту «неверную» оценку, в том числе – на прямых адресатов, читателей и потенциальных авторов Луркоморья.

Своеобразное внимание к адресату проявляется и в том, что реакцию на некоторые статьи «честно» стараются предупреждать, остроумно называя их **детекторами**:

(статья «Лукьяненко»): *Внимание! Статья-детектор! Одним из побочных эффектов от прочтения этой статьи является так называемый **butthurt**. Если вы начнёте ощущать боль в нижней части спины, следует немедленно прекратить дальнейшее чтение и смириться с фактом, что вы – его фанат;*

(статья «Эмо»): *... смириться с фактом, что вы – **педовка**, даже если вы **самец**;*

(статья «Медведев»): *... смириться с фактом, что вы – **Димон** и вас это **озорчает** (до 2013 – ...что вы – **Медведев** и действительно читаете **лурк** – В. Д.).*

В этом отношении интересно отношение к возможной **критике**: с одной стороны (что соответствует замыслу проекта и идет от Википедии), редактирование и исправления приветствуются, более того – сама природа (да и название) *Луркоморье* ориентированы на привлечение именно случайных посетителей:

Луркмоар (от англ. жарг. lurk moar; lurk значит «таиться», перен. «искать», «шариться», созвучно look more – «смотри больше», «ищи ещё») – призыв к нубу «ещё поискать», разобраться самому, а не задавать дурацкие вопросы, на которые старожилам лень отвечать.

Нередки прямые указания типа:

...стоит добавить критики;

*Эта статья должна быть до- или даже полностью переписана. Перед вами – очередная **безблагодатная** статья. **Сия халтура нам не нравится**, и только вера в светлое будущее удерживает её на этом свете;*

Эта статья сделана из уныния и отчаяния. Сделайте с ней что-нибудь. Пожалуйста.

Есть и прямо-таки сверхсамокритичные высказывания, например предваряющее статью «Германия»:

*Ваша статья – говно, вы ничего не понимаете в **Германиях**.*

*Если вы видите это предупреждение, значит данная статья **уныла чуть менее, чем полностью**, и в неё нужно добавить интересных фактов. Кроме того, возможно, что эта статья **вообще никому на йух не сдалась тут**. В таком случае единственной рекомендацией будет **перенос статьи в смехуечки** и освежение её бодрящей порцией лулзов;*

или копипаста **Ненависть к луркмору**, приводимая под лозунгом:

Мы ценим и принимаем любую критику в наш адрес :3 Складируем её; обмазываемся ею долгими одиночными ночами; и получаем сотни эстетического удовольствия.

Но не менее частотны и предостережения к потенциальным авторам:

...Это хорошая, годная статья Вы можете помочь уютенькому, если не будете её трогать. Не надо. Займитесь лучше чем-нибудь полезным;

и даже прямые отводы адресата:

*К вашему сведению! В этой статье мы описываем само явление повышенного ЧСВ, а не составляем списки всех его обладателей. **Ваше мнение о них здесь никому не интересно**, поэтому все правки с упоминанием представителей – особенно не совсем значимых – в этой статье (пишите в статьи, которые посвящены непосредственно им) будут откачены, а их **авторы – расстреляны на месте из реактивного говномёта, for great justice!***

Политическая оценка на Луркоморье, с одной стороны, частотна и интенсивна, с другой – накладывается на общее сильное сопротивление политической ангажированности: во всяком случае, точка зрения политической оппозиции подается не менее критично, чем власти. В результате многие значительные политические события, особенно последнего времени, на Луркоморье подаются в двух версиях: с точки зрения «**поцреотов**» и «**либерастов**»: таковы, например, статьи о Евромайдане на Украине на рубеже 2013–2014 г. и о воссоединении Крыма с Россией.

Как уже говорилось, противостояние официозу (выразителем которого закономерно предстают юридические нормы) является одним из главных источников карнавальной экспрессии Луркоморья. В этой связи нельзя не сказать еще об одном возможном типе отношений с адресатом – **юридическом**. Ярким примером может служить **судебный процесс против Кати Гордон**, который был подробно освещен на Луркоморье.

В 2011 году Катя Гордон обратилась в Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону с гражданским иском к владельцам Луркоморья о защите чести, достоинства и деловой репутации и о возмещении компенсации морального вреда в размере 1 000 000 рублей, причинённого оскорблениями, содержавшимися в статье «Катя Гордон». Процесс закончился 22 августа 2011 года вынесением определения суда об утверждении мирового соглашения, согласно условиям которого ответчики обязались удалить статью. Статья была удалена, однако была создана статья «Дело Кати Гордон».

К слову: вероятно, освещая подобный процесс против себя Википедия, свобода понималась бы так, что Википедия выиграла бы любые процессы такого рода (ср. приводившуюся историю со статьей *Курение каннабиса*). На Луркоморье же – подчеркивается свобода от самой юридической сферы. Гордон (хотя она, в юридическом смысле, в какой-то степени выиграла процесс) проиграла уже тем, что переводит спор с неофициальной правды Луркоморья в юридическую плоскость. В сущности, судебный иск стал для проекта настоящим подарком. В подробном комментарии *Анонимуса* в статье *Дело Кати Гордон* подчеркиваются качества Гордон, по которым она противопоставлена Луркоморью и тем самым безнадежно проигрывает в главном: она не имеет чувства юмора, она смешна.

Реконструировать языковую личность *Анонимуса* – автора статей на Луркоморье и источника всех выносимых оценок – трудно. С одной стороны, такой реконструкции препятствует анонимность – но чисто языковой анализ, реконструкция концептосферы через словоупотребления, речевые фигуры, метафоры и т.д., конечно, может быть осуществлен (этому будет посвящен следующий параграф). С другой стороны, такой реконструкции препятствует коллективность: есть значительные противоречия и отличия и в стиле, и в оценке. Все это иногда приводит к тому, что среди «своих» – *Анонимусов* – появляется тенденция к высокомерию, снобизму, кастовости и «чистоте рядов»; отсюда и сложноватый для чужаков язык, на овладение которым надо потратить определенное время и усилия, что не очень привычно для завсегдатаев Интернета, где всегда можно найти информацию, изложенную просто.

Язык

Как уже говорилось, язык Луркоморья весьма интересен. Он имеет синтетический и противоречивый характер:

- во-первых, сохраняется ряд особенностей языка и текста институционального дискурса, присущего **энциклопедиям**, и гипертекста, присущего **интернет-энциклопедиям**, прежде всего Википедии. Сюда можно отнести структурирование текста по «категориям», которые обычно стандартно и однотипно оформляются, включая речевые клише (но на Луркоморье это часто имеет пародийный оттенок, например: *Любовь и обожание | Аниме | Телевидение | Япония | Основы | Японизмы*), довольно тщательное редактирование текста модераторами – ошибки практически исключены, вообще не в чести неграмотность¹;

- во-вторых, активно используются почти все особенности языка **неинституционального неофициального интернет-общения** – фонетические/орфографические, лексические, морфологические, словообразовательные (в большинстве случаев использование этих средств имеет игровой характер). В настоящей статье мы не будем подробно останавливаться на них, поскольку они уже достаточно подробно описаны, например в [4–10]. Отметим, что А. В. Шульгин, один из первых лингвистов, исследовавших язык Луркоморья, выделяет фактически только такие языковые и речевые особенности:

Это, например, ряд наречий, выражающих положительную оценку: *зачтено, готично, канонично, кошерно, церковно, православно, брутально*, а также очень популярное, прилагательное *годный* (в значении «отличный»).

Категория рода – одно из любимых полей для лингвистических игр авторов энциклопедии. Обычно слово женского рода (со склонением на -А / -Я) трансформируется в слово среднего рода на -О: *глазурное кисо; блондинко; пятниццо* и др. Наиболее известное «слово» из этого ряда – *криветко*. Характерно также добавление «е» к существительным как мужского, так и (реже) женского рода (неодушевленным и одушевленным): *коте, крабе, имеле, сколопендре, Онотоле, Новодворске, Куклачеве*. Категория рода в подобных образованиях не столько изменяется, сколько разрушается. Категория числа менее подвержена «расшатыванию», чем категория рода, отметим лишь пришедший из англоязычного Интернета популярный мем *интернетты*.

Словообразовательные процессы в текстах статей на Lurkmore.ru весьма активны. Наиболее

¹ Википедия, как и интернет-энциклопедии в целом, традиционно частотно рассматривается в прикладной лингвистике [11–13]. К сожалению, настоящего осмысления в собственно лингвистических исследованиях язык и текст данных энциклопедий практически не получили.

стандартный способ – аффиксация при иноязычном корне: *нагуллить, забанить, офлайновый, троллить* и т.п. Игра с иноязычными корнями и аффиксами иногда приводит к появлению весьма экспрессивных образований: *газпромбайтер, либераст, фотажаба*. Используются также укороченные слова: *нра* (нравится), *лю* (люблю), *оч* (очень), *мя* (меня), *тя* (тебя), *чел* (человек), *мона* (можно). К ним примыкает и активно употребляемая в Интернете форма *мну*, обозначающая любую из падежных форм личного местоимения «я». Активно используются диминутивы, а также детское «сюсюканье»: *позязя* (пожалуйста), *днявка* (дневник), *нямка* (еда) и т.п. Довольно значительное место занимают слова, транслитерированные из английского языка (*алсо, граммар-наци, копинаста* и др.).

Одна из ярких особенностей языка «Луркоморья» – отсутствие объекта или придаточного предложения после переходных глаголов: *это символизирует, это нарушает, это доставляет, это дает понять* (*Истории участников различаются чуть менее, чем полностью, что символизирует*) [2 : 418–419].

Добавим, что, по нашим наблюдениям, к наиболее частотным языковым характеристикам Луркоморья этого типа относятся **фонетическая/орфографическая** языковая игра (*педерача, Педивикия* (Википедия), *лытдыбр* (lytdybr: слово «дневник», написанное в латинской раскладке), *бобро и осло* (добро и зло), *поцреоты и либерасты, пейсатель, тель-авизор, Ымперия, Отака хуита, блджд* (слово «блядь», дважды пропущенное через автоматический транслитератор) и **лексико-стилистическая** (*пепелац, (вы)пилить, принять ислам, срывает покровы, совершает былинный облом, хтонический, дохлый герой, винрар, срач, Абсолютное Козло и Абсолютное Бобро, одна шестая, эта страна* (Россия), *Нерезиновая* (Москва), *отгребли люлей*).

Что касается такого отмеченного А. В. Шульгиным **синтаксического** типа ЯИ, как отсутствие объекта или придаточного предложения после переходных глаголов, следует уточнить, что *доставляет* без дополнения – следствие автоматического перевода с английского фразы *apoputous delivers* (в одной из статей Луркоморья даются специальные объяснения); остальные глаголы в такой позиции, вероятно, производны от данного.

Особенно частотно, по нашим наблюдениям, такие глаголы, а также другие конструкции, лишённые обличительного дополнения или обстоятельства, ставятся в конец предложения:

..., что кагбэ символизирует.

..., что как бы намекает.

..., так-то.

..., вот.

..., чо.

..., ня.

... же!

..., ибо нехуй.

..., *отакá хуйня, малята* (рус. *Вот такая хуйня, малыши* – украинский мем раннего постсоветского периода).

..., ну ты понел.

... – это вам не это.

..., что по тем временам было весьма.

..., и заверте...

нифига не...

... *Nuff said* (искаж. англ. *enough said* ‘сказано достаточно’).

Кроме английских заимствований к языковым средствам этого типа (так сказать, общеинтернетовским) можно отнести (гораздо менее частотные) заимствования из немецкого: *über-эпичный, ахтунг* (гей), в статье «Германия» – *Ordnung, Bundesregierung, Октоберфест*, а также *вундер-* (в качестве приставки) и *альзо* вместо привычного *алсо*.

Как представляется, данные особенности языка статей на Луркоморье наиболее сближают его, из жанров неинституциональной интернет-коммуникации, с *блог-постом*. Общего с *блог-комментариями* и *чатом* меньше: как правило, сходство ограничивается лексикой и некоторыми моделями языковой игры – на фонетическом, морфологическом и словообразовательном уровне. Синтаксис данных жанров практически не представлен на Луркоморье. Кроме того, в текстах Луркоморья редко, но встречаются смайлики, столь характерные для жанра *чата*:

Так что прореживая ряды "патриотов" синсенгуми сослужило добрую службу Японии :-D И, кстати, Сайто отнюдь не страдал при Мэйдзи – он стал полицейским офицером, как никак :-) В общем, все хороши.

Все эти особенности компьютерного языка разных сфер и жанров интернет-пространства, как правило, хорошо знакомы всем пользователям и потому их прочтение ни для кого не составляет труда. Это соответствует и заявленному принципу Луркоморья:

Статья должна быть понятна непосвященным. А не какие-нибудь сепульки. То есть суть и смысл из текста должны быть очевидны, и чем быстрее – тем лучше, а сопутствующие размышления и юмор добавлены строго не в ущерб.

• Но это не относится к третьему источнику, во многом определившему и языковой облик, и идеологию Лукоморья, – жанру **имиджборда**, активными участниками которого, как уже было сказано, были все первые авторы Лукоморья. Язык *имиджбордов* подчас весьма сложен, требует основательной подготовки. Данному феномену были посвящены лишь единичные и начальные исследования: например, он описывается в [14]:

Лукоморье заимствует некоторые особенности языка *имиджбордов* (например, мемы *sage*, *age*, *bump*, *kekeke*, *moon language*, «*FAIL*» (и производные *FAILED*, *U FAIL*, *Фэйл*) и «*WIN*» (производные *Massive WIN*, *WINRAR*, *Массив вин*) [Там же : 290]), а также отчасти стиль общения – резкий, агрессивный, циничный, при этом поверхностный [Там же : 288].

Это сближает язык Лукоморья с другим жанром интернет-коммуникации – *тематическим форумом*, точнее – узкоспециальными форумами, имеющими жесткие социальные ограничения («своих»): их язык опирается на особый словарь, для понимания многих текстов нужны довольно обширные специальные знания, являющиеся достоянием не всех. Многие необщепотребительные слова, термины, понятия, выражения, прецедентные тексты даются без объяснений, как якобы хорошо знакомые всем участникам. На Лукоморье, как и на форумах *имиджбордов*, это, прежде всего, сюжеты японских мультфильмов *аниме*, включая конкретных персонажей, характеры, специфическую этику, а также некоторые подробности их создания (авторы, сценаристы, режиссура, успех/неуспех у зрителей, реакции и т.д.).

Включаем в эту группу, прежде всего, аббревиатуры, прецедентные тексты и заимствования не из английского, как в других жанрах интернет-коммуникации, а из японского языка:

• **японизмы:**

ня (отсюда *няка*, *няшка*, *няшный* и т.д.) – японское «мяу». Междометие выражает ощущение нежности, радости, умиления;

кавай, *кавайный* – милый;

моэ, *моэный* – то же самое, что и *кавай*, но с уклоном в сторону фетиша. Так называют милых персонажей японской анимации. *Один из классических примеров бытовой моэ-девочки – Такара Миоки из Lucky Star. Носит очки, умная и красивая, имеет сиськи третьего размера и постоянно задумывается о чём-то, в результате падает, что-нибудь роняет, выключает свет и т. п.*;

хентай – эротическая или порнографическая разновидность аниме/манги;

косплей – одевание и гримирование под известных персонажей аниме;

лоли – несовершеннолетняя девочка;

тян, *-тян* – уменьшительно-ласкательный суффикс, указывающий на женский род. Позже суффикс превратился в самостоятельное слово и стал обозначать просто девушек;

кун, *-кун* – дружеское, неофициальное обращение (чаще между мужчинами, но не всегда);

цундере – архетип японской поп-культуры: суть *цундере* сводится к смене своего отношения от высокомерного, раздражительного и хамоватого (*цун-цун*) к сентиментальному и любящему (*дере-дере*) за короткий промежуток времени, несколько минут;

отаку – фанат аниме/манги;

хикки – человек, отказывающийся от социальной жизни;

яой, *яойщица* – гей, лесбиянка;

юри – аниме/манга о лесбийской любви;

сёнэн – аниме/манга, рассчитанные на мальчиков от 12 до 18 лет;

яндере – психически неуравновешенный персонаж аниме (чаще – девочка);

панцу – транслитерация катаканой английского «*pants*» – штаны, трусы (элемент порноаниме);

ахоге – торчащая прядь волос на макушке;

десу – частица-связка в разговоре¹.

• **прецедентные тексты:** их анализ заслуживает самостоятельного исследования; пока отметим, что источники их весьма разнообразны: от мировой классики до современной рок- и поп-культуры:

...написал *петросьянскую пасту* про Хаяо Миядзаки;

¹ Конечно, они содержат ошибки, извинимые для неспециалистов. Например, завсегдаями интернет-блогов-форумов-имиджбордов воспринимаются как японизмы слова с «л», которого, как известно, в японском нет: ибо стали японизмами, в сущности, вернувшиеся из Японии английские слова и выражения: *косплей* (яп. コスプレ *косупурэ*, сокр. от англ. *costume play*), *лоли* (яп. ロリコン *рори* ‘комплекс лолиты’). Логично было ожидать, что эти слова предстанут как японские огласовки, но этого не происходит: как видим, в результате появились гибридные образования, в произношении которых, возможно, участвуют даже три языка, включая английский: ни один японец, кроме очень хорошо владеющих английским, так не скажет. Что касается *-тян*, первично и литературно здесь именование маленьких детей (любого пола), а в качестве именованной девушки это звучит ласкательно и несколько жаргонно. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность В. М. Алпатову за лингвистический комментарий этих японизмов.

Каждый год, 30 декабря, ровно за сутки до Нового года, домохозяйцы с друзьями ~~ходят в баню~~ устраивают телевизионный концерт-пиздец «Новогодний Дом-2». Неизменные атрибуты: хуита, **что у нас песнями зовётся**; камера, дёргающаяся из стороны в сторону с частотой over 9000 колебаний в минуту...;

Цивилизация Жокеев находится на уровне землян, **описываемых в «Обитаемом острове»**. То есть вот так запросто могут **бороздить просторы Большого Театра** в гордом одиночестве;

тащемта 'в общем-то' (из Паука);

Михаил «Маршал Жуков» Ульянов (прием из Комеди Клаба).

• **аббревиатуры** (расшифровываются или (чаще) не расшифровываются, иногда есть ссылки на специальные сайты):

ФГМ – фимоз (греч. *φίμοσις* – сужение) головного мозга (клиническая тупость);

АТА – амфибиотропная асфиксия («жаба души»);

ИЧСХ (ЧСХ) – «и что, сука, характерно» (реже «и что самое характерное», «и что, собственно, характерно»);

МПХ – мужской половой хуй;

ТП – тупая пизда;

УГ – унылое говно;

ОБВМ – охуенно богатый внутренний мир;

ЧСВ – чувство собственной важности (реже – величия или значимости);

ББПЕ – Бей бабу по ебалу (основополагающий интернет-принцип. Представляет собой макрос с надписью «Бей бабу по ебалу», чаще всего дополняемой фотографиями певца Валерия Сюткина).

Цель обращения к аббревиатурам на Луркоморье чаще всего не в экономии текста, а в стремлении к экспрессии и очерчивании круга «своих». Иногда, вероятно, целью является также эвфемизация (ТП, МПХ) (тогда аббревиатуры фактически играют роль отточий в табуированных лексемах), что также иногда создает эффект наукообразия (ФГМ, АТА); иногда, наоборот, дисфемизация (ББПЕ, ИЧСХ); ср.:

В некоторых городах женские общаги называются ЦПХ – центральным пиздохранилищем или ХПЦ – хватай, пока целка.

То, что иногда не расшифровываются далеко не общеизвестные аббревиатуры (например, СВД – 7,62-мм снайперская винтовка Драгунова), вероятно, тоже не имеет никаких иных объяснений, кроме создания экспрессии.

Меньше, но представлены английские аббревиатуры (иногда транслитерированные на кириллицу):

IRL – *in real life* 'в реальной жизни';

CP (ЦП) – *child pornography*;

ZOG – *Zionist Occupation Government* 'Сионистское оккупационное правительство';

aka – *also known as* 'также известен как'.

В целом возможности, которые дает **непрямая коммуникация**, используются в большой степени на Луркоморье: прежде всего это **з а м е н ы**, причем иногда менее очевидные, чем эвфемизмы и дисфемизмы как таковые или рассмотренные случаи стилистических, тональных и т.д. смещений, – часто весь юмористический эффект состоит, кажется, в факте замены: так, в статье о Pussy Riot говорится: «**Перед нами банальный случай вниманиеблюдства, а также бездарного плагиата одного куда более успешного паренька**», причем последнее (выделенное) выражение связано ссылкой со статьей «Слава Герострата». В статье «Германия» в фразе «**Французы с трепетной любовью относятся к немцам**» выделенное выражение связано ссылкой со статьей «Ненависть».

Наконец, по-видимому, своеобразным антиподом рассмотренной экспрессии выступает тональность (тоже экспрессия?) совершенно другого рода – серьезные тексты, близкие к публицистике, иногда с подчеркнутыми книжной стилистической окраской (чуть разбавленные жаргонизмами) с очень определенной авторской позицией (например политической):

*Политически выгодными стала борьба против собственного народа, «совков». Все преступления и несправедливости 90-х: разграбление промышленности и за ней науки, голодные смерти, наркомания, волна сиротства и детской проституции, уничтожение бесплатного образования и медицины вкупе с оплевыванием всего патриотического **тобишь** воспитанием национального самонезависимости, **блядвой по телеку и братвой** на улицах, воровством, массовой эмиграцией, потребительской культурой и тотальным имморализмом молодого поколения – все это стало политически выгодным сразу после событий августа 1991.*

На лингвиста произведет впечатление, например, статья про украинский язык, текст которой представляет собой смесь категоричных и «неполиткорректных» утверждений, вполне профессиональных лингвистических формулировок и сленга (общемолодежного, включая мат, и сетевого):

А украинский – это вообще язык? Мудрый *тролль* Михаил Васильевич Ломоносов запустил в середине XVIII века *мульку*, что-де украинский (в девичестве малорусский) – это русский язык, испорченный польским. И вот уже 250 лет лишь лёгкий намёк на эту тему оказывается равносильным накладыванию горчичника на любой свидомитский *сфинктер*. Разумеется, в однозначном виде такое утверждение элементарно нелогично, чтобы быть испорченным польским, для начала должен был бы иметься русский, но ополчанию подвергался именно древнерусский, о котором неизвестно даже, существовал ли он на самом деле, а отнюдь не язык, современный нам или даже Ломоносову. Однако при встрече *укра*, несущего *хуйню* про то, что украинский – это, наоборот, истинный неиспорченный наследник древнерусского, настоящий русский должен спросить его, какого *хрена* в оригинале «Слова о полку Игоревом» есть слова «молния», «дорога», «облако» (укр. блискавка, шлях, хмара – всё из *пшекского*)? А всё, *тащемта*, просто: «Слово» изначально писалось на *миксе* разговорного древнерусского и старославянского (называемого ещё староболгарским), *кой* в то время и был «литературным языком» (если сравните с современным болгарским – тут вам и «мълния» и «облак») а потом ещё и часто и, конечно же, очень бережно переписывалось. Очевидным кладезем примеров служит *ссылка* на имперский™ «Словарь древнерусского языка» под редакцией И. И. Срезневского или современный «Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28 (1975–2008)».

Неграмотных «корявых» текстов мы не нашли вовсе (не считая единичных опечаток – но они и на Википедии есть). Мат и жаргонизмы используются только сознательно, для создания экспрессии, и в целом – с чувством меры.

Добавим, что для самих *Анонимусов* их язык, конечно же, осознаваемый и обсуждаемый объект, часто предмет гордости и почти всегда – напряженной рефлексии, которая иногда распространяется и на «русский язык вообще», «нормы языка вообще», «орфографию как таковую» и т.д. Специально этим проблемам посвящен целый ряд специальных статей на Луркоморье: «Русский мат», «Расстрельный грамматический список», «*Grammat nazi*» и т.д., которые должны стать самостоятельным объектом лингвистических исследований.

*

Выводом на эмоциональном уровне, который я с уверенностью сделаю с точки зрения лингвиста, и просто читателя, будет: хорошо, что Луркоморье есть! Сей феномен интересен и полезен. Если бы не было Луркоморья, 1) мы не узнали бы столько фак-

тов, которые часто представляют интерес – но с «энциклопедической» точки зрения скорее всего были бы сочтены неважными; 2) не было бы интересных текстов – рассказывания интересных историй интересным, хорошим языком, сопровождаемого оценкой интересным и талантливым человеком (впечатляет целый коллектив личностей креативных, хотя и анонимных).

По всей видимости, Луркоморье изначально должно было привлекать читателей (и так часто и было) свободой, правдой, искренностью, творчеством и, конечно, веселостью. Главная же прелесть и притягательность Луркоморья для *Анонимусов*, поклонников и заинтересованных неопитов, достаточно открытых новому и решивших потратить на это новое свое время, – это прелесть **д р у г о г о в з г л я д а** :

1) авторы разыскивают малоизвестные, но, как правило, достойные внимания факты, подробности;

2) подчеркнуто оппозиционны – по отношению к... всему чрезмерно устоявшемуся, просто привычному;

3) язык: сложноватый для неопита и очень непривычно для энциклопедий грубый.

С другой стороны, главное впечатление, какое Луркоморье производит на неопита, – 1) грубо; 2) много информации, нередко неожиданной и интересной, заслуживающей внимания; но 3) все-таки преимущественно грязной; 4) оппозиционно (в различных смыслах); 5) эмоционально; 6) по-своему (иногда – «очень по-своему») творчески, юмористически; 7) вроде бы смело и свободно, но часто – просто зло, цинично и... мелко. В целом, увы, на смену принципу «грубо, но правда», как, вероятно, было задумано, частенько приходит другой неписанный принцип – «грубо ради грубости» или «зло, потому что автор – злой человек», а то и элементарное сведение счетов – ср.:

«Неподготовленный читатель “Луркоморья” может быть неприятно удивлен обилием малозначущих (с его точки зрения) статей, радикальностью высказываемых мнений, путаницей во взглядах и грубостью речевых средств выражения» [2 : 417].

Возвращаясь к сравнению Википедии и Луркоморья, следует признать (с некоторой грустью), что массовость Википедии, которую просто нельзя сравнить с Луркоморьем и которая стала источником такого количества *троллинга*, вообще содержания Луркоморья, в целом оправданна и заслуженна. Конечно, сравнение их всегда относительно, ибо Википедия ориентирована только на пе-

редачу информации и несколько – на эстетику (ни на оценку), Луркоморье же предполагает эстетику: форма текста нередко имеет самостоятельную ценность, в целом Википедия и Луркоморье относятся друг к другу как *информация* и *фасцинация*. Кроме того, на Луркоморье хотя и декларируются весьма гуманистические цели, но в действительности именно Википедия, а не Луркоморье оказывается 1) более объективна; 2) более способствует объединению пользователей (Луркоморье фактически имеет следствием своей деятельности довольно резкое противопоставление «своих» и «чужих»), а значит, 3) «не-неформальная» Википедия более демократична и более коммуникативна! Дело, как представляется, в том, что, провозгласив целью вызов, развенчание и разоблачение официоза / неправды / нетворчества, авторы Луркоморья с неизбежностью начали бороться – бросая вызов, развенчивая и разоблачая – с фанатами, в каковой борьбе, увлекшись, легко переходят на личности, на агрессию и цинизм. Поставив задачу преодолеть мифы, Луркоморье приходит к созданию собственной мифологии, что, вероятно, было вполне закономерно для авторов имиджбордов (такими авторами Анонимусы в значительной степени остаются, и перейдя на Луркоморье), основа идеологии которых – не столько протест, разоблачение распространенной лжи, заблуждений, сколько совмещение сюжетов реальной жизни с сюжетами японских сказок-аниме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике М. : Глобал Ком, 2013. (Studia philologica). 338 с.
2. Шульгин А. В. Русский язык в Интернете : интернет-энциклопедия Lurkmore // Русский язык и культура в пространстве русского мира : материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Т. 1. СПб., 2010. С. 415–421.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2012. 540 с.
5. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М. : Наука ; Флинта, 2012. 328 с.
6. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса Волгоград : Перемена, 2009. 477 с.

7. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2013. 40 с.

8. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика : русский язык. Межличностное общение. М. : «1989. ру», 2006. 192 с.

9. Щицицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М. : Красанд, 2010. 296 с.

10. Шурина Ю. В. Комические речевые жанры в интернет-коммуникации // Речевое общение : специализированный вестник. Вып. 13 (21) : Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 219–228.

11. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 360 с.

12. Марчук Ю. Н. Основы компьютерной лингвистики. М. : Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000. 226 с.

13. Филиппович Ю. Н., Прохоров А. В. Семантика информационных технологий : опыты словарно-тезаурусного описания. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та печати, 2002. 364 с.

14. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности : мемовика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative value of Russian culture: the category of personality in the lexicon and pragmatics]. Moscow, 2013. (Studia philologica). 338 p.
2. Shul'gin A. V. *Russkij yazyk v Internete: internet-ehntsiklopediya Lurkmore* [Russian language on the Internet: Internet-encyclopedia Lurkmore]. *Russkij yazyk i kul'tura v prostranstve russkogo mira : materialy II Kongressa Rossijskogo obshhestva prepodavatelej russkogo yazyka i literatury* [Russian language and Russian culture in the space of the world. Proceedings of the II Congress of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature]. Vol. 1. St.-Petersburg, 2010, pp. 415–421.
3. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [Creativity of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1990. 543 p.
4. Galichkina E. N. *Komp'yuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication: linguistic status, symbolic devices, genre space. Dr. philol. sci. diss.]. Astrakhan', 2012. 540 p.
5. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation.]. Moscow, 2012. 328 p.
6. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009. 477 p.

7. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Language identity in virtual discourse. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2013. 40 p.

8. Sidorova M. Yu. *Internet-lingvistika: russkij yazyk. Mezhlichnostnoe obshhenie* [Internet Linguistics: Russian language. Interpersonal communication]. Moscow, 2006. 192 p.

9. Shchipitsina L. Yu. *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication: Linguistic aspect of the analysis]. Moscow, 2010. 296 p.

10. Shchurina Yu. V. *Komicheskie rechevye zhanry v internet-kommunikatsii* [Comic speech genres in Internet Communication]. *Rechevoe obshhenie : spetsializirovannyj vestnik: Kategoriya komicheskogo v aspekte teorii i praktiki rechevogo vozdeystviya* [Speech communication: a specialized bulletin: Category of comic in the aspect of theory and practice of speech

influence]. Iss. 13 (21). Krasnoyarsk, 2011, pp. 219–228.

11. Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow, 2000. 360 p.

12. Marchuk Yu. N. *Osnovy komp'yuternoj lingvistiki* [Fundamentals of Computational Linguistics]. Moscow, 2000. 226 p.

13. Filippovich Yu. N., Prokhorov A. V. *Semantika informatsionnykh tekhnologij: opyty slovarno-tezaurusnogo opisaniya* [Semantics of Information Technologies: Experience of dictionary-thesaurus description]. Moscow, 2002. 364 p.

14. Ksenofontova I. V. *Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling* [The specifics of communication in terms of anonymity: memetics, imageboards, trolling]. *Internet i fol'klor* [Internet and folklore]. Moscow, 2009, pp. 285–294.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'1+929Алпатов
ББК 81.2Рус-5

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

ЕЩЕ РАЗ О ДЕДУКЦИИ
В КОММУНИКАТИВИСТИКЕ:

реплика по поводу статьи В. М. Алпатова о
«детских болезнях» современной лингвистики

ONCE AGAIN, ON DEDUCTION
IN COMMUNICATIVISTICS:

a remark about the article by V. M. Alpatov
about “childhood diseases” in modern linguistics

Аннотация. В статье анализируется точка зрения российского лингвиста В. М. Алпатова, отрицающего в современном изучении коммуникации дедуктивный подход. Обсуждаются различные возможные лингвистические и нелингвистические причины, по которым дедуктивный подход иногда оказывается неэффективен. Показано, что в современном изучении коммуникации исследований, использующих четкие методики, даже меньше, чем постулатных. Препятствует систематическому подходу также привлечение в теоретических контекстах «нестрогих» источников: этнических стереотипов, мемуаров эмигрантов. В то же время эти опасности могут как сопровождать использование дедуктивного подхода, так и быть следствием либо причиной отказа от такого использования.

Ключевые слова: Алпатов, дедукция, индукция, коммуникативистика.

Abstract. The article analyzes the opinion of Russian linguist V. M. Alpatov who denies in the modern study of communication deductive approach. We discuss the points of view, according to which the deductive approach in science or is itself worse than inductive, or can not be used for external linguistic and non-linguistic reasons. It is shown that in the modern study of communication is less studies using explicit methods, than postulate. The usage of “lax” sources in theoretical contexts: reflections of writers, philosophers, memoirs of immigrants and ethnic stereotypes – also prevents systematic approach. At the same time, these dangers can accompany the use of the deductive approach, as well as be the result / cause of failure from such use.

Key words: Alpatov, deduction, induction, communicativistics.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Настоящая статья (скорее реплика в дискуссии) представляет собой мой отклик на статью В. М. Алпатова «О двух “детских болезнях” современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры)» [1], которая, в свою очередь, представляет собой реакцию на ряд публикаций в лингвистике новейшего времени, причем значительная часть статьи Алпатова (приблизительно две трети) навеяна прочтением моей монографии «Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике» [2]. За это я, конечно, испытываю к Владимиру Михайловичу живую и искреннюю и авторскую, и читательскую благодарность: с одной стороны, каждому исследователю гораздо приятнее получить не формальную «дежурную» рецензию, а полноценный, развернутый разбор его научной позиции. С другой стороны, многие высказанные там соображения (в том числе, естественно, критические) заставляют чита-

теля серьезно задуматься о проблемах лингвистического изучения коммуникации, а также об общем состоянии лингвистической науки. Так что я благодарен Владимиру Михайловичу не только за то, что он высказал свою заинтересованную и несомненно глубоко продуманную позицию по всем этим вопросам, но и за то, что решил сделать их обсуждение достоянием многих, оформил мысли по поводу моей книги в статью (и я, как редактор «Жанров речи», поставил эту статью первой в первый номер журнала за 2014 год). В то же время я считаю, что важные и интересные и некоторые дополнительные (и менее убедительно?) затронуты Алпатовым, – и свои соображения на этот счет я тоже, в свою очередь, решил оформить в статью. На мой взгляд, обсуждение этих вопросов имеет общетеоретическое значение и встраивается в дискуссию, которая периодически возникает в современной

лингвистической (шире – гуманитарной) науке.

Неустойчивое, мерцающее или мифологизированное состояние «передовых рубежей» науки, которое Алпатов называет «детскими болезнями», безусловно очень важно распознавать и обсуждать, но – что же следует понимать под детскими болезнями?

Их ученый прямо связывает с дедукцией.

Характеризуя современное состояние и ближайшие перспективы изучения коммуникации (в частности, коммуникативных ценностей), В. М. Алпатов утверждает, что здесь «вряд ли пришло время дедуктивных построений, пока что более перспективны ограниченные по масштабам индуктивные исследования, в том числе компаративные» [1 : 12].

Собственно, настоящая статья – попытка поразмышлять о логике ученого, которая привела к данному утверждению: оно представляется, с одной стороны, не вполне уместным в контексте современного изучения коммуникации, с другой – просто неверным. За этим утверждением стоит представление об общей роли дедуктивного подхода в науке (всегда кто-то из исследователей больше тяготеет к индукции, кто-то – к дедукции, это совершенно естественно, именно поэтому, полагаю, проблемы дедукции и индукции следует рассматривать не на примере одного исследователя, а в общем плане), но в статье Алпатова это представление не получает настоящей ясности. Специальных аргументов для обоснования приведенного положения автор не дает, и причины этого «вряд ли пришло время» читателю приходится во многом «додумывать» самому. В то же время складывается впечатление, что здесь есть связь и это выступление против дедукции у Алпатова имеет вполне системный характер.

Прочтение всей статьи Алпатова позволяет предполагать, что могла иметься в виду одна из двух совершенно разных причин.

Во-первых, ученый мог считать, что дедуктивный подход в науке сам по себе хуже индуктивного (и, следовательно, любое его использование есть «детская болезнь»).

Основания считать так есть. (Собственно, они всегда были и всегда будут.)

Есть основания и для того, чтобы полагать, что логика Алпатова именно такова: «я не утверждаю, что это не так, но как это доказать?» [1 : 12] – весьма частотная форму-

лировка, используемая ученым в аргументации. Исследователи, находящиеся на дедуктивных позициях (или хотя бы признающие право дедуктивного подхода на существование), такой аргументацией и такими формулировками, как правило, не пользуются.

Но в этом смысле «время» для дедуктивного подхода, в общем, и не будет (и не бывает) никогда, поскольку дедуктивное обнаружение, установление или введение некой новой сущности, закономерности или модели всегда будет несколько нелогично, неожиданно, интуитивно, всегда «не совсем» вытекать из уже накопленных и обследованных фактов.

В то же время несомненно, что такой подход в науке необходим. Иногда именно он по-настоящему двигал науку вперед в обстоятельствах, когда на это были не способны никакие индуктивные разыскания и описания. Как известно, вопрос о том, какая теория по-настоящему хороша: та, которая абсолютно строго следует за собранными и описанными фактами и только за ними, или та, которая дает объяснение максимально большому возможному количеству фактов, единиц, сфер, – остается открытым в науке. (Наконец, чистой дедукции... вообще не существует в природе, поскольку она противоречит основам человеческого мышления. Любая возможная дедукция опирается на личный опыт исследователя и факты, т. е. более или менее частные знания и находки, хранящиеся в памяти.)

Если эта первая гипотетическая причина того, что «вряд ли пришло время дедуктивных построений» в изучении коммуникации, является, так сказать, внутренней, ингерентной для дедуктивного подхода вообще, то вторая причина, делающая акцент не на понятии «дедуктивный», а на «сейчас», – скорее внешняя: возможно, дело не в том, что дедуктивный подход сам по себе плох, а в том, что «сейчас не время» его использовать.

Попробуем же разобраться, что может означать это «сейчас».

Собственно, для такого положения вещей, в свою очередь, тоже могла бы быть не одна, а две причины.

Первая «внешняя» причина может быть обозначена как лингвистическая. В целом Алпатов довольно много говорит о научных парадигмах в лингвистике, много и уместно цитирует авторитетных ученых, которые высказывались в этом ключе, таких как А. Е. Кибрик: «всё, что имеет отношение

к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики... То, что считалось "не лингвистикой" на одном этапе, включается в него на следующем» [3 : 20]. Главная же идея статьи Алпатова, которая прочитывается в этом контексте, – необходимость поиска научно корректных методов; детская болезнь тогда – стремление науки (лингвистики) «забегать вперед», решать новые задачи, для которых еще не выработаны методы (незавершенная научная парадигма по Т. Куну).

В этом смысле утверждение «с е й ч а с не время для дедуктивного подхода» по своему обоснованно: действительно, в коммуникативистике «научных», «недетских» исследований, использующих четкие методики, очевидно недостаточно – их чуть ли не меньше, чем постулатных (хотя при здоровом состоянии науки логично было бы как раз наоборот), и за 20–30 лет количество их, кажется, не сильно прибавилось (детская болезнь затянулась). (Кстати, в моей монографии «Коммуникативные ценности русской культуры» много говорится о том, что преобладание дедукции над индукцией, «постулатность» – одно из наиболее слабых мест изучения коммуникативных ценностей и коммуникации в целом [2 : 31–45].)

Складывается впечатление, что весь пафос статьи Алпатова направлен против того аспекта современной научной парадигмы в лингвистике, который условно может быть обозначен как антиструктуралистский и который где-то слишком далеко увел лингвистику от формальных моделей, каковое требование раньше казалось незыблемым (да и сейчас, по-видимому, должно оставаться таким – по крайней мере, такова точка зрения Алпатова). Можно ли этого добиться в любом лингвистическом исследовании, если, по процитированному выражению А. Е. Кибрика, теперь «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики», конечно, другой вопрос. Кстати, в другой своей статье, написанной год назад, В. М. Алпатов был менее категоричен в этом вопросе:

«Безусловно, могут раздражать субъективность и произвольность выводов, в некоторых областях современной лингвистики (например, в исследованиях языковых картин мира) иногда прямо-таки возводимые в культ. И хотелось бы иметь какие-то критерии выделения жанров. Но как бы мы ни старались избегать крайностей, у нас (пока?) нет иных

критериев проверки, кроме так называемого здравого смысла, то есть данных опыта и интуиции, в том числе языковой. Например, анализ конкретного материала у отечественных исследователей речевых жанров мало похож на структурный анализ текстов в лингвистике, но очень напоминает анализ в менее строгих науках, особенно в литературоведении. <...> Но и исследование литературного произведения, и выявление жанровых характеристик текста, и семантический анализ (например, в рамках Московской семантической школы) могут быть убедительны (или неубедительны) в зависимости от степени интуитивной приемлемости. Можно ли со временем здесь выработать формальные критерии? Прав ли В. И. Абаев, принципиально отрицавший эту возможность? Не знаю...» [4 : 18].

Видно, что Алпатова раздражает бум нынешней когнитивистики, концептологии, лингвокультурологии, где очень (слишком?) многое выводится как раз из всевозможных «нестрогих» и традиционно всегда несколько подозрительных для ученого источников: размышлений философов, публицистов, мемуаров эмигрантов, этнических стереотипов, наконец, идеологии – т.е. всего того, что Алпатов весьма категорично называет «не наукой» (в статье 2014 г.):

«В. В. Дементьев отмечает то, что лингвисты в данной области следуют двумя путями. Они, "с одной стороны, идут за философами, пытаясь найти в системе языка и корпусе текстов подтверждение или опровержение соответствующих философских положений, с другой – анализируют собственно языковые факты и на их основе формулируют некоторые выводы". Первый путь, безусловно, естествен, но *вряд ли может быть назван научным; думается, что его следовало бы избегать...*» [1 : 12].

С этим, конечно, трудно спорить.

За высказанной точкой зрения Алпатова прочитывается закономерное опасение сторонника «чистой науки», что привлечение и серьезное рассмотрение в теоретических контекстах подобных данных сделает взгляд исследователя «ненаучным». Нет необходимости приводить, увы, многочисленные примеры, демонстрирующие, что происходит, когда на смену научности приходит тенденциозность, конъюнктурность, оценочность и их производные: идеологичность, политизация. Ярлык «вульгарный», который добавляют к названию соответствующей науки потомки, является лишь одним из свидетельств того, каково истинное место дисциплины, утратившей научную чистоту, в контексте истории науки.

Но ирония состоит в том, что все названные «опасные вещи» могут как сопровождать использование дедуктивного подхода (быть его следствием либо причиной), так и быть следствием / причиной отказа от такого использования!

Увы, не менее легко привести печальные примеры, когда таким же образом дедуктивные обобщения в науке (лингвистике) объявлялись вредными и даже запрещались – причины этого часто были именно внелингвистически-идеологическими.

Назовем эту вторую «внешнюю» причину (напомним, речь идет о возможных причинах того, что, по утверждению Алпатова, сейчас не время для дедуктивных построений в изучении коммуникации) **в н е л и н г в и с т и ч е с к о й**.

Истоки ее – языковая политика и «просто» политика.

Понятно, что, например, в 1920-1930-е гг. в СССР лингвисты не могли делать обобщений относительно губительного влияния тоталитаризма на коммуникацию и язык: с одной стороны, это было бы невозможно само по себе, с другой – они не могли «индуктивно» опираться ни на какие разработки, конкретные исследования, выявленные и систематизированные факты, потому что таких исследований просто не проводилось (лишь в 1960-е гг., да и то во многом эзоповым языком, стало возможно говорить о «канцелярите»).

Наверное, нет необходимости доказывать, насколько полезно и очистительно было бы тогда такое исследование как для собственно лингвистики, так и общей гуманитарной и общекультурной парадигмы (даже если не предаваться революционно-утопической фантастике).

Точно так же в 1960-е – 1970-е гг. немыслимо было опубликовать лингвистическую работу, где утверждалось бы, что гигантский поток речевого официоза – газетных передовиц и речей дикторов на ТВ, зачастую оторванных от событий реальной действительности (а то и просто лживых), развивает у массового носителя языка отрицательное отношение к литературному языку вообще. Лишь в конце 1980-х гг. об этом стало можно говорить – см. ныне широко известные работы Е. А. Земской и ее последователей из ИРЯ АН СССР. (Но было, собственно говоря, уже поздно: с этого времени и на полтора-два десятилетия вперед страну захлестнула речевая разнузданность, все-

дозволенность, а как следствие – безграмотность.)

Есть ли основания полагать, что возможные дедуктивные обобщения, которые увязывали бы в единую систему большое количество явлений современной коммуникативной практики (прежде всего, конечно, негативных), воспринимались бы современной властью как прямо нежелательные? Увы, таких оснований совсем немало... а чтобы привести их, совсем не обязательно быть лингвистом – достаточно «побыть в хронотопе»... именно поэтому им и не место здесь, в лингвистической статье.

И как же в этом контексте следует воспринимать строгое алпатовское «не время для дедуктивного подхода»? (Речь, разумеется, не идет о чрезмерном увлечении дедуктивными моделями: оно, как и любая абсолютизация, чревато не только отрывом от реальных фактов, но и политизацией вплоть до прямой конспирологии – см. мою реплику в дискуссии об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях [5]).

Кроме того, логика Алпатова выражает обобщенное отношение представителей традиционной лингвистики к новым лингвистическим дисциплинам, в особенности внелингвистическим. Приблизительно так же, например, сторонниками традиционного **синтаксиса** были встречены теория актуального членения и генеративизм: новаторам сразу же было указано на то, что какие-либо обобщения в этой области (к которым, естественно, вообще надо относиться предельно осторожно) возможны только на базе огромного количества проведенных исследований конкретного фактического материала – т.е. сначала индукция, а лишь затем (может быть: посмотрим!) дедукция... В то же время именно обилие фактического материала уже давно разрывало и размывало традиционно-синтаксические «желобки и тропинки», становилось очевидным, что для того, чтобы упорядочить отбор материала, необходимо принять некоторые общие принципы, которые не могут быть выведены непосредственно из особенностей материала. Продолжающееся же использование индуктивизма в таких условиях, вместо того чтобы обогащать и двигать вперед общую теорию синтаксиса, только перегружало ее, заставляло пробуксовывать и стагнировать, а в итоге – быть менее пригодной на роль объясняющей модели при осмыслении этого самого фактического материала...

Хочу напомнить, что считают необходимым делать время от времени дедуктивные утверждения даже те лингвисты, которые заявляют приоритет индукции в своих исследованиях, например О. Б. Сиротина, которая в своей последней книге [6] не только детально анализирует речь современных российских СМИ (особенно нарушения), но и выдвигает гипотезу, что система русского языка и речи обнаруживает тенденцию к *самовосстановлению*, – каковая тенденция, конечно же, не может быть выявлена и доказана только на индуктивных данных (хотя бы потому, что для этого нужен материал как минимум нескольких поколений).

Возвращаясь к **теории речевых жанров**, о которой мы уже неоднократно говорили здесь, вспомним, как данная теория складывалась и развивалась в 90-е гг. XX в.: в то время, наряду с самыми радужными надеждами и первыми новаторскими исследованиями, очень авторитетно и заметно звучали предостережения из стана «консерваторов» (например, М. Ю. Федосюка, отчасти Т. В. Шмелевой), что до единой всеобъемлющей теории еще очень далеко (и не надо торопиться), а надо быть готовым к началу очень продолжительного периода – сбора конкретных материалов для будущей (когда-то в отдаленном будущем!) энциклопедии речевых жанров. В то же время как не вспомнить высказываемые тогда же противоположные точки зрения – о периоде «разбрасывания камней», предшествующему будущему собиранию этих самых камней (К. Ф. Седов), т.е. что дедукция здесь таки может и даже должна идти впереди индукции! Вот цитата из работы К. Ф. Седова 1999 г.: «В современном жанроведении, недавно возникшем и интенсивно развивающемся ныне направлении антропологической лингвистики, существует достаточно много типологий речевых жанров. Однако эта отрасль языковедения сейчас находится в той стадии своего развития, когда еще рано подводить итоги, рано «собирать камни». П о т о м у (Разрядка моя. – В. Д.) мы предлагаем свою типологию жанровых форм разговорной речи, осознавая, впрочем, ее дискуссионный характер» [7: 92]. Впрочем, что значит «собирать камни», время для какого занятия, по мнению (конечно справедливому) К. Ф. Седова, еще не пришло в теории речевых жанров в 90-е гг.? В этом смысле – систематизировать различные, желательные многообразные модели и концепции, р а б а т ы в а т ь д е д у к т и в н у ю

т е о р и ю ! Вот что К. Ф. Седов писал значительно позже о развитии «ФЛ-науки» – по сути, речеведения (частью которого является теория речевых жанров): «Отечественная ФЛ в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время “собирать камни”, время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений – гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т.п. – в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль» [8 : 105].

В этой связи можно привести еще один пример, пожалуй, еще более яркий и свежий, – **изучение концептов**. Как известно, вероятно, каждому современному лингвисту, в семантических, когнитивных, культурологических научных центрах, школах, диссоветах индуктивные исследования концептов (конкретные, частные, «от материала») сейчас множатся – тогда как именно дедуктивного теоретического взгляда, который объяснил бы многие разрозненные явления в единой плоскости, чрезвычайно не хватает! Это признают, в общем, все специалисты: и авторы работ / диссертанты, и научные руководители, и рецензенты, и члены диссоветов соглашаются и даже настаивают на формулировках актуальности, научной новизны и теоретической значимости соответствующих диссертаций: «...при активном развитии... ощущается нехватка именно теоретических обобщающих моделей, позволяющих осмыслить в единой плоскости...» (правда, несмотря на то, что диссертации, содержащие такие формулировки, множатся точно так же, до настоящего построения такой теоретической модели, в общем, по-прежнему или почти по-прежнему далеко – но это уже совсем другой вопрос).

Говоря простыми словами: ощущение некоторой неудовлетворенности, которое испытывают, видимо, многие (а не только автор этих строк) и которое возникает вопреки огромному количеству исследований концептов (а где-то, видимо, и психологически оправдывает это огромное количество, вообще очень большую активность исследователей-концептологов, иногда кажущуюся не вполне пропорциональной ценности результатов), – так вот, это ощущение того, что имеющиеся, вроде бы неплохие и даже универсальные принципы концептологического анализа именно не универсальны и недоста-

точные. И эта неудовлетворенность, и сдержанно-оптимистические ожидания свидетельствуют о необходимости и отсутствии пока хорошей дедуктивной теории!

Из этого же ощущения (или уже убежденности?) исходят руководители и участники некоторых научных центров, где на базе, с одной стороны, многих индуктивных исследований концептов, с другой – сравнительного анализа многих подходов, концептологических направлений и школ формируются обобщающие теория, методика, терминология (например, изложенные в многотомной «Антологии концептов» под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина). Кстати, эти попытки, которые я (и несомненно многие другие неравнодушные исследователи) воспринимаю очень положительно, с оптимизмом, суть не просто дедукция, а дедукция одновременно первого и второго порядков (метатеория) (подобное имел в виду и К. Ф. Седов). И именно сейчас становится особенно актуальным проанализировать все эти разнообразие школы, сравнить и обобщить их достижения и «ограничения», совершенно необходим ряд конференций, которые собрали бы исследователей-теоретиков из разных центров...

Доказали ли мы общую правомерность дедукции в науке? Будем надеяться, что да. (Если это вообще было необходимо.) Кстати, Алпатов прямо говорит, что с а м н е з н а е т , насколько сейчас пришло – или не пришло время для дедуктивных исследований: «И всё же следовало бы разобраться в том, на каком этапе лингвисты сейчас находятся» [1 : 12].

Важнее, однако, ответить на другой вопрос (или вопросы): к а к и м и должны быть дедуктивные построения, какие к ним должны предъявляться требования, каких типов они должны быть и какую роль играть в будущих исследованиях (дедуктивно-индуктивных), претендующих на научную качественность.

Интересно, что у В. М. Алпатова, несмотря на заявленное им общее неприятие дедуктивного подхода в современной науке о коммуникации, находим весьма сочувственное цитирование положения В. И. Абаева о разграничении двух «языковых идеологий», которое с очевидностью не может быть применено к «чисто» индуктивной науке: ученый выделял «идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка

(как коммуникативной системы)» [9 : 35]. В первом случае с а м ф а к т , что язык является идеологической системой, может быть принят только дедуктивно; во втором же случае «идеологию», которая подлежит выражению с помощью языка и которую затем можно изучать лингвистическими методами, надо сначала (по отношению к этому будущему лингвистическому анализу, д е д у к т и в н о) понять и сформулировать.

Возвращаясь к исследованию коммуникативных ценностей, данное положение В. И. Абаева, видимо, может быть понято как разграничение двух типов исследований / двух типов материала:

1) анализ рефлексии над коммуникативными ценностями, которая, так сказать, уже была когда-то кем-то осуществлена, а сейчас доступна нашему наблюдению, будучи зафиксирована в семантике языковых (прежде всего лексических) и речевых (текстовых) единиц (последние представляет рефлексия как высоко компетентных носителей языка в письменной форме – философов, писателей, журналистов, – так и наивных практиков, например в повседневной устной речи);

2) анализ того, как коммуникативные ценности проявляются непосредственно в самой коммуникации (этот материал составляет и коммуникация, осуществляемая успешно, и различные коммуникативные неудачи).

В моей монографии [2] были представлены в основном взгляд и соответственно материал первого типа.

Конечно, этого недостаточно.

Привлечение и анализ (дедуктивно-индуктивный) собственно коммуникации планируются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. №1–2(9–10). Саратов, 2014. С. 9–15.
2. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica).
3. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
4. Алпатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика» // Коммуникация. Мышление. Личность : матер. междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Го-

релова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ Наука, 2012. С. 12–25.

5. Деметьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях : к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. Вып. 1(39). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. С. 11–16.

6. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с.

7. Седов К. Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. С. 86–99.

8. Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 105–110.

9. Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. O dvukh «detskikh boleznyakh» sovremennoj lingvistiki: yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2(9–10). Saratov, 2014. pp. 9–15.

2. Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, 2013. 338 p. (Studia philologica).

3. Kibrik A. E. *Oчерки по obshhim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied

aspects of linguistics.]. Moscow, 1992. 336 p.

4. Alpatov V. M. Lingvistika vchera i segodnya: Razmyshleniya nad stat'ej K.F. Sedova «Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika» [Linguistics yesterday and today: Reflections on article by K.F. Sedov «Linguistics. Speech study. Genristics»]. *Kommunikaciya. Myshlenie. Lichnost'* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, 2012, pp. 12–25.

5. Demytyev V. V. Ob ocenochnosti i absoljutzicii v lingvisticheskikh issledovaniyah: k diskussii A. D. Shmeleva s A. V. Pavlovoj i M. V. Bezrodnym o «lingvonarcissizme» [On Valuation and Absolutism in linguistic research: on the discussion between A. D. Shmelev and A. V. Pavlova, and M. V. Bezrodny on «linguonarcissism»]. *Political linguistics* [Politicheskaja lingvistika], no. 1 (39). Ekaterinburg, 2012, pp. 11–16.

6. Sirotinina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, usus and created by them risks.]. Saratov, 2013. 116 p.

7. Sedov K. F. Zhanry rechi v stanovlenii diskursivnogo myshlenija jazykovoju lichnosti [Speech genres in the formation of discursive thought of linguistic person]. *Russkij yazyk v kontekste kul'tury* [Russian language in a cultural context]. Ekaterinburg, 1999, pp. 86–99.

8. Sedov K. F. Principy postroenija sovremennoj otechestvennoj psiholingvistiki [Principles of construction of modern domestic psycholinguistics]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2007, no 5, pp. 105–110.

9. Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on the theory and history of linguistics]. Moscow, 2006. 150 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5

В. В. Дементьев, Н. Б. Степанова
Саратов, Россия

V. V. Dementyev, N. B. Stepanova
Saratov, Russia

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ОДИННАДЦАТЫЕ ШМЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ
(МОСКВА, 23–25.02.2015)
ПО РЕЧЕВЫМ ЖАНРАМ**

**INTERNATIONAL CONFERENCE
ELEVENTH SHMELEV READING
(MOSCOW, 23-25.02.2015)
ON SPEECH GENRES**

Аннотация. Обзор международной конференции «Одиннадцатые Шмелёвские чтения», прошедшей в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) 23–25 февраля 2015 г. Были представлены наиболее актуальные проблемы современной ТРЖ и ее «болевы точки». Организаторы конференции постарались привлечь ведущих ученых из всех значительных центров изучения РЖ в России, отчасти и за рубежом. Были две секции: «Жанровое разнообразие современного речевого общения» и «Языковая специфика современных речевых жанров». XI Шмелевские чтения выявили растущую потребность лингвистов-жанроведов в подобных тематических конференциях.

Ключевые слова: речевые жанры; жанровое разнообразие современного речевого общения; языковая специфика современных речевых жанров.

Abstract. Review of the international conference “Eleventh Shmelev reading” held at the Institute of Russian Language n. a. V. V. Vinogradov of Academy of Sciences (Moscow) on 23–25 February 2015. The most urgent problems of modern speech genre theory were presented and its “hot spots”. The conference organizers tried to invite the leading scientists from all major centers for the study of speech genres in Russia, and abroad. There were two sections: “Genre diversity of contemporary speech communication” and “Language specifics of modern speech genres”. XI Shmelev reading revealed the growing need for linguists-genrists in these newsgroups.

Key words: speech genres; variety of genres of modern speech communication; linguistic specifics of modern speech genres.

Сведения об авторах: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Степанова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru; gaerven@yahoo.com

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Stepanova Natalia Borisovna, PhD, Associate Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

23 – 25 февраля 2015 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась международная конференция XI Шмелевские чтения – «Речевые жанры современного общения».

Это первые Шмелевские чтения, специально посвященные проблемам РЖ, хотя в ИРЯ проблемами РЖ занимаются давно, фактически с тех самых пор (с 1980-х гг.), когда данная проблема начала настоящим образом исследоваться. Специалистам хорошо известны работы, принадлежащие сотрудникам ИРЯ, – М. В. Китайгородской (к сожалению, уже умершей), Н. Н. Розановой, А. Д. Шмелеву, Е. Я. Шмелевой, А. В. Занадворовой и др.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова напоминают, что «Уже в первой хрестоматии русской разговорной речи (имеется в виду хрестоматия, подготовленная сотрудниками ИРЯ. – В. Д., Н. С.) корпус

текстов был организован по жанровому принципу» [1 : 21], а основания для выделения «типов речи» уже тогда по сути представляли собой жанровые параметры: «Часть компонентов КА (коммуникативного акта. – В. Д., Н. С.), которые были признаны значимыми для выделения разновидностей устной речи, фигурируют в качестве существенных, влияющих на ее жанровую дифференциацию (характер коммуникации, вид коммуникации, число участников, их коммуникативные намерения и др.)» [Там же].

Организаторы XI Шмелевских чтений постарались представить и наиболее актуальные исследования сотрудников ИРЯ, и – одновременно – наиболее актуальные проблемы современной ТРЖ, и ее общее состояние, и наметившиеся ограничения, и «болевы точки». Все это должно было, по замыслу организаторов, породить, конечно же, самое ценное на такой конференции –

принципиальную и концептуальную научную дискуссию.

Очень отраднo, что для этой цели постарались привлечь ведущих ученых из всех значительных центров изучения РЖ в России (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Екатеринбург, Пермь, Красноярск, Омск, Новосибирск, Калуга), отчасти и за рубежом (зарубежных русистов): ближнего (Киев) и дальнего зарубежья (Хельсинки, Вена, Потсдам, Грац, Люблин, Линьи (Китай)). («География», конечно, могла бы быть представлена более полно, но это уже никак не вина организаторов, а, так сказать, суровая (финансовая) реальность современной российской науки. Во всяком случае, первоначальная программа, разосланная участникам за месяц до начала конференции, была примерно на треть обширнее итоговой реальной. Так, на конференции по жанрам речи, несомненно, должен был быть представлен Волгоград, и в программе была заявлена, например, О. А. Прохвятилова, но – не приехала, как, увы, и многие другие...).

Были две секции (каждая включала две части: утреннюю и вечернюю): **«Жанровое разнообразие современного речевого общения»** и **«Языковая специфика современных речевых жанров»**.

На пленарных заседаниях – утренних и вечерних в первый и последний дни Чтений – обсуждались основные теоретические проблемы, связанные с осмыслением РЖ, так сказать, силами присутствующих на Чтениях исследователей и исследовательских коллективов (ряд докладов представлял итог работы целых групп, были и коллективные доклады, например из Новосибирска).

Широкая проблематика представленных на конференции докладов, с одной стороны, отражает многоаспектность речевых жанров, возможность изучения их с разных точек зрения; с другой, свидетельствует о том, что многие фундаментальные вопросы теории речевых жанров до сих пор остаются без ответа.

В этой связи стоит вспомнить, какие радужные ожидания были у российских и зарубежных лингвистов, которые стояли у истоков ТРЖ в 1980-1990-е гг.: что эта максимально приближенная к «живой жизни языка» внешнелингвистическая дисциплина наконец-то поможет проникнуть в многие давние «тайники» языка и речи (эти точки зрения можно найти в работах 1980-1990-х гг., в том числе, как уже было сказано, у сотрудников ИРЯ, а также в журнале «Вопросы языкознания», который, как

известно, непосредственно связан с ИРЯ, например [1 ; 2–6]).

Увы, реальные результаты оказались скромнее, чем ожидалось, а их лингвистический статус неопределен. До сих пор не даны ответы на наиболее принципиальные вопросы (например, какие механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике, – часто высказываемая исследователями идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении); методика речезанровых исследований по степени формализации несопоставима с традиционными лингвистическими моделями. В результате сегодня среди лингвистов, особенно традиционных, ориентированных на индуктивные исследования, распространено скептическое отношение к ТРЖ. К сожалению, у них есть для этого некоторые основания. Нельзя сказать, что ТРЖ ничего не может дать для изучения традиционных лингвистических объектов: синтаксиса, лексики, морфологии, фонетики, – может (просто для того чтобы прямо использовать результаты и положения ТРЖ для данных целей, очень многое еще предстоит сделать), и все же пока что базовые положения ТРЖ даны лингвистике как бы «на вырост»: положения, что жанры речи управляют порождением и интерпретацией текста; что есть какие-то конкретные жанры (условные X, Y, Z...), а также их типы, – принимаются скорее дедуктивно, между ними и настоящим лингвистическим анализом языкового материала зияет лагуна, заполнить которую лингвистическим инструментарием и методикой еще только предстоит. «Происходит сдвиг от излишней формализации к выдвиганию нестрогих и непроверяемых положений. Многим современным функциональным исследованиям свойственно стремление сразу дойти до решения всех проблем без прохождения неустраняемых промежуточных этапов и отсутствия необходимого разграничения понятий», – пишет В. М. Алпатов о современных коммуникативных исследованиях в целом [7 : 9]; см. в этом номере журнала статью В. В. Дементьева о дедукции в исследованиях коммуникации.

Это не значит, конечно, что пытаться заполнять лагуны не надо уже сейчас: надо, пусть настоящие результаты – скорее в будущем.

Некоторые «болевые точки», нерешенные вопросы теории речевых жанров были представлены в докладе **С. И. Гиндина**: 1) фактическое смешение РЖ и речевых актов

из-за игнорирования таких важных в концепции М. М. Бахтина параметров жанра, как стиль, тема, композиция; 2) разная степень привязанности РЖ к сфере деятельности (если каждая сфера вырабатывает свой набор жанров, то жанры должны быть специфичны для данной сферы; однако есть РЖ, пересекающие границы сфер, – каков их статус? имеем ли мы дело с омонимией имен жанров или с явлением жанровой природы, но большей степени абстракции (гипержанром) и его разновидностями?); 3) отсутствие стандартов описания РЖ; 4) нерешенность проблемы соотношения жанра и стиля; а также 5) нерешенность проблемы имен жанров (если в языке нет имени для какого-либо жанра, означает ли это, что данный жанр отсутствует в данной лингвокультуре?) и др.

Проблеме разработки единой модели описания речежанровой картины современности был посвящен доклад **В. В. Дементьева**. Предложенная в докладе модель включает ряд параметров: предмет речи, стиль, целеполагание, отношения речежанровой первичности-вторичности, коммуникативные сферы. Основное внимание сосредоточивалось на современной (рубеж XX-XXI вв.) речежанровой картине, хотя предлагаемая методика исследования имеет, по замыслу автора, более универсальный характер. К наиболее значимым для современной речежанровой ситуации факторам относятся, с точки зрения автора, глобализация, развитие сети Интернет, а с методологической точки зрения – развитие корпусной лингвистики. Важность последнего аспекта также отразилась в докладе **А. Мустайоки**, где разграничивались два лингвистических подхода: ориентированный на абстрактный гомогенный идеал языка и ориентированный на реальное живое употребление, выявляемое в том числе по материалам текстовых корпусов.

Важная и практически никем в жанроведении не решавшаяся проблема речевых жанров «извне и изнутри» была поставлена в докладе **А. Д. Шмелева** (на материале русского языка): по мнению исследователя, принципиально важно различать 1) восприятие РЖ представителями культурно-языковой общности, в которой эти РЖ используются, и посторонними наблюдателями – исследователями, представителями иной культурно-языковой общности; 2) характеристику РЖ в представлении того, кто его

реализует, и характеристику сторонним наблюдателем.

Уже упомянутая проблема соотношения жанра и стиля обсуждалась в докладе **В. А. Салимовского**, в частности, много внимания было уделено РЖ в его отношении к сфере деятельности.

Полноценное понимание современной речежанровой ситуации невозможно без учета Интернета как особой жанропорождающей среды (ср. выше о докладе В. В. Дементьева). Неудивительно, что целый ряд докладов был посвящен новым электронным жанрам: **Е. Я. Шмелевой** (о новых юмористических жанрах сетевого фольклора («Интерлора»)), **О. С. Иссерс** (о таком виде жанровой мистификации, как фейковый отзыв о путешествии, и его коммуникативно-языковых маркерах), **Н. Н. Молитвиной** (о сетевой литературной рецензии). Коммуникативное взаимодействие в Интернете протекает зачастую в форме сложного слабоструктурированного полилога; в докладе **Л. Л. Федоровой** были рассмотрены некоторые модели структурной организации полилога, а также ряд измеримых характеристик (плотность, емкость, степень сложности и публичности и др.), по которым были описаны коммуникативные ситуации на митинге и в интернет-форуме.

Новые социальные тенденции ведут к появлению новых жанров, к развитию и трансформации старых. Так, в докладе **Б. Ю. Нормана** рассматривалось влияние тенденции к раскрытию персональной информации и к «антропонимизации» общественной жизни на распространение жанра бэдж; была предложена классификация бэджей и проанализированы их функции.

Важной частью современной коммуникации является корпоративное общение, обсуждению которого был посвящен **круглый стол** в рамках конференции. Были представлены результаты совместного российско-австрийского исследования, продемонстрировавшего междисциплинарный подход к изучению данной проблемы, важность учета не только дискурсивных, лингвистических, но и социальных факторов, влияние корпоративной культуры и т.п. К сожалению, собственно жанровая составляющая оказалась, на наш взгляд, раскрыта недостаточно полно, хотя именно в этой сфере очень сильно влияние фактора глобализации, а следовательно, происходит активное заимствование речевых жанров.

Для описания системы речевых жанров

необходим анализ языковых средств и моделей, используемых в текстах тех или иных жанров. В докладе **М. Я. Дымарского** было показано, как определенная модель высказывания (контроплативные инфинитивные высказывания) при варьировании ряда параметров (вид инфинитива, темпоральный вектор, персональная отнесенность) может реализовываться в различных жанрах (угрозы, просьбы, упрека и т.п.).

Уже к началу конференции был готов сборник тезисов.

Подводя итог, следует отметить, что явно сформировалась потребность в подобных тематических конференциях. С одной стороны, речевые жанры входят в сферу научных интересов большого числа ученых-языковедов, которым необходима единая площадка для обмена идеями и результатами исследований. С другой стороны, существует потребность в выработке единой теоретической и методологической концепции в рамках теории речевых жанров.

Конечно, было представлено не всё возможное актуальное и требующее обсуждения и решения в современной ТРЖ. И географически (как уже говорилось) должен был быть представлен не только Волгоград, но и, например, Воронеж, Тверь, Великий Новгород, Иркутск да и Владивосток – но (как тоже уже говорилось) они не были представлены не по научным, а по, увы, существенным в настоящее время «объективно-ненаучным» причинам.

Пожалуй, жаль, что не оказались представлены такие проблемы, как онтолингвистический аспект РЖ: никого не было из школ С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург), И. А. Стернина и Н. А. Лемяскиной (Воронеж).

Почти не было предложений / моделей общего характера, например, по типологии РЖ (в частности, недостаточно обращались к очень богатым потенциалам бахтинской концепции первичных и вторичных РЖ), месту жанроведения в общей системе лингвистических дисциплин, и, пожалуй, в целом дискуссия на общетеоретические темы могла быть более содержательной.

Обсуждая эти достоинства и недостатки XI Шмелевских чтений, следует подчеркнуть, что нельзя (и не надо!) пытаться «объять необъятное»: опыт первой такой конференции был удачным, но еще большего, конечно же, ждем впереди!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
3. *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
4. *Дементьев В. В.* Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
5. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
6. *Wierzbicka A.* Genry mowy // *Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd.: PAN, 1983. S. 125–137.*
7. *Алпатов В. М.* О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // *Жанры речи.* 2014. №1–2(9–10). Саратов, 2014. С. 9–15.

REFERENCES

1. *Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N.* *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, 1999. 396 p.
2. *Arutyunova N. D.* *Zhanry obshcheniya* [Genres of communication]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992, pp. 52–56.
3. *Demytyev V. V.* *Izucheniye rechevykh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoy rusistike* [The study of speech genres. A review of works in modern Russistics]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of Linguistics]. 1997, no. 5, pp. 102–120.
4. *Demytyev V. V.* *Faticheskiye rechevyye zhanry* [Phatic speech genres]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of Linguistics]. 1999, no. 1, pp. 37–55.
5. *Fedosyuk M. Yu.* *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of linguistics]. 1997. Nr 5, pp. 102–120.
6. *Wierzbicka A.* *Genry mowy.* In: *Tekst i zdanie. Zbiór studiów.* Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd. 1983, ss. 125–137.
7. *Alpatov V. M.* *O dvukh «detskikh boleznayakh» sovremennoj lingvistiki: yazyk, ideologiya, rechevye zhanry* [About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2(9–10). Saratov, 2014, pp. 9–15.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ЖАНРЫ РЕЧИ»

Международный журнал «Жанры речи» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств издателя.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи до 1 июня и 1 декабря каждого года.

Материалы присылаются в электронном варианте в виде приложения к письму-заявке с персональными данными (ФИО, место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон и электронный адрес). Каждая статья должна быть в отдельном файле.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные **на русском и английском языках**.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

фамилия, имя, отчество автора полностью (указываются все авторы);

должность, звание, ученая степень;

полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы (если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора);

подразделение организации;

контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. ИНФОРМАЦИЯ О ГРАНТАХ, В РАМКАХ КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНА РАБОТА

6. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

УДК, ББК и/или ГРНТИ;

либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Требуемый шрифт – Times New Roman, размер: 14 pt – основной текст, 12 pt – список литературы, подрисуночные подписи, тексты таблиц и т.п., через 1 интервал, абзац 1,25 см, все поля по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания и литературу (не более 30 000 знаков с учетом пробелов).

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом.

Сноски следует давать в сквозной нумерации внизу страницы.

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. № 5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

В случае цитирования чужих фрагментов текста обязательно указание на источник.

Статья должна быть структурирована: включать введение и заключение; текст основной части статьи должен быть разбит на разделы.

Обращаем внимание авторов на то, что в журнале большая часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, **должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации**.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Поэтому каждая статья, публикуемая в журнале «Жанры речи», должна иметь два приставных списка литературы: с оригинальными (русскими) названиями и латинскими. Латинская версия русского названия цитируемой публикации включает транслитерацию русского названия и перевод его же на английский язык.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется так: [1 : 25].

Нумерация в списке литературы идет не по алфавиту, а по мере появления в тексте: [1] – первая ссылка и т.д.

Образец оформления статьи:

УДК 81'27:811.161.1

ББК ТЗ(2)634-6-ТЗ(2)64-3

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ЦЕННОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РОДСТВЕННЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

THE VALUE CHARACTERISTICS OF SPEECH GENRES IN RELATED LINGUOCULTURES

Аннотация. Исследование посвящено сопоставлению ценностных жанровых картин мира и входит в лингвокультурологическое направление языкознания, выявляющее лингвистический аспект культурно-обусловленного отношения к миру.

Коммуникация, которую структурируют жанры, есть важнейшая часть культуры, и жанры – ее формы – так же обусловлены субъективным, культурно-опосредованным ценностным взглядом на мир, как и культура в целом.

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре, их соотношением и оценочным отношением к ним.

Выявлены некоторые качественные различия в коммуникативном и речевом воплощении ключевых национальных концептов, отраженные как в структуре, так и в именах речевых жанров.

Ключевые слова: речевые жанры, коммуникация, культурные характеристики, оценочные системы.

Abstract. This article is devoted to comparing the value genre pictures of the world and is naturally a part of the contemporary Linguoculture field of Linguistics which researches the language aspect of the culture-valued view on the world.

Communication structured by genres is the fundamental part of the culture. Speech genres are viewed as basically value-making. Speech genres which are forms of communication as well as culture on the whole are marked by the cultural view on the world.

The genre identity of every culture is defined by the set of the speech genres and conceptual characteristics, which every genre gets within this or that culture, by genres' value correlation which is caused by the common culture-valued view on the whole world.

Essential differences in the communicative and speech genre embodiment of the national clue concepts which are reflected in the structure and the names of the speech genres have been discovered.

Key words: speech genres, communication, culture characteristics, value systems.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

2. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 120–141.

3. Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 253 с.

4. Kaufer D. S. Ironia, forma interpretacyjna i teoria znaczenia // Archiwum przekładów «Pamiętnika

Literackiego» / pod red. Michała Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz terytoria, 2002. S. 67–85.

5. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 26 с.

6. Горин С. В. Мотив воспоминания в ранней лирике К. Д. Бальмонта. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (дата обращения: 20.11.2013).

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznaviya* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.

2. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

3. Kozhina M. N. *Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnykh stiley rechi* [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.

4. Kaufer D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. *Collection of translations «Literary memoirs»*. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.

5. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarного retsept)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe)]. Cand. philol. sci. thesis diss. Novosibirsk, 2012. 26 p.

6. Gorin S. V. *Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta* (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).

Обращаем внимание авторов на то, что **объем аннотации** к статье в Международном журнале принято делать больше, чем в российских изданиях: обычно он составляет около половины страницы текста.

На каждую поступившую в редакцию журнала статью назначаются два анонимных **рецензента** из числа российских и зарубежных докторов наук, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить проблемность, актуальность и оригинальность работы, научную качественность и язык, а затем сделать окончательное заключение о судьбе статьи (принять, принять с доработкой, отказать) и написать краткое обоснование / комментарий. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи. При этом редакция журнала ответственна за то, чтобы автор статьи **ни при каких обстоятельствах** не узнал имени рецензентов. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или не оформленные в соответствии с вышеперечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.